

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 12, № 2

Апрель – Июнь 2019

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал "Региональные социальные процессы" сменил название на "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика" в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Гаврилюк В. В., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н.,
Докторов Б. З., Егоршин А. П., Енгоян А. П., Зборовский Г. Е., Звонников В. И., Ильиных С. А.,
Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М.,
Силин А. Н., Тараданов А. А., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 12, No. 2

April – June 2019

**PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Aleksyenko A. N., Barbakov O. M., Gavriiliuk V. V., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N.,
Doctorov B. Z., Egorshin A. P., Engoyan A. P., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A.,
Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M.,
Silin A. N., Taradanov A. A., Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоношко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович

д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Звонников Виктор Иванович

д. пед. н., профессор, генеральный директор Ассоциации организаций развития управленческого образования, член Комитета по развитию профессионального и бизнес-образования Торгово-промышленной палаты РФ

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseyenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinayida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Social Sciences, Independent Analyst and Consultant, Lecturer (USA)

Egorshin Alexander Petrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Zvonnikov Victor Ivanovich

Doctor of Pedagogy, Professor, Director General of Association of Development of Management Education, Member of Committee on Development of Professional and Business Education of the Chamber of Commerce of the Russian Federation

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Institute of Social and Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Michail Urievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Кулембаева А.С., Донцов С.С., Кадырова А.С. Организационно-экономические отношения в сфере коммерциализации интеллектуальной собственности в Республике Казахстан	9
Кинчагулова М.В. Организация труда в здравоохранении: результаты социологического исследования	20
Акулич М.М., Семёнов М.Ю., Трояновская А.Д. Старшее поколение в Узбекистане: гражданская позиция, семейные ценности и интернет коммуникации	30
Фомина Е.Е. Методы анализа категориальных переменных в социологических исследованиях	39
Киричук С.М., Толмачева С.В. К качеству жизни через призму выборов в органы местного самоуправления	52
Пресекова М.Н. Постмодернистский дискурс социологии духовной жизни и культуры	62
Косинцева Т.Д., Хвощ Р.Н. Организация научно-исследовательской работы студентов в образовательном процессе в современном российском вузе	73
Корнилова М.В. Фактические условия жизни и адаптационные стратегии женщин молодого и пожилого возрастов: сравнительный анализ	81
Белоножко Л.Н., Конев Ю.М. Социологические проблемы в вопросах реализации управленческого потенциала на предприятиях арктического региона	94
Макарова Г.И. Брендинг территории и культура: актуальные подходы в зарубежной науке	102
Аквазба Е.О., Скок Н.И., Ухабина Т.Е. Формирование социогуманитарного знания у студентов технических направлений подготовки: проблемы и перспективы	115

CONTENTS

Kulembayeva, A.S., Dontsov S.S., Kadyrova A.S. Organizational and economic relations in the commercialization of intellectual property in Kazakhstan Republic	9
Kinchagulova, M.V. Labor organization in health care institutions: research results	20
Akulich, M.M., Semenov, M.Yu., Trojanovskaya, A.D. Senior generation in Uzbekistan: civil position, family values and internet communication	30
Fomina, E.E. Methods of analysis of categorical variables in sociological research	39
Kirichuk, S.M., Tolmacheva, S.V. To quality of life through the prism of elections in organs local government	52
Prosekova, M.N. Postmodernists discussion of sociology of spiritual life and culture	62
Kosintseva, T.D., Khvoshch, R.N. Organization of research work of students in the educational process in the modern Russian university	73
Kornilova, M.V. The actual conditions of life and adaptation strategies of women young and old ages: a comparative analysis	81
Belonozhko, L.N., Konev, Yu.M. Sociological problems in the issues on implementation of managerial capacity in the enterprises of the Arctic region	94
Makarova, G.I. Territory branding and culture: current approaches in foreign science	102
Akvazba, E.O., Skok, N.I., Uhabina, T.E. Socio-humanitarian disciplines in technical university: problems and prospects	115

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Анаргуль Сынтасовна Кулембаева¹, Сергей Семёнович Донцов², Акмарал Сатбековна Кадырова³

¹*Кафедра экономики, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Павлодар, Республика Казахстан*

²*Кафедра экономики, Павлодарский филиал Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Павлодар, Республика Казахстан*

³*Кафедра бизнеса и управления, Инновационный Евразийский Университет, Павлодар, Республика Казахстан*

Аннотация. В статье отмечается острая необходимость разработки эффективной стратегии и инфраструктуры коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в Республике Казахстан. При этом подчеркивается важность обеспечения профессионального управления правами интеллектуальной собственности, являющейся результатом научных исследований. Изучена структура организаций Казахстана в системе охраны интеллектуальной собственности. Непосредственно сам процесс коммерциализации представлен с точки зрения совокупности связей между разработчиком, покупателем конечной продукции произведенной на основе разработанного объекта интеллектуальной собственности и/или лицензиатом. Изучены проблемы взаимоотношений между предприятиями-исполнителями и заказчиками при распределении и использовании прав на интеллектуальную собственность, созданную за счет средств государственного бюджета. Выявлена необходимость реформирования отношений между органами власти и инновационным бизнесом. Установлено, что большинство исследованных проблем могут быть решены только путем совершенствования законодательной и нормативной базы инновационной деятельности. Определена цель исследования, заключающаяся в обосновании концептуальных положений коммерциализации интеллектуальной собственности, определении сущности и теоретических основ организационно-экономических отношений при коммерциализации новых технологий на рынке инноваций Казахстана. Сформулированы результаты исследований, заключающиеся в развитии современных представлений о содержании и специфике действующих организационно-экономических отношений, складывающихся при коммерциализации объектов интеллектуальной собственности и разработке на этой основе основных направлений по совершенствованию отдельных элементов коммерциализации инноваций.

Ключевые слова: организационно-экономические отношения, объекты интеллектуальной собственности, инфраструктура коммерциализации, научные исследования, инновационный бизнес, рынок инноваций.

Organizational and Economic Relations in the Commercialization of Intellectual Property in Kazakhstan Republic

Anargul S. Kulembayeva¹, Sergey S. Dontsov², Akmaral S. Kadyrova³

¹*Department of Economics, S. Toraiyirov Pavlodar state University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.*

²*Department of Economics, S. Toraiyirov Pavlodar state University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.*

³*Department of business and management, Innovative Eurasian University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan*

Abstract. The article notes the urgent need for an effective strategy and infrastructure for the commercialization of intellectual property in the Republic of Kazakhstan. It emphasizes the importance of ensuring professional management of intellectual property rights, which is the result of scientific research. It is studied the structure of Kazakhstan organizations in the system of intellectual property protection. The process of commercialization itself can be represented in term of relations between the developer, the buyer

of final products produced on the basis of the developed intellectual property and the licensee. The problems of relations between the executing companies and customers in the distribution and use of intellectual property rights created at the expense of the state budget have been studied. The need to reform the relations between government and innovative business is revealed. It is determined, that most of legislative and regulatory framework of innovation. The purpose of research is to justify the conceptual provisions for commercialization of intellectual property, to determine the nature and theoretical foundations of organizational and economic relations in the commercialization of new technologies in the innovation market of Kazakhstan. The results of research are formulated, which consist in the development of modern ideas about the content and specifics of existing organizational and economic relations that emerge during the commercialization of intellectual property objects and in the development on this basis of the main directions for improving individual elements of commercialization of innovations.

Keywords: objects of intellectual property, infrastructure of commercialization, innovative business, innovation market.

Введение

Организационно-экономические отношения представляют собой отношения, в результате которых происходит обмен экономическими интересами между предприятиями в ходе реализации и обмена результатами производственно-хозяйственной деятельности [1].

В данной статье раскрывается теоретическая и практическая значимость определения организационно-экономических отношений при коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в Республике Казахстан (РК) с учетом современных реалий существования предприятий различных организационно-правовых форм.

На сегодняшний день, в рамках реализации индустриально-инновационной стратегии Республики Казахстан дальнейшее функционирование отечественных предприятий обусловлено необходимостью развития организационных и экономических отношений, ориентированных на повышение конкурентоспособности и активизацию использования перспективных объектов интеллектуальной собственности.

Доктор юридических наук, профессор Т.Е. Каудыров к организациям, осуществляющим контроль в системе интеллектуальной собственности в РК, относит патентное ведомство, ведомство по авторским правам, организации коллективного управления авторскими правами, а также правоохранительные органы и суды [2].

За годы независимости РК система Патентного ведомства, в связи с трансформацией организационной структуры, видоизменилась. На сегодняшний день данная система представлена двумя уровнями:

- Комитетом по правам интеллектуальной собственности, выступающим в роли государственного уполномоченного органа в сфере интеллектуальной собственности;
- Республиканским государственным предприятием «Национальный институт интеллектуальной собственности», осуществляющим экспертные функции патентного ведомства [3].

Проблемы функционирования интеллектуальной собственности и формирования механизма коммерциализации её объектов были исследованы в трудах российских ученых А. Корчагина, А. Козырева, Н. Лыникова, В. Мухопода, О. Новосельцева, И. Плетнева, В. Фетисова, Т. Волкова, И. Дежина, И. В.А. Конявского, Леонова, Е. Медведева, Е.А. Иукова, Дж. Казметского, Т. Карпова, Я. Матковской, А. Квашнина, Н. Шарановой, Л. Нигматулиной, Е. Спиридоновой, Р. Харисова, Ф. Морозова, В. Курбата [4; 5].

Для анализа проблемы развития организационно-экономических отношений в области коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, методов воздействия государства на инновационный процесс весьма полезными оказались теоретические разработки казахстанских ученых-экономистов У.Б. Баймуратова, Ф.М. Днишева,

Р.Е. Елемесова, С.Т. Купешевой, А.Г. Мухамеджановой, З.А. Сальжановой, Е.С. Ситниковой, А.Л. Шевяковой, Н.А. Урузбаевой.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования сформировали инструментарий общей экономической теории, современной экономической литературы, различные подходы к определению организационно-экономических отношений как в РК, странах ближнего зарубежья, так и в странах ЕС. В статье применялся метод обобщения зарубежного опыта коммерциализации интеллектуальной собственности в целях активизации продвижения технологий в отечественной практике введения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот. Используются ситуационный подход, структурирование законодательной базы при формировании инфраструктуры коммерциализации ОИС, механизма коммерциализации технологий и другие общенаучные методы, позволяющие рассмотреть сложившуюся систему внедрения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот. Кроме того, использовались дедуктивные и индуктивные методы, следствием которых являются логические выводы по изученному казахстанскому опыту и опыту стран ЕС, стран Южной Америки, Южной Африки по вопросам организационно-экономических отношений при коммерциализации вновь созданных технологий, с целью совершенствования действующего отечественного механизма исследуемой нами дефиниции в области стимулирования продвижения интеллектуальной собственности. При проведении исследования использовался также метод сравнения специфики коммерциализации интеллектуальной собственности в Финляндии, Израиле, Франции. Были выявлены различия и сходства событий механизмов коммерциализации интеллектуальной собственности.

Использование метода систематизации при определении участников процесса коммерциализации технологий, выявили несовершенства элементов исследуемого нами механизма в области не только в НИИ, вузах, но и в частных компаниях и консорциумах при академических институтах.

Таким образом, на основе использования общенаучных методов обобщения, теории, ситуационного метода, дедуктивного и индуктивного методов, метода сравнения, а также метода моделирования, в статье выстраивается механизм организационно-экономических отношений при коммерциализации ОИС, в результате которых были выявлены проблемы организационно-правового характера, проблемы институционализации лоббистской деятельности структур инновационного бизнеса и государства, проблемы в вопросах развитости инфраструктуры процесса коммерциализации технологий в Казахстане.

Целью применения вышеперечисленных методов при проведении исследований в части коммерциализации интеллектуальной собственности является представление путей решения сложившихся проблем на основе совершенствования правовой системы сложившегося института интеллектуальной собственности в РК, с использованием опыта стран дальнего и ближнего зарубежья, в правовой охране интеллектуальной собственности которых необходимо учитывать экономико-правовые интересы авторов разработки. Решение данных проблем в области развития и продвижения технологий стимулирует развитие соответствующей инфраструктуры рынка и интеллектуальной собственности.

Результаты исследования

Казахстан для перехода на новый технологический уклад 4.0, а также в целях вхождения в число лидирующих стран мира развивает систему контроля и оценки интеллектуальной собственности, используя современные инновационные методы. В этой связи наши предприятия должны быть мотивированы к использованию новых технологий и других объектов интеллектуальной собственности, стать более инновационно-ориентированными.

На сегодняшний день это в основном те предприятия, где современные цифровые технологии уже стали основой бизнеса. Речь идет о финансовой сфере, онлайн и офлайн ритейле (розничной продаже), секторе услуг. Инновационная трансформация для них – это постоянное совершенствование, которое заключается в поиске дополнительных ниш и возможностей коммерциализации перспективных объектов интеллектуальной собственности за счет использования новых подходов и технологий в разработке и предоставлении услуг (мобильный банкинг, агрегаторы такси, онлайн-кинотеатры и т.д.). Подобная система цифровизации должна касаться и других предприятий различных сфер и отраслей деятельности [6].

Совершенствование инновационных методик и дальнейшая цифровизация экосистемы коммерциализации новейших разработок в сфере интеллектуальной собственности на предприятиях будет содействовать скорейшему достижению основных целей вышеназванной государственной стратегии.

Ключевым фактором успеха в вопросах развития инновационной экосистемы на предприятиях реального сектора должно стать повышение спроса на применение новых технологий, приращение добавленной стоимости благодаря внедрению инноваций. Этим процессам будет способствовать и соответствующая оптимизация отечественной нормативно-законодательной базы [7].

В целях повышения глобального индекса конкурентоспособности РК на 2018–2019 годы государством приняты следующие меры:

- АО «Фонд науки» осуществляет среди общественности популяризацию коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности;
- систематически осуществляется поддержка перспективных технологичных проектов посредством выдачи инновационных грантов;
- планируется дальнейшее развитие системы офисов коммерциализации интеллектуальной собственности в научно-исследовательских и образовательных организациях страны [8].

Необходимость быстрой трансформации экономики сырьевого типа в smart-экономику (экономику интеллектуального типа) ставит перед нашим государством соответствующие задачи по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере новых механизмов организационно-экономических отношений при коммерциализации объектов интеллектуальной собственности (далее ОИС).

Процесс коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности включает в себя несколько этапов видоизменения объекта интеллектуальной деятельности в ОИС, подлежащие применению в коммерческой деятельности:

- разработчиком анализируются идеи, концепции, появившиеся в результате анализа имеющейся информации;
- проведение НИОКР. На этой стадии происходит непосредственное формирование ОИС. На данном этапе имеют место анализ, поиск информации, непосредственные информационно-аналитические исследования, а также исследования по совершенствованию действующих технологий для снижения затрат и повышения прибыли, научные исследования по разработке новых технологий, моделей, прототипов изобретений;
- получение результатов интеллектуальной деятельности (ОИС). Происходит первичное оформление экономико-правовых отношений по интеллектуальной собственности (уполномоченным органом РК выдаются охранные документы на различные виды ОИС);
- оценка ОИС на балансе предприятия;
- определение путей использования разработанной интеллектуальной собственности в хозяйственном обороте с целью ее дальнейшей коммерциализации.

Сложность анализа современных отношений при коммерциализации технологий обусловлена комплексностью взаимосвязанных отношений организационно-экономического,

юридического, социально-коммуникативного, технологического характера. Система подобного рода отношений часто приводит к разногласиям между различными участниками процесса коммерциализации интеллектуальной собственности на всех стадиях исследуемого нами процесса как на микро-, так и на макроуровне.

Процесс коммерциализации технологий сводится в основном к взаимодействию между непосредственным автором технологических разработок (владельцем охранного документа на ОИС) и потенциальным инвестором [9]. Именно инвестор выступает здесь в качестве важнейшего субъекта, поскольку процесс вовлечения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот — дорогостоящий процесс. Роль инвестора также является значимой, если владелец ОИС применяет интеллектуальную собственность в своей деятельности. Таким образом, одной из основных задач коммерциализации интеллектуальной собственности становится обеспечение всех участников процесса комплексной системой управления и возможностью взаимодействия на всех стадиях.

Краеугольным в системе определения процесса коммерциализации ОИС в РК является существующее в отечественной нормативно-правовой базе законодательное определение организационно-экономических отношений при коммерциализации технологий, подразумевающее взаимодействие и взаимосвязь всех участников коммерциализации ОИС. Основные участники процесса: субъекты научно-технической, научной деятельности; субъекты частного предпринимательства; отечественные и зарубежные вузы, научные организации, аккредитованные в РК; стартап-компании; технопарки; центры (офисы) коммерциализации технологий; сервисные компании, а также юридические и физические лица, инвестирующие собственные средства в коммерциализацию интеллектуальной собственности [10].

Авторы, разработчики, инженеры, сотрудники научных учреждений, являясь участниками процесса коммерциализации интеллектуальной собственности, образуют научный потенциал страны. Вместе с тем названные лица, являющиеся прямыми разработчиками новых технологий, не имея полных прав на ОИС, отстранены от результатов интеллектуальной деятельности.

По этой причине создание и дальнейшее развитие эффективного механизма коммерциализации ОИС повысит творческую активность и будет содействовать сохранению научного, интеллектуального потенциала страны, что в конечном итоге приведёт к ускорению процесса перехода от сырьевой экономики к экономике интеллектуального типа.

Существуют различные методы передачи интеллектуальной собственности, которые обеспечивают эффективную взаимосвязь всех участников процесса ее коммерциализации. В зарубежной практике имеется достаточно обширный список методов передачи технологий из научно-интеллектуальной сферы в сферу производства. Такими учреждениями являются центры передачи технологий. В Великобритании – это специальные бюро или отделения по связи с промышленностью; во Франции – академические центры перспективных исследований; в Германии – совместные исследовательские ассоциации. В Казахстане – это научно-исследовательские центры, структуры, вузы и другие учебные заведения, предприятия промышленного комплекса, малый и средний инновационный бизнес. У нас данная ниша предпринимательства в вопросах коммерциализации новых технологий пока еще недостаточно развита, поэтому имеется необходимость дальнейшего ее совершенствования и расширения.

Общими проблемами в области коммерциализации исследований в вузах, свойственными не только для стран ЕС, но и для стран Южной Африки, Южной Америки являются отсутствие навыков коммерциализации и низкое число квалифицированных сотрудников, несовершенство мер политики в области интеллектуальной собственности и сосредоточение внимания на чтении лекций, а не на исследовательских мероприятиях в вузах. Предлагаемые стратегии улучшения коммерциализации научных исследований в

зарубежных вузах включают разработку и осуществление справедливой политики и руководящих принципов в области интеллектуальной собственности, укрепление человеческого и организационного потенциала в вузах и научно-исследовательских институтах и усиление периодического обзора превентивных мер со стороны различных ведомств в области интеллектуальной собственности [11]. Еще одним кластером проблем является то, что, несмотря на сложность и дороговизну производства, большая часть знаний, генерируемых наукой, не коммерциализируется. Учитывая преимущества, которые компании и их акционеры могли бы извлечь из корпоративной науки, мы анализируем факторы, которые приводят к неспособности коммерциализировать результаты интеллектуальной деятельности [12].

Действующая в РК система нормативно-правового регулирования отношений в области коммерциализации интеллектуальной собственности недостаточно стимулирует развитие соответствующей инфраструктуры. Она не в полной мере способствует развитию творческой и изобретательской активности, внедрению объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот.

К примеру, в рамках казахстанского законодательства авторские права на произведения науки, литературы или искусства, которые созданы в пределах, установленных для работника (автора) трудовых обязанностей (служебные произведения), не принадлежат фактическому автору произведения. Исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или иным договором между работодателем и автором не предусмотрено иное.

В этом случае служебным произведением будет считаться любое произведение науки/литературы/искусства, созданное в рамках трудовых обязанностей. То есть понятие служебного произведения, определенное согласно Гражданскому кодексу РК, лишает авторов объекта интеллектуальной собственности всяких прав на результаты его последующей коммерциализации.

В этой связи остаются открытыми следующие вопросы: кому принадлежит объект интеллектуальной собственности: автору (группе авторов) — создателю; инвестору (кто платит за разработку); разработчику (кто проводит опытное испытание данной разработки и подтверждает ее техническую (промышленную) применимость и экономическую целесообразность); внедренческой организации (обеспечивает коммерческое использование и экономическую эффективность от внедрения) или же автору-создателю научной школы, продуктом которой явилась идея, воплощенная в научно-техническом решении.

Подобные организационно-экономические и юридические проблемы проявляются в период всего процесса коммерциализации интеллектуальной собственности на предприятии. Вкратце, они могут быть представлены следующим образом:

- проблемы организационно-правового характера возникающие между предприятием-исполнителем и заказчиком в ходе распределения и использования прав на изобретения, профинансированные государственным бюджетом, государственными программами в области трансферта и коммерциализации технологий;
- проблемы институционализации лоббистской деятельности структур инновационного бизнеса и государства, в результате которых не получили дальнейшего развития многие технологические проекты как внутри страны, так и за рубежом;
- слабая развитость инфраструктуры процесса коммерциализации ОИС в Казахстане.

Пути решения вышеприведенных проблем должны основываться на совершенствовании законодательной базы в сфере интеллектуальной деятельности. К примеру, в части возникновения спорных моментов в вопросах об авторском праве на различные ОИС, следует в первую очередь учитывать экономико-правовые интересы автора разработки, в трудовом договоре которого должно быть прописано право преимущественного использования и распоряжения изобретением в рамках трудового законодательства РК.

Обсуждение

Для более эффективного решения выявленных проблем, необходимо учитывать зарубежный опыт организационно-экономических отношений при коммерциализации ОИС.

В странах ЕС внедряется новая инфраструктурологическая единица – технологические брокеры, посредством которых реализуются задачи коммерциализации между владельцами и инвесторами разработанных технологий. Подобные организационные структуры получили широкое распространение в Великобритании и Германии. Именно Великобритания, является лидером в странах ЕС по внедрению офисов трансфера технологий при университетах. Такие технологические брокеры имеются также в Швеции, Германии.

В Германии функциональные обязанности технологических брокеров между исследовательскими центрами и предприятиями осуществляют научные общества и совместные исследовательские ассоциации в промышленности. Например, Общество Фраунгофера (в составе Общества исследовательских институтов) при решении соответствующих вопросов играет основную организационно-экономическую роль. Основные функции Общества: проведение, организация исследований общегосударственного масштаба, а также помощь, посредством государственных программ, во внедрении, продвижении инновационных технологий. Источники финансирования общества: федеральный бюджет – девяносто процентов, бюджет земель – десять процентов [13].

Удачным примером, активизирующим продвижение технологий в странах ЕС, является, действующий с 1999 года Французский закон об инновациях и научных исследованиях. Действующее там законодательство способствует внедрению и дальнейшему функционированию стартап-компаний с участием научно-исследовательских институтов и вузов. Согласно принятому во Франции закону, научные сотрудники НИИ, вузов будут непосредственно задействованы в бизнес-проектах. Подобное участие будет давать возможность непосредственным изобретателям новых технологий иметь право на участие в управлении компанией, быть соучредителями, осуществлять функциональные обязанности наблюдательного и административного совета и т.д. Таким образом, французское законодательство повысило значимость исследователей в деятельности НИИ, вузов, предопределяя их права и полномочия как основных двигателей бизнеса в сфере инновационного предпринимательства.

Специфика коммерциализации интеллектуальной собственности в Финляндии и Израиле основана на официальных программах долевого субсидий. На основе данного способа введения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот могут произрасти наиболее обещающие инновации для последующих вложений капитала инвесторами частного сектора, такими как Венчурные Фонды.

В основе программы долевого субсидий заложена помощь в распределении риска компаниями. Ориентир выбора программы НИОКР основывается на будущем экономическом эффекте от разработанных инноваций.

Компании и консорциумы при академических институтах посылают заявки на субсидии по научно-исследовательским проектам. Заявки рассматриваются независимыми исследовательскими комиссиями. В случае положительного решения по заявкам, заявители получают субсидию (грант) от 50 до 70 процентов в рамках установленного бюджета НИОКР для проекта. Проекты, реализовавшиеся по всем параметрам, включая продвижение технологий, обязаны возместить грант из роялти от доходов суммы гранта. Еще одним из значимых финансовых инструментов являются налоговые преференции. Налоговое законодательство – специальная правовая сфера, однако очевидно, что налоговые преференции участникам процесса коммерциализации являются одним из распространенных инструментов, применяемым в ЕС.

В зарубежной практике существуют также и нефинансовые методы стимулирования

продвижения интеллектуальной собственности – натуральные предпочтения. Данный метод стимулирует снижение коррупции. Это объясняется тем, что компании получают взамен денежных переводов – услуги. Услуги связаны с оказанием помощи в патентовании, сертификации продукта, обучении кадров, с предоставлением площадей в инкубаторах, технопарках и т.п.

Система экономических и организационных методов стимулирования продвижения технологий способствует развитию отношений между участниками процесса коммерциализации ОИС.

Именно организационно-экономические отношения при коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности способствуют формированию ее наиболее значимого элемента – механизма реализации.

Ряд работ Л.Г. Нигматуллиной, тематика исследований которой посвящена процессу коммерциализации ОИС, рассматривает механизм коммерциализации интеллектуальной собственности как «синтез» определенных аспектов экономического, организационного и правового характера. В данном ключе механизм коммерциализации ОИС является «синтезом», поскольку включает в себя их объективное взаимодействие и базируется на организационных отношениях интеллектуальной собственности. При этом сама интеллектуальная собственность рассматривается как экономическая категория. С другой стороны, данный механизм включает в себя субъективный элемент – комбинацию «пучка» прав. Западные экономисты интерпретируют данный «пучок» прав под разным углом, рассматривая возможные сочетания прав в зависимости от институциональной инфраструктуры в сферы регулирования нормативно-правовых отношений.

Механизм коммерциализации ОИС проявляется в следующих организационно-экономических формах: уступка исключительного права (продажа прав); передача прав на использование; коммерческая реализация ОИС в форме ноу-хау [14].

В отечественном законодательстве имеет место определение следующих механизмов коммерциализации ОИС:

- заключение лицензионного договора и (или) договора уступки исключительных прав на результаты научной и (или) научно-технической деятельности;
- создание стартап-компаний;
- внедрение (использование) результатов научной и (или) научно-технической деятельности в собственное производство [15].

Для развития механизма коммерциализации ОИС возможно использовать алгоритмы разработки технологических программ на основе результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащих организации, для которой разрабатывается программа, и исследуются пути сокращения затрат на НИОКР и затрат на создание системы управления интеллектуальной собственностью в организации [16].

В целях реализации государственной стратегии по стимулированию инноваций необходимо учитывать, что для долгосрочного развития высокотехнологичных производств казахстанские компании должны не только импортировать новые решения и специалистов из-за границы, но и создавать свои инновационные технологические разработки, в том числе направленные на адаптацию популярных в мире решений к особенностям рынка нашей страны. Коммерциализация инноваций подразумевает полноценную инновационную экосистему и создание стимулов для участия предприятий в инновационной деятельности, что приведет к увеличению привлекательности инвестиций в новые, в том числе цифровые технологии [17]. Одним из важных результатов реализации этой задачи станет развитие тесных организационно-экономических отношений при коммерциализации технологий между научными коллективами (НИИ, вузами) и предприятиями промышленности, включая их дальнейшую интеграцию.

Выводы

Изученный отечественный и зарубежный опыт организационно-экономических отношений при коммерциализации новых технологий позволяет сделать следующие выводы:

- в странах ЕС государством реализуется целый перечень программ в пользу поддержки инновационных технологий и других изобретений на всех стадиях реализации нововведений.

- государственные программы, разработанные для развития инновационной деятельности – очень разноплановые и многофакторные. Они включают в себя не только субсидии, государственные гранты, а также другие виды полного или частичного обеспечения финансирования проектов, но и консалтинговую, консультационную, информационную, юридическую и другие виды поддержек.

- значительная часть проектов рассматривается государством именно на стадии коммерческого приложения. Особое комплексное внимание уделяется начинающим технологическим компаниям. Государство, участвуя в гарантировании рисков и финансируя высокорисковые проекты, не подменяет собой бизнес, а компенсирует «провалы рынка».

- страны ЕС активизируют организационно-экономические, правовые, коммерческие отношения между научной сферой и сферой промышленности. В этих странах преобладает целевое финансирование научно-исследовательских институтов на стадиях перехода разработанных ими продуктов интеллектуальной деятельности в коммерческую сферу. При этом зарубежная практика характеризуется созданием привлекательных условий как для изобретателей, создающих новые технологии, так и для бизнес-сектора. Существенным стимулом в таких программах является передача прав на интеллектуальную собственность, созданную за счет бюджетных средств, в промышленность для ее последующей коммерциализации.

- зарубежная практика, которая в перспективе может быть применима в Казахстане для стимулирования и дальнейшего развития организационно-экономических отношений при коммерциализации ОИС, ориентирована на обеспечение эффективного взаимодействия государства с негосударственным сектором науки, представленным общественными академиями, научными и проектно-конструкторскими организациями, научными подразделениями вузов и предприятий, нарождающимся слоем организаций научно-инновационной инфраструктуры. Речь идет не только о технопарках, бизнес-инкубаторах, практика внедрения которых положительно сказывается на инновационной инфраструктуре РК, но и о научно-внедренческих фирмах, роль которых будет неуклонно возрастать.

Библиографический список

- [1] Захарченко М.А. Организационно-экономические отношения в сфере агропромышленного производства (на материалах Пензенской области): дис. на соискание ученой степени к.э.н. – Пенза, 2005. – С. 7.
- [2] Каудыров Т.Е. Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности. – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – С. 37.
- [3] Система патентования в Республике Казахстан. Законодательная основа РК в области промышленной собственности. Виды охранных документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adilet.gov.kz> (дата обращения: 11.01.2019).
- [4] Иуков Е.А. Антиглобализм // Политические институты и процессы. – 2016. – № 3. – С. 5–12.
- [5] Конявский В.А. Минимизация рисков участников дистанционного банковского обслуживания // Вопросы защиты информации. – 2014. – №4 (107). – С. 3–4
- [6] Госпрограмма «Цифровой Казахстан», утвержденная постановлением Правительства РК №827 от 12.12.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=37168057 (дата обращения: 11.04.2019).
- [7] Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g (дата обращения: 15.03.2019).
- [8] План мер по улучшению индикаторов глобального индекса конкурентоспособности всемирного экономического форума на 2018–2019 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.kz/ru/pages/plan-mer-po-uluchsheniyu-indikatorov-globalnogo-indeksa-konkurentosposobnosti-vsemirnogo?theme_version=special (дата обращения: 10.01.2019).
- [9] Ramya P., Nagabhushanam M.V., Bonthagarala B. Intellectual property rights (IPRS) // *A Review of American Journal of Pharmaceutical Sciences*. – 2018. – Vol. 5, Issue 8. – P. 38.
- [10] Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 381-V «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности» (с изменениями от 04.07.2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31806330 (дата обращения: 11.03.2019).
- [11] Gachie W. Commercialization of higher education institutions' research within the National System of Innovation // *Desmond Wesley Govender*. – 2017. – P. 387–397/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/20421338.2017.1338387> (дата обращения: 11.04.2019).
- [12] Zahra Sh.A., Kaul A., Bolivar-Ramos, M. Why Corporate Science Commercialization Fails: Integrating Diverse Perspectives. *Academy of Management Perspectives*. – 2018. – Vol. 32. – 156–176.
- [13] Терехова С.В., Волкова Л.А. Принципы и практика функционирования зарубежных центров трансфера технологий // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2011. – Т. 1, № 13. – С. 101–107.
- [14] Нигматуллина Л.Г. Коммерциализация интеллектуальной собственности в переходной экономике: дис. на соискание ученой степени к.э.н. – Казань, 2004. – 39 с.
- [15] Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966 (дата обращения: 15.03.2019).
- [16] Korobets V.N. Models for building technology programmes in educational, research and industrial organisations // *Herald of the Bauman Moscow State Technical University, Series Natural Sciences*. – 2016. – P. 135–142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0> (дата обращения: 12.03.2019).
- [17] Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966 (дата обращения: 10.04.2019).

References

- [1] Zakharchenko, M.A. (2005). Organizational and economic relations in the field of agro-industrial production (on the materials of the Penza region). (Candidate thesis, Penza State Agricultural Academy, Penza, Russian Federation).
- [2] Kaudyrov, T.E. (2001). Civil law protection of industrial property. Almaty: Jeti Jargı.
- [3] The patent system in the Republic of Kazakhstan. The legislative basis of the Republic of Kazakhstan in the field of industrial property. Types of security documents. Retrieved from <http://www.adilet.gov.kz>.

- [4] Iukov, E.A. (2016). Antiglobalism. *Political Institutions and Processes*, 3, 5–12.
- [5] Konyavsky, V.A. (2014). Minimizing the risks of participants in remote banking services. *Information Security Issues*, 4 (107), 3–4
- [6] The state program "Digital Kazakhstan", approved by the Government of the Republic of Kazakhstan No. 827 of 12/12/2017. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=37168057
- [7] Message of the President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. (2018). Retrieved from http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g
- [8] Plan of measures to improve the indicators of the global index of competitiveness of the World Economic Forum for 2018–2019. Retrieved from http://economy.gov.kz/ru/pages/plan-mer-po-uluchsheniyu-indikatorov-globalnogo-indekса-konkurentosposobnosti-vsemirnogo?theme_version=special.
- [9] Ramya, P., Nagabhushanam, M.V., & Bonthagarala, B. (2018). Intellectual property rights (IPRS). *A Review into American Journal of Pharmaceutical Sciences*, 5(8), 38.
- [10] Law of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2015 No. 381–V "On the commercialization of the results of scientific and (or) scientific and technical activities." Retrieved from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31806330.
- [11] Gachie, W. (2017). Commercialization of higher education institutions' research within the National System of Innovation. *Desmond Wesley Govender*, 387–397. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/20421338.2017.1338387>.
- [12] Zahra, Sh.A., Kaul, A., & Bolivar–Ramos, M. (2018). Why Corporate Science Commercialization Fails: Integrating Diverse Perspectives. *Academy of Management Perspectives*, 32, 156–176.
- [13] Terebova, S.V., & Volkova, L.A. (2011). Principles and practices of functioning foreign technology transfer centers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1 (13), 101–107.
- [14] Nigmatullina, L.G. (2004). *Intellectual Property Commercialization in a Transition Economy* (Candidate thesis, Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev., Kazan, Russian Federation).
- [15] Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 No. 636 "On Approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025". Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966
- [16] Korobets, B.N. (2016). Models for building technology programmes in educational, research and industrial organisations. *Herald of the Bauman Moscow State Technical University, Series Natural Sciences*, 135–142. Retrieved from <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0>.
- [17] Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 No. 636 "On Approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025". Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38490966

Получена / Submitted: 20/03/2019

Доработана / Revised: 10/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 21/05/2019

УДК 614.2

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Миляуша Вайнеровна Кинчагулова¹

¹*Кафедра общественного здоровья и здравоохранения ИНПР, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, цель которого заключалась в оценке удовлетворенности организацией труда у обучающихся в Тюменском государственном медицинском университете по программе дополнительного профессионального образования «Организация здравоохранения и общественное здоровье». Актуальность исследования обусловлена тем, что основой сохранения медицинских кадров является удовлетворенность организацией труда. В свою очередь, эффективная организация труда способствует повышению качества медицинских услуг, следовательно, и улучшения здоровья населения. Результаты анкетного опроса показали, что руководители медицинских организаций оценивают уровень организации труда выше, чем заместители и руководители структурных подразделений. Было выявлено, что наиболее низкий уровень удовлетворенности организацией труда отмечается у врачей-специалистов. Сводная оценка была получена путем оценки каждого из элементов организации труда. Оказалось, что удовлетворенность организацией оплаты труда и материальным стимулированием труда у всех групп респондентов выше, чем нематериальными стимулами. Анализ полученных данных показал, что максимальные оценки по удовлетворенности заслужили такие факторы организации труда, как организация планирования и учета труда и обеспечение профессионального развития, а наибольшую неудовлетворенность в целом вызвали нематериальное стимулирование труда и развитие творческой (культурной, спортивной) активности. Также была выявлена потребность слушателей в получении дополнительных знаний и навыков в области организации труда. По результатам исследования было предложено разработать тематические программы дополнительного образования, посвященные вопросам теории управления и организации труда в здравоохранении.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом, медицинская организация, персонал, общественное здоровье.

Labor Organization in Health Care Institutions: Research Results

Miliausha V. Kinchagulova¹

¹*Department of Public Health and Healthcare, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of the study, the purpose of which was to assess the satisfaction with the organization of students' labor at the Tyumen State Medical University under the program of additional professional education "Organization of healthcare and public health." The relevance of the study is due to the fact that the basis for the preservation of medical personnel is satisfaction with the organization of work. Moreover, the effective organization of labor contributes to improving the quality of medical services and, consequently, improving public health. The results of the questionnaire survey showed that the leaders of medical organizations rate the level of work organization higher than the deputies and heads of departments. It was found that the lowest level of satisfaction with the organization of work is observed among medical specialists. The overall assessment was obtained by evaluating each of the elements of the organization of labor. It turned out that satisfaction with the organization of remuneration and material incentives for labor among all groups of respondents is higher than non-material incentives. Analysis of the data showed that the maximum satisfaction scores were deserved by such factors of labor organization as: organization of planning and accounting of labor and provision of professional development, and the most dissatisfaction in general caused intangible work incentives and the development of creative (cultural, sports) activity. It also revealed the need for students to acquire additional knowledge and skills in the field of work

organization. According to the results of the study, it was proposed to develop thematic programs of additional education devoted to the theory of management and the organization of labor in health care.

Keywords: job satisfaction, medical organization, staff, public health.

Введение

Организация труда является важным фактором сохранения кадров, и особенно это актуально для здравоохранения [1]. Необходимость удержания кадров обусловлена, прежде всего, длительным периодом формирования медицинских кадров в системе образования и дальнейшим его развитием в практической медицине. Уровень удовлетворенности организацией труда является также одним из основных факторов мотивации медицинских работников к повышению качества медицинской помощи и улучшению результатов деятельности в целом [2].

Профессиональным стандартом специалиста в области организации здравоохранения и общественного здоровья, утвержденным приказом Минтруда России от 07.11.2017 N 768н, определен перечень необходимых управленческих и экономических знаний, умений и навыков менеджеров медицинской организации [3]. Знание теории управления и организации труда необходимы «организаторам здравоохранения» для выполнения трудовой функции по управлению медицинской организацией, для проектирования и организации процессов деятельности [4].

Отдельные элементы организации труда необходимы на разных уровнях управления. Так, заведующие (начальники) организационно-методического отдела в рамках выполнения трудовой функции «Анализ и оценка показателей деятельности медицинской организации» должны знать методы нормирования труда в здравоохранении. А заведующим структурных подразделений необходимы знания принципов и методов мотивации работников для организации деятельности структурного подразделения [5; 6].

В рамках учебных занятий по организации труда обучающимся по программе дополнительного профессионального образования «Организация здравоохранения и общественное здоровье» было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся уровня организации труда по месту трудовой деятельности, а также потребности в управленческих и экономических знаниях.

В литературе уделяется достаточно внимания исследованию уровня удовлетворенности разными аспектами организации труда [7–11]. Вместе с тем, отсутствуют исследования, направленные на комплексную оценку удовлетворенности организацией труда среди различных категорий персонала.

Цель исследования заключается в оценке уровня удовлетворенности организацией труда врачами по специальности «Организация здравоохранения и общественное здоровье».

Материалы и методы

Объектом исследования являются обучающиеся федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный медицинский университет Минздрава России» по программам дополнительного профессионального образования «Организация здравоохранения и общественное здоровье». Всего было опрошено 88 специалистов с высшим медицинским образованием, в том числе 57 (66,3%) из числа слушателей сертификационного цикла и 29 (33,7%) обучающихся по программе первичной профессиональной подготовки по «Организации здравоохранения и общественному здоровью». Почти три четверти опрошенных трудятся в государственных (муниципальных учреждениях здравоохранения (73,9%), 6 человек (6,8%) в ведомственных и 17 человек (19,3%) в частных медицинских организациях.

В разрезе занимаемых должностей респонденты распределились следующим образом: – руководители медицинских организаций – 15 человек (17%), заместители руководителя – 23 (26,1%), руководители структурных подразделений – 37 (42%), в том числе руководители организационно-методического отдела – 7 человек, врачи-статистики, врачи-методисты и врачи-специалисты – 14,9%. К руководителям структурных подразделений относятся заведующие (начальники) структурного подразделения (отдела, отделения, лаборатории, кабинета).

По территориальному принципу респонденты представляют следующие медицинские организации: областные (окружные) – 45,5%; городские – 36,4%; районные – 10,2%; федеральные, 5,6%; межрайонные (межтерриториальные) и ведомственные по 2,3%.

Более половины респондентов – женщины (70,6%). Возрастная структура респондентов представлена следующими группами: до 30 лет – 2,4%; от 31 до 40 лет – 37,6%; от 41 до 50 – 30,6%; от 51 до 60 лет – 25,9%; от 61 и старше – 3,5%.

Исследование проводилось с ноября 2017 года по март 2018 года методом анкетного опроса в электронном формате на базе Google форм.

Оценка уровня удовлетворенности организацией труда проводилась на основе оценки каждого из его элементов. В опросе было использовано 17 универсальных составляющих организации труда: разделение и кооперация труда, расстановка кадров, рационализация трудовых процессов, организация и обслуживание рабочих мест, нормирование труда, дисциплина труда, организация планирования и учета труда, подбор персонала, обеспечение профессионального развития, охрана труда, организация рабочего времени, организация оплаты труда, материальное и нематериальное стимулирование труда, развитие творческой (культурной, спортивной) активности, проектирование трудовых процессов.

С целью выявления уровня удовлетворенности организацией труда, респондентам было предложено оценить каждый из элементов организации труда в медицинской организации, в которой они трудятся, по 5-балльной шкале, где 1 – очень плохо (уровень реализации направления 0%, оцениваемому направлению в организации не уделяется внимание), 2 неудовлетворительно (уровень работы системы 25%, реализуются иногда лишь некоторые аспекты системы, требуются кардинальные изменения), 3 – удовлетворительная (уровень реализации направления приблизительно 50%; аспекты деятельности хорошо прописаны в документах, но практически реализуются не в полном объеме, видимых результатов нет), 4 – хорошо (уровень реализации направления оценивается на уровне 75%; процесс реализации отлажен, но с небольшими исключениями по некоторым моментам; требуются незначительные усилия по улучшению), 5 – отлично (деятельность по реализации направления ведется без замечаний; имеются признанные факты долгосрочных улучшений за последние 3 года; модель реализации является примером для других организаций).

Результаты и обсуждение

Уровень организации труда в среднем по всем группам респондентов был оценен на 3,6 балла из 5 максимально возможных, что соответствует средней оценке, которую дали руководители структурных подразделений. Представленные в таблице 1 данные показали, что обобщающая оценка в разрезе групп респондентов ниже среднего получилась у заместителей руководителей (3,5) и врачей-специалистов (3,2), а выше среднего – у руководителей медицинских организаций (4,1).

Также отмечается разница между минимальными и максимальными значениями удовлетворенности между руководителями организаций (от 3,5 до 4,6) и врачами-специалистами (от 2,5 до 3,7), а у руководителей структурных подразделений (от 3,2 до 4,0) уровень удовлетворенности чуть выше, чем у заместителей руководителей (3,0 – 3,9).

Таблица 1. Средняя оценка уровня организации труда

Группы респондентов	Минимальный балл	Максимальный балл	Средний балл
Руководители организаций	3,5	4,6	4,1
Заместители руководителей	3,0	3,9	3,5
Руководители структурных подразделений	3,2	4,0	3,6
Врачи-специалисты	2,5	3,7	3,2
В среднем по всем группам	3,2	4,0	3,6

В связи с имеющимися различиями в уровне удовлетворенности организацией труда, в зависимости от должностей персонала, был проведен анализ по всем составляющим организации труда в разрезе каждой группы.

В группе руководителей медицинских организаций максимальные оценки даны обеспечению профессионального развития персонала (4,6), организации планирования и учета труда, организации оплаты труда (4,4), материальному стимулированию труда и организации рабочего времени (по 4,3 балла). Под планированием и учетом труда в опросе подразумевались разработка и утверждение графиков работ, таблиц учета рабочего времени, документов на оплату труда, то есть те функции, с которыми сталкиваются в работе наши респонденты. Вопросы, решаемые только другими подразделениями, в частности кадровой и финансово-экономической службой, не учитывались.

В группе заместителей руководителя медицинской организации максимальные оценки получили такие элементы организации труда как: дисциплина труда (3,9), организация планирования и учета труда (3,8).

В группе руководителей структурных подразделений максимальная оценка дана организации оплаты труда (4,0). Следующие места по рейтингу занимают обеспечение профессионального развития и организация планирования и учета труда (по 3,9). По 3,7 баллов получили такие составляющие как: нормирование и дисциплина труда, организация рабочего времени и материальное стимулирование труда.

Врачи-специалисты в целом дали самую низкую оценку уровня организации труда в учреждениях, которых работают. Максимальная оценка у данной группы составила 3,7 балла по организации планирования и учета труда. Все остальные направления организации труда получили оценку ниже средней по всем группам и элементам. Материальное и нематериальное стимулирование труда врачи-специалисты оценили на 2,9 и 2,6 баллов, соответственно.

Развитию творческой (культурной, спортивной) активности была дана минимальная оценка среди трех групп респондентов: руководители – 3,5; заместители руководителя – 3,0; среди врачей-специалистов средний балл еще ниже – 2,5. В группе руководителей структурных подразделений минимальную оценку получило обслуживание рабочих мест (3,2), на 3,3 балла дана оценка нематериальному стимулированию труда, разделению и кооперации труда.

Все группы респондентов высоко оценили такие составляющие организации труда как: организация планирования и учета труда и обеспечение профессионального развития, средние баллы по которым составили 4,3 и 3,9 баллов, соответственно.

Все элементы организации труда взаимосвязаны и влияют на общую удовлетворенность организацией труда. На количество и качество труда любого работника, прежде всего, влияют такие составляющие как разделение и кооперация труда, расстановка кадров. Работнику важно понимать границы деятельности в процессе совместного труда (разделение труда) и долю совместного участия в одном или нескольких, связанных между собой процессах труда (кооперация труда). Удовлетворенность разделением и кооперацией труда в среднем составила 3,5; среди руководителей структурных подразделений – 3,3 балла, среди врачей-специалистов – 3,2.

Под рационализацией трудовых процессов в исследовании понималось внедрение инноваций, направленных на снижение ручного труда, на снижение его напряженности и повышение содержательности труда. Данный элемент организации труда оценен в среднем на 3,5 балла.

Следующие две составляющие также тесно взаимосвязаны между собой: организация рабочих мест и организация обслуживания рабочих мест, средняя оценка по которым составила 3,6 и 3,5 балла соответственно. И в данном случае, врачи-специалисты дали оценку ниже средней (по 3,3).

Во многих государственных учреждениях здравоохранения некоторые функции, связанные с организацией обслуживания рабочих мест, в частности, уборка служебных помещений переданы сторонним организациям [12]. Качество услуг клининговых организаций не всегда соответствует высокому уровню, что требует со стороны получателей услуг дополнительного контроля. Действующая система приобретения товаров и услуг для нужд государственных и муниципальных учреждений также оказывает существенное влияние на бесперебойность деятельности и качество оказанных услуг. Таким образом, организация обслуживания рабочих мест является индикатором эффективности деятельности подразделений, поддерживающих бизнес-процессы медицинской организации.

Основой организации труда является нормирование труда. С 2013 года государственные и муниципальные учреждения должны были разработать системы нормирования труда с учетом организационно-технических условий выполнения технологических или трудовых процессов [13]. Удовлетворенность нормированием труда в среднем составила 3,7 балла, при этом руководители дали оценку чуть выше средней – 4,1 балла, а врачи-специалисты оценили ниже средней (3,3).

Одним из важнейших факторов мотивации к улучшению результативности и эффективности деятельности является материальное стимулирование труда [14]. Средняя оценка удовлетворенности оплатой труда составила 3,6; вариация показателя от 2,9 у врачей-специалистов до 4,3 у главных врачей. При этом, у заместителей руководителей оценка оказалась ниже на 0,5 и составила 3,2, а у руководителей структурных подразделений составила 3,7 (таблица 2).

Таблица 2. Средняя оценка удовлетворенности организацией труда

Элементы организации труда	Средняя оценка				
	Всего	Руководители организации	Заместители руководителя	Руководители структурных подразделений	Врачи – специалисты
разделение и кооперация труда	3,5	4,0	3,5	3,3	3,2
расстановка кадров	3,7	4,2	3,4	3,6	3,5
рационализация трудовых процессов	3,5	3,9	3,5	3,5	3,1
организация рабочих мест	3,6	4,1	3,5	3,5	3,3
обслуживание рабочих мест	3,5	4,2	3,5	3,2	3,3
нормирование труда	3,7	4,1	3,7	3,7	3,3
дисциплина труда	3,8	4,2	3,9	3,7	3,5
организация планирования и учета труда	4,0	4,4	3,8	3,9	3,7
подбор персонала	3,5	4,1	3,4	3,4	3,5

обеспечение профессионального развития персонала	3,9	4,6	3,7	3,9	3,5
охрана труда	3,6	4,1	3,7	3,5	3,2
организация рабочего времени	3,8	4,3	3,7	3,7	3,5
организация оплаты труда	3,9	4,4	3,7	4,0	3,5
материальное стимулирование труда	3,6	4,3	3,2	3,7	2,9
нематериальное стимулирование труда	3,2	3,9	3,1	3,3	2,6
развитие творческой (культурной, спортивной) активности	3,2	3,5	3,0	3,5	2,5
проектирование трудовых процессов	3,4	4,0	3,3	3,4	2,8
Итого в среднем	3,6	4,1	3,5	3,6	3,2

Вслед за оплатой труда, важной составляющей трудовой мотивации является нематериальное стимулирование труда, которое получило достаточно низкие оценки у всех групп респондентов: 2,6 – у врачей-специалистов, 3,1 – у заместителей руководителя и 3,3 – у руководителей структурных подразделений. Руководители также дали более низкую оценку (3,9) по сравнению с другими направлениями организации труда.

В соответствии с профессиональным стандартом специалиста в области организации здравоохранения и общественного здоровья одной из трудовых функций заместителя руководителя медицинской организации является проектирование и организации процессов деятельности медицинской организации [15–21]. Проект улучшения трудового процесса определяет: особенности технологического, функционального и квалификационного разделения труда; систему учета, оценки, нормирования и оплаты труда; схему планировки рабочего места, перечень элементов его оснащения, регламент обслуживания; необходимые средства индивидуальной и коллективной защиты, формы и периодичность инструктажа; требования к исполнителям и рекомендации по обучению совмещаемым профессиям, периодичность; рекомендации по ведению работ в нестандартных ситуациях.

Проектирование трудовых процессов, представляющее собой деятельность по планированию и внедрению инноваций и мер по улучшению трудовых процессов, руководители оценили в среднем на 4,0 балла, а заместители руководителей оказались самокритичнее и дали среднюю оценку 3,5.

Выводы

Основная задача организации труда заключается в создании условий для бесперебойной и высокоэффективной работы, условий, при которых работник умеет, может и хочет трудиться. В процессе исследования элементы организации труда были условно разделены на три группы. Первую группу составили элементы организации труда, отвечающие за условия, при которых работник умеет трудиться: подбор персонала; подготовка, переподготовка и повышение квалификации; обеспечение профессионального развития.

Вторую группу составили составляющие организации труда, обеспечивающие условия, при которых работник может трудиться: организация рабочих мест, организация обслуживания рабочих мест, создание безопасных и здоровых условий труда, в том числе охрана труда. Последнее направление приобретает особую актуальность также в связи с тем,

что современный подход к регулированию в области охраны труда заключается в переходе от модели штрафных санкций к модели профилактического соответствия.

Третью группу образовали элементы, отвечающие за условия, при которых работник хочет трудиться: разделение и кооперация труда, расстановка кадров, нормирование труда, организация оплаты и материального стимулирования труда, дисциплина труда, развитие трудовой активности и творческой инициативы с системой нематериального стимулирования труда, планирование и учет труда.

С учетом распределения элементов организации на группы «уметь», «мочь» и «хотеть» трудиться было выявлено, что минимальные оценки получили элементы последней группы, отвечающие за желание работника трудиться на данном рабочем месте.

Результаты проведенного опроса слушателей по программе «Организация здравоохранения и общественное здоровье» позволили сделать ряд выводов:

- выявлена потребность слушателей в получении дополнительных знаний и навыков в области организации труда;
- руководители медицинских организаций уровень организации труда оценивают выше, чем подчиненные;
- наиболее низкий уровень удовлетворенности организацией труда отмечается у врачей-специалистов;
- максимальные оценки по удовлетворенности заслужили такие факторы организации труда как: организация планирования и учета труда и обеспечение профессионального развития;
- наибольшую неудовлетворенность в целом вызвали нематериальное стимулирование труда и развитие творческой (культурной, спортивной) активности.

За последние несколько лет целевые показатели по заработной плате врачей увеличились до 200% к средней в регионе. Но, как показали результаты опроса, для работников важна и нематериальная часть стимулирования труда, поэтому руководству медицинских организаций следует обратить внимание на данный факт. Современные условия требуют формирования действенной социальной политики и организационной культуры в каждом медицинском учреждении.

В конкретных условиях места и времени на удовлетворенность уровнем организации труда влияют управленческие решения руководства медицинских организаций. Вместе с тем, имеется ряд вопросов, касающихся нормирования труда, решение которых больше зависит от нормативно-правовой базы, сложившейся в стране. Несмотря на то, что с 2013 года государственные (муниципальные) учреждения обязаны создать систему нормирования труда, на практике это является труднореализуемым мероприятием [19;20]. Проблема, прежде всего, заключается в том, что медицинские организации не имеют достаточных ресурсов для проведения замеров затрат рабочего времени для проведения тех или иных работ. А единичные случаи хронометража или фотографии рабочего дня не дадут обоснованных результатов, следовательно, система нормирования труда как комплекс мероприятий не будет создана.

Рекомендации

В послании Федеральному собранию в 2018 году Президент РФ Путин В.В. озвучил тезис о необходимости закрепления России в пятерке крупнейших экономик мира, увеличении здоровой и полноценной продолжительности жизни населения, обеспечении ежегодного пятипроцентного роста производительности труда на средних, крупных предприятиях базовых отраслей. Осуществление озвученных амбициозных целей государства невозможно без сильного здравоохранения.

Условием обеспечения доступности и качества медицинской помощи, следовательно, и улучшения здоровья населения, является эффективная организация труда – система

мероприятий, направленных на повышение эффективности использования трудовых процессов путем их упорядочивания. Деятельность, направленная на улучшение организации труда должна осуществляться на всех уровнях как государственного, так и организационного управления. Профессиональный подход к организации труда в сельской местности позволит повысить результативность программы «Земский доктор». Для реализации целей государства в сфере здравоохранения необходимы компетентные специалисты, в том числе владеющие знаниями теории управления и навыками организации труда. Имеющиеся в Тюменском государственном медицинском университете программы повышения квалификации предусматривают изучение актуальных вопросов организации труда в здравоохранении, в том числе в рамках непрерывного медицинского образования. Вместе с тем, по результатам исследования было предложено разработать тематические программы дополнительного образования, посвященные вопросам теории управления и организации труда в здравоохранении.

В целом результаты исследования могут быть использованы для разработки комплекса мер по повышению уровня удовлетворенности организацией труда, и тем самым, сохранению медицинских кадров и улучшению качества медицинской помощи.

Библиографический список

- [1] Рудалева И.А., Кабашева И.А. (2014). Факторы удовлетворенности трудом работников организации // *Фундаментальные исследования. Экономические науки.* – 2014. – Т. 11. – Р. 872–876.
- [2] Панкевич В.И., Школьникова М.А., Югай М.Т. Удовлетворенность врачей своим трудом в государственных и частных медицинских организациях // *Вестник Росздравнадзора,* – 2015. – № 5. – С. 69–78.
- [3] Приказ Минтруда России от 07.11.2017 N 768н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области организации здравоохранения и общественного здоровья» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71722794/> (дата обращения: 05.02.2019).
- [4] Кораблев В.Н., Гандурова Е.Г. Новые требования к подготовке организаторов здравоохранения в сфере проекта профессионального стандарта «Специалист в области организации здравоохранения и общественного здоровья» // *Здравоохранение Дальнего Востока.* – 2017. – Т. 3, № 73. – С. 104–106.
- [5] Харкимова З.С., Маховская Т.Г. Региональный опыт социологических исследований в оценке организации труда и сохранении медицинских кадров // *Кремлевская медицина. Клинический вестник.* – 2013. – № 2. – С. 25–29.
- [6] Ясько Б.А., Остроушко М.Г. Организационно–психологические условия удовлетворенности трудом персонала учреждения здравоохранения // *Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда.* – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 60–81.
- [7] Скифская А.Л. Проблемы реализации новой системы оплаты труда в муниципальных образовательных учреждениях // *Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке.* — 2017. – Т. 4, № 19. – С. 160–163.
- [8] Сибурина Т.А. Мобилизация творческого потенциала врачебных кадров – стратегическое направление кадровой политики в здравоохранении // *Социальные аспекты здоровья населения.* – 2016. – № 50, Вып. 4. – С. 10.
- [9] Цветкова С.Б., Цветанова К.Т., Христова И.Р., Петрова Д.Ю. Изучение влияния рабочей среды на мотивацию медицинских специалистов – типовой проект // *Евразийский союз ученых.* – 2016. – Т. 3–4, № 24. – 73–77.
- [10] Завьялова Е., Кучеров Д., Цыбова В. Управление человеческими ресурсами в Российских компаниях – лидерах мировой экономики // *Форсайт.* – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 52–61.

- [11] Заширинская О.В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 4. – С. 89–98.
- [12] Брыксина Н.В., Леонтьев И.Л., Пироговский М.Л. (2012). Актуальные проблемы состояния и управления больничным хозяйством // Вестник Уральской медицинской академической науки. – 2012. – Т. 5, № 42. – С. 71–76.
- [13] Шипова В.М., Гриднев О.В., Кучиц С.С. Нормирование труда в здравоохранении в условиях эффективного контракта // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 41–44.
- [14] Донцов В.Г. Материальный фактор формирования мотивации к полезному труду у работников здравоохранения // Вестник новых медицинских технологий. – 2013. – Т. 20, № 4. – С. 142–145.
- [15] Кучиц С.С., Гриднев О.В., Песенникова Е.В., Гадаборшев М.И., Варганян Э.А. Особенности трудовой мотивации сотрудников государственных медицинских учреждений // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2018. – № 26, Вып. 6. – С. 452–456.
- [16] Белостоцкий А.В., Гриднев О.В., Гришина Н.К., Значкова Е.А. Актуальные вопросы развития кадрового потенциала в здравоохранении // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 230–235.
- [17] Потуданская В.Ф., Горскина Л.С. Еще раз о принципах нормирования труда // Экономика труда. – 2017. – Т. 4, № 3. – С. 197–208.
- [18] Чилилов А.М., Колосова Р.П. Вопросы применения типовых норм труда в здравоохранении в целях совершенствования трудовых отношений // Вестник РАЕН. – 2018. – Т. 18, Вып. 6. – С. 104–109.
- [19] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/42852> (дата обращения: 05.02.2019).
- [20] Медведев Д.А. Россия–2024: Стратегия социально–экономического развития // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 5–28.
- [21] Brynza N., Kinchagulova M., Reshetnikova I., Kniazheva N., Khairullina N. Problems of Motivating Doctors in Rural Areas // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. – 2018. – Vol. 10, No. 9. – P. 2376–2379.

References

- [1] Rudaleva, I.A., & Kabasheva, I.A. (2014). Factors of satisfaction with the work of employees of the organization. *Fundamental research. Economics*, 11: 872–876.
- [2] Pankevich, V.I., Shkolnikova, M.A., & Yugay, M.T. (2015). Physicians' job satisfaction in public and private healthcare organizations. *Herald of Roszdravnadzor*, 5, 69–78.
- [3] Order of the Ministry of labor of Russia of 07.11.2017 N 768n “On the approval of the professional standard "Specialist in the organization of health and public health”. Retrieved from <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71722794>.
- [4] Korablev, V.N., & Gandurova, E.G. (2017). New requirements for the training of health care organizers in the project of the professional standard “Specialist in the organization of health care and public health”. *Healthcare of the Far East*, 3 (73), 104–106.
- [5] Kharkimova, Z.S., & Makhovskaya, T.G. (2013). Regional experience of sociological studies for assessing labor management and for preserving medical personnel. *Kremlin medicine. Clinical Herald*, 2, 60–81.
- [6] Yasko, B.A., & Ostroushko, M.G. (2017). Organizational and psychological conditions of Job satisfaction of staff of health institutions. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2(2), 60–81.

- [7] Skifskaya, A.L. (2017). Problems of realization of the new system of remuneration of labour are in municipal educational establishments. *Journal of Scientific Articles Health and Education in the 21st Century*, 4 (19), 160–163.
- [8] Siburina, T. (2016). Mobilization of greative potential of physicians' staff as strategic direction of staffing policy in healthcare. *Social Aspects of Public Health*, 50 (4), 10.
- [9] Tsvetkova, S.B., Tsvetanova K.Ts., Hristova, I.R., & Petrova, D.Y. (2016). Research on the impact of the working environment on the motivation of medical specialists – a model project. *Eurasian Union of Scientists*, 3–4 (24), 73–77.
- [10] Zavyalova, E., Kucherov, D., & Tsybova, V. (2017). Human resource management in Russian companies – the leaders of the world economy. *Forsyth*, 11(4), 52–61.
- [11] Zashchirinskaya, O.V. (2013). Conceptual ideas about the structure of communication. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 89–98.
- [12] Bryksina, N.V., Leontiev, I.L., & Pirogovsky, M.L. (2012). Urgent problems of hospital housenold state and management. *Herald of the Ural Medical Academic Science*, 5(42), 71–76.
- [13] Shipova, V.M., Gridnev, O.V., & Kutchits, S.S. (2019). The work quota setting in health care in conditions of efficient contract. *Problems of Social Hygiene, Health and Medical History*, 27 (1), 41–44.
- [14] Dontsov, V.G. (2013). Material Factor in the Formation of Motivation for the Useful Work of Health Workers. *Herald of New Medical Technologies*, 20(4), 142–145.
- [15] Kuchitz, S.S., Gridnev, O.V., Pesennikova, E.V., Gadaborshev, M.I., & Vartaniyan, E.A. (2018). The labor motivation features of employees of state medical institutions. *Problems of Social Hygiene, Health and Medical History*, 26 (6), 452–456.
- [16] Belostotskii, A.V., Gridnev, O.V., Grishina, N.K., & Znachkova, E.A. (2016). The actual issues of development of manpower potential in health care. *Problems of Social Hygiene, Health and Medical History*, 24 (4), 230–235.
- [17] Potudanskaya, V.F., Gorskina, L.S. (2017). Once again about the principles of labor rationing. *Labor Economics*, 4 (3), 197–208.
- [18] Chililov, A.M., & Kolosova, R.P. (2018). The issues of application of typical labour norms in the healthcare in order to improve labour relations. *Herald RANS*, 18 (6), 104–109.
- [19] Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 01.03.2018 “Message of the President to the Federal Assembly”. Retrieved from <http://kremlin.ru/acts/bank/42852>.
- [20] Medvedev, D.A. (2018). Russia–2024: the strategy of social and economic development. *Economic Issues*, 10, 5–28.
- [21] Brynza, N., Kinchagulova, M., Reshetnikova, I., Kniazheva, N., & Khairullina N. (2018). Problems of Motivating Doctors in Rural Areas. *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*, 10(9), 2376–2379.

Получена / Submitted: 12/03/2019

Доработана / Revised: 17/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2019

УДК: 316.023

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ: ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ, СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

Мария Михайловна Акулич¹, Максим Юрьевич Семёнов¹, Алина Дмитриевна Трояновская¹

¹*Кафедра общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрен ряд особенностей жизни старшего поколения в Республике Узбекистан, на примере г. Ташкента. Актуальность темы исследования определяется процессами увеличения средней продолжительности жизни, мировой тенденцией старения населения, в том числе, начинающей проявляться и в регионах Центральной Азии на территории стран бывшего Советского Союза. На основании данных, полученных в ходе пилотажного опроса жителей г. Ташкента старше 55 лет, авторы анализируют некоторые аспекты их повседневной жизни, связанные с их гражданской позицией, местом и ролью в семье, а также установками на взаимодействие с информационно-коммуникационными технологиями. По результатам исследования определен высокий уровень обеспокоенности за свою страну среди респондентов, наравне с патриотичным настроением и гордостью за свою страну. Установлена недостаточная сформированность компетенций для полноценного взаимодействия с информационно-коммуникационными технологиями. Это выступает объективным вызовом для адаптации старшего поколения к стремительно изменяющимся материально-техническим условиям жизни.

Ключевые слова: социальное самочувствие, успешное старение, пожилые люди, социология старости.

Senior Generation in Uzbekistan: Civil Position, Family Values and Internet Communication

Maria M. Akulich¹, Maxim Yu. Semenov¹, Alina D. Trojanowskaya¹

¹*Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The Article is devoted to several features of older generation life in the Republic of Uzbekistan, on the example of Tashkent city. The relevance of the research topic is determined by the processes of increasing life expectancy, the global trend of population aging, including the beginning to manifest itself in the regions of Central Asia in the former Soviet Union. Based on data obtained during the pilot survey of Tashkent city residents who is over 55 years old, the authors analyze some aspects of their daily lives related to their citizenship, their place and role in the family, as well as attitudes to interaction with information and communication technologies. The results of the study identified a high level of concern for their country among the respondents, along with a patriotic mood and pride of their country. Insufficient formation of competences for full interaction with information and communication technologies is established. This is an objective challenge for the older generation to adapt to the rapidly changing material and technical conditions of life.

Keywords: senior generation, Uzbekistan, family, civil position, information and communication technologies.

Введение

Увеличение средней продолжительности жизни как глобальная тенденция – это великое благо для человечества. Факторами увеличения доли людей старшего возраста в социальной структуре общества являются как развитие, доступность медицины и медицинских технологий, так и снижение естественного прироста населения, малая рождаемость. Эта тенденция в социально-демографической сфере актуализирует её изучение, анализ реальных

положительных и отрицательных последствий укрупнения доли людей старшего поколения, возможных рисков их адаптации к условиям меняющегося мира.

Рост доли пожилых людей в обществе актуализирует изучение жизни населения старшей возрастной группы, выявления основных противоречий и проблем, связанных с их адаптацией к новым, постоянно меняющимся условиям жизни. Анализ социального самочувствия, особенностей жизни людей старшего возраста является базой для реализации эффективной государственной политики в сфере социальной поддержки данной возрастной группы населения. Это становится особенно значимо в условиях конституционно закрепленных прав и свобод каждого человека как в нормативно-правовых актах Российской Федерации, так и во всех странах постсоветского пространства (СНГ).

В Узбекистане, как и во многих других странах, согласно Конституции (ст.13), человек со всеми свойственными ему правами является высшей ценностью [1–3]. Естественно, что возраст индивида не должен оказывать никакого влияния на исполнение прав человека и его достойную жизнь. Отметим, что с начала 2000-х годов два года в Республике Узбекистан было посвящено старшему поколению. Так 2002 год был назван «Годом защиты интересов старшего поколения», а 2015 год – «Годом внимания и заботы о старшем поколении». В этом же году была принята одноименная государственная программа, в целях «осуществления широкого комплекса мер по дальнейшему улучшению уровня и качества жизни пожилых людей, увеличению масштабов их материальной и моральной поддержки, совершенствованию социального, пенсионного и медицинского обслуживания людей преклонного возраста...» [4]. Таким образом, изучение особенностей жизни старшего поколения на территории Республики Узбекистан, с одной стороны, обеспечить прирост научного знания в области социальной геронтологии, с другой стороны, позволит проанализировать эффективность государственных программ поддержки людей старшей возрастной группы, а также определить возможные пути развития подобной деятельности.

Материалы и методы

В статье применены как методы теоретического анализа, имеющихся статистических и нормативно-правовых данных, так и использованы эмпирические методы социологического исследования, проведенного авторами. В ходе применения теоретических методов авторы опирались на результаты Бюро справочной информации по народонаселению, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Центра экономических исследований Республики Узбекистан. Помимо того, проведён вторичный анализ результатов ряда исследований, проведённых на территории Республики Узбекистан, с целью определения особенностей жизни пожилых людей. Среди них можно выделить работы Х.Х. Абдураманова, посвященные изучению социальной защиты престарелых; Л.П. Максаковой, рассматривающей демографические процессы, происходящие в последние десятилетия в Узбекистане; Ш.М. Садыковой, изучающей особенности реализации социальной защиты пожилых людей; Д.Ж. Аниезовой, анализирующей инструменты оценки качества жизни старшего поколения в Республике. Авторы также рассматривают теоретические концепции, связанные с предметным полем исследования. Среди них можно выделить следующие. Во-первых, анализ подходов к периодизации возрастных групп населения (Н.Е. Русанова), что позволило автором определить возрастные рамки объекта исследования. Во-вторых, социологическую концепцию «успешного старения» (Д. Роу, Н. Кан, М. Кроутер и др.), отдельные положения которой могут быть использованы для оценки качества жизни старшего поколения. В-третьих, рассмотрение интернета как способа социальной адаптации пожилого населения (Г.Г. Сорокин), так как в авторском исследовании отдельное место занимает изучение особенностей взаимодействия старшего поколения с новыми информационно-коммуникационными технологиями. Дополнительно проанализированы государственные программы, направленные на улучшение жизни

старшего поколения на территории Республики Узбекистан. Отдельные программы государственной поддержки людей старшей возрастной группы в Узбекистане сопоставлены с Российскими аналогами, реализуемыми в Российской Федерации на примере Тюменской области. В рамках эмпирических методов авторы используют данные, полученные в ходе проведения стандартизированных интервью с жителями г. Ташкента (n=122) в возрасте от 55 лет и старше. Опрос респондентов проводился по инициативе авторов статьи. Инструментарий носит авторский характер, разработан с целью проведения авторского исследования и получения результатов о различных сферах жизни старшего поколения в Республике Узбекистан. Авторский анализ результатов исследования позволил рассмотреть отдельные аспекты жизнедеятельности старшего поколения в Узбекистане на примере г. Ташкента.

Результаты и обсуждение

В научной литературе обозначены различные подходы к определению поколений. Н. Е. Русанова, анализируя периодизацию возрастных групп населения отмечает, что в российской научной традиции сохраняется использование модели деления поколений, основанной на советской практике измерения возрастного состава населения [5]. Используя половозрастной принцип дифференциации можно выделить среди мужчин группы: 0-15,16-59,60 лет и старше, а среди женщин – 0-15,16-54,55 лет и старше. Такая группировка применяется в диссертационных исследованиях социологического профиля, посвященных изучению процессов адаптации представителей старшей возрастной группы (от 55 лет) [6].

Старшее поколение как тип возрастной когорты можно трактовать с позиции определённой группы людей, родившихся и прошедших основные стадии социальной адаптации в идентичный временной период и при одинаковых условиях. Таким образом, в современных реалиях, люди, чей возраст превышает отметку в 55 лет – родились, получили образование и начали свой профессиональный путь еще в период существования СССР, плановой экономики, замкнутой социокультурной среды, биполярного мироустройства. Данная возрастная группа являлась объектом настоящего исследования, в которую вошли респонденты, проживающие на территории г. Ташкента. Под старшим поколением будем подразумевать социальную группу, в состав которой входят мужчины и женщины, чей возраст старше 55 лет. Важно иметь в виду, что авторы различают такие понятия, как старшее поколение и старость. Старость наступает в условиях увеличения продолжительности жизни гораздо позже, то есть временные рамки старости наступают не в 55 лет, а после 70 лет.

По данным некоммерческой организации Справочного Бюро по народонаселению, наиболее яркое укрупнение доли пожилого населения в социальной структуре общества фиксируется в экономически развитых странах, таких как Япония (28% населения старше 65 лет), Монако (26%), Италия (22%), Германия (21%), Финляндия (21%). Отметим, что среди стран, расположенных на постсоветском пространстве, самым молодым регионом по населению можно считать Азию. Так, в Таджикистане доля пожилых людей составляет 3%, в Киргизской республике, Туркменистане и Узбекистане – 4%. Для примера, в Российской Федерации подобный показатель равен 14%, в Украине – 16%, в Республике Беларусь – 15%, в Казахстане – 7% [7].

При сравнении приведённых показателей развитых стран со странами, находящимися на постсоветском пространстве, может показаться, что для указанных государств проблема старения населения не является актуальной. Однако, исходя из принятой ООН трёхэтапной шкалы оценки уровня демографического старения, если доля населения старше 65 лет находится от 4% до 7%, то это порог старения населения [8]. Таким образом, назвать население перечисленных государств молодым уже нельзя, особенно, если анализировать возрастной состав населения городов. Х.Х. Абдураманов отмечает, что в г. Ташкент доля

населения старше трудоспособного возраста составляет 14,3%, когда в среднем по Узбекистану – 8,7% [9]. В Российской Федерации подобная разница в количестве людей за пределами возраста трудовой активности между столицей и другими регионами незначительна [10; 11]. Ситуация в Узбекистане связана с тем, что, с одной стороны, в период 90-х годов прирост городского населения на территории Республики увеличился за счёт миграции из сельской местности (23,4%) [12]. С другой стороны, рождаемость за пределами крупного города в разы выше, о чем свидетельствует и современный коэффициент рождаемости и смертности на 1000 человек [13]. Это и определило указанную разницу в возрастной структуре населения между столицей и страной в целом.

В социологии существует концепция «успешного старения», разработанная американскими исследователями Д. Роу и Р. Кан [14]. Согласно данной теории, модель успешного старения состоит из низкой вероятности заболеваний и инвалидности, высокого уровня когнитивных и физических функций, активного жизненного взаимодействия с окружающим миром. Однако, эта позиция, по мнению как зарубежных, так и российских ученых не учитывает факторы, определяющие восприятие процесса старения. К ним можно отнести позитивную духовность (М. Кроутера и др.) [15], субъективное восприятие благополучия (Ю.А. Зеликова) [16]. Немаловажным является и социальный фактор, так как он связан с принятием старости, наличием или отсутствием общественной эксклюзии пожилых людей, социальных практик эйджизма и ювенальной перверсии. Только при использовании многофакторного анализа старшей возрастной группы можно проанализировать так называемую «успешность» старения. Республика Узбекистан является одним из лидеров по демографическому потенциалу среди стран бывшего Советского Союза. За период с 1991 по 2011 год население государства увеличилось примерно на 30%. Л. П. Максакова отмечает, что по прогнозам до 2030 года численность возрастёт ещё почти на 30% от современного показателя (с 29 млн. до 38 млн. человек) [17]. Помимо демографического роста, в Узбекистане зафиксированы мировые тенденции, связанные со временным сдвигом основных социальных активностей человеческой жизни. Так, несмотря на традиционность восприятия семьи и детей на территории Республики, молодые люди начинают вступать в брак в более зрелом возрасте (26,5 лет мужчины и 22,4 – женщины) [17]. К подобным тенденциям, как уже было отмечено ранее, можно отнести и увеличение среднего возраста населения, что в особенности ярко выражено в г. Ташкент, где средний возраст жителей составляет 31,9 лет, что превышает значение по стране в целом (27,5 лет) [13]. Учитывая перечисленные факты, становится понятна необходимость изучения современных особенностей жизни старшего поколения на территории Республики Узбекистан, в том числе и в столице.

На взгляд авторов, заслуживает внимания деятельность руководства Республики Узбекистан, связанная с созданием специализированного Интернет-портала для пожилых граждан «Nuroniё.Net», интегрированного в систему электронного правительства. Пользователи данного ресурса могут получить достаточно обширный список интерактивных услуг, начиная с ознакомления с последними новостями до подачи электронных заявлений и поиска лекарственных препаратов. Подобные сервисы создаются и реализуются в рамках, перечисленных во введении программ, направленных на поддержку старшего поколения.

В России практика создания специализированных Интернет-порталов для пожилых граждан в большей степени зависит от инициативы региональных властей в каждом отдельном субъекте Федерации. К примеру, в Тюменской области функционирует информационный портал «Старшее поколение» [18]. Однако, основной функционал сайта направлен на интеграцию наиболее полезной информации для людей старшего поколения.

При анализе перечисленных Интернет-ресурсов возникает достаточно логичный вопрос о готовности старшего поколения применять подобные формы поиска информации и получения услуг, связанный с наличием у них как необходимых технических средств, так и

достатком компетенций в области использования современных информационно-коммуникационных технологий. Только при наличии сформированных ориентацией и установок интернет-пользователей старшей возрастной группы на применение специальных Интернет-ресурсов можно говорить об эффективности и целесообразности их существования. Приведённые факты свидетельствуют о том, что высший уровень государственной власти проводит политику по вопросу заботы о пожилых людях на территории Республики Узбекистан. Такое же отношение проявляется и в культурных особенностях взаимодействия старшего поколения внутри своей семьи. Люди старшего поколения имеют особое место в традиционной узбекской семье. Представители подобной возрастной группы в своих семьях занимают роль мудреца, советчика, главы. Подобное отношение к пожилым сохранено и в современных семьях Узбекистана.

Несмотря на консерватизм традиционного восприятия роли старшего поколения, работ, направленных на изучение особенностей жизни данной возрастной группы на территории Центральной Азии с применением прикладных социологических методов исследования явно недостаточно. В основном имеющиеся работы основываются на вторичном анализе экономическо-демографических показателей (Х.Х. Абдураманов) [9], на описании различных программ поддержки пожилых людей (Ш.М. Садыкова) [19], оценке физического и психического самочувствия (Д.Ж. Аниезова) [20]. В данной статье, на основе авторского пилотажного опроса пожилых людей в г. Ташкенте, предпринята попытка выявления некоторых особенностей их повседневности. Проблематика исследования заключается в реальной практике жизнедеятельности старшего поколения, сталкивающегося с процессами социальной адаптации к изменяющейся внешней среде. Научная проблема данного исследования состоит в том, чтобы определить соотношение традиционных и инновационных реалий жизни старшего поколения.

В период с июля по август 2017 года было проведено 122 личных стандартизированных интервью (применялись вопросы открытого типа) с людьми старше 55 лет на территории г. Ташкента. Беседы с респондентами проводились в местах их скопления (банки, поликлиники) для проведения беседы. Проанализируем наиболее статистически значимые распределения, получившиеся по результатам опроса.

Начнём анализ полученных данных с гражданской позиции старшего поколения г. Ташкента. Подавляющее большинство опрошенных считают себя патриотами страны, в которой они проживают. Однако, для некоторых респондентов подобный вопрос оказался достаточно затруднительным для понимания: *(Как вообще оценивать патриотизм? Что это такое? (женщины 60-65 лет))*.

Выявлена весомая доля обеспокоенных граждан за будущее государства. Только для каждого десятого респондента будущее страны не вызывает беспокойства. Отметим, что получившиеся данные вполне сопоставимы друг с другом. Патриотизм определяется высокой ценностью государства для отдельного гражданина. Естественно, что при повышении ценности объекта, индивид как субъект ориентирован на сохранение определённого явления или процесса, в связи с чем возрастает его уровень обеспокоенности.

В ходе интервью мы просили респондентов уточнить, что именно их беспокоит в будущем своей страны. Конкретизировать свои опасения согласился лишь каждый третий опрошенный. Всё полученные ответы в свободной форме можно дифференцировать на три основные группы. Во-первых, благосостояние населения и развитие экономики страны: *благосостояние населения, размер пенсий, уровень образования, уровень здравоохранения, уровень жилищно-коммунального хозяйства (мужчины 55-60 лет); достойная жизнь людей, работа на родине и для родины (мужчины от 70 лет)*. Во-вторых, воспитание подрастающего поколения, будущее молодёжи: *жизнь молодёжи, воспитание, моральная и материальная жизнь пенсионеров (мужчины 65-70 лет)*. В-третьих, обстановка вокруг государства, «беспокойные соседи», вопросы мирного существования: *Беспокойные соседи –*

ИГИЛ, Афганистан (женщины 60-65 лет.); «Живём в неприятное время, хочется, чтобы мир и спокойствие постоянно сопровождали нашу страну» (мужчины 60-65 лет).

Респондентам был задан вопрос в открытой форме о том, что вызывает у них чувство гордости за свою страну. Почти половина опрошенных предпочли воздержаться от ответа. Остальные в основном гордятся своим народом и фактом независимости государства (*традиции и обычаи народа, дружелюбие и порядочность народа (женщина, 65-70 лет)*); (*экономические преобразования, борьба с коррупцией, забота о благосостоянии города (мужчина, 65-70 лет)*).

Отдельный блок вопросов нашего исследования был посвящен взаимодействию представителей старшего поколения со своей семьей и близкими родственниками. Так, две трети респондентов отметили, что видятся с большинством своих ближайших родственников раз в неделю и чаще, при этом большинство из них видят родственников практически каждый день. Только каждый третий респондент видит своих ближайших родственников реже одного раза в неделю. Также стоит отметить, что подавляющее большинство респондентов оценили свои отношения с ближайшими родственниками как «отличные» и «хорошие». Доли ответивших по-иному не превышают ошибку выборки нашего исследования. Таким образом, можно отметить, эмпирическое подтверждение сохранения ведущей роли старшего поколения в современной семье Узбекистана. Это приводит к незначительной частоте межпоколенческих конфликтов внутри семьи, а следовательно, и сохранению хороших отношений между её членами.

Интересными являются ответы представителей старшего поколения г. Ташкента на вопрос, связанный с оценкой воспитания поколения своих детей и внуков. 50% респондентов считают, что поколение их детей и внуков воспитано не хуже, чем их поколение. Однако, каждый пятый из опрошенных считает, что они воспитаны хуже, чем они, а треть респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. На наш взгляд, подобные результаты, как и предыдущие свидетельствуют о сохранении традиционных моделей воспитания на данном этапе, несмотря на наличие опасений и беспокойств по этому поводу.

Отметим, что жизненная направленность людей старшего поколения в Узбекистане на членов своей семьи подтвердилась и при анализе ответов вопрос открытого типа «Что может сделать Вас счастливыми?». При группировке ответов в отдельные блоки можно выявить, что самый крупный блок по частоте ответов связан со счастьем, здоровьем, успехами и психоэмоциональным состоянием членов семьи (детей и внуков): *успехи детей и внуков, здоровье близких (женщины от 70 лет); радость и счастье своих близких (мужчины 65-70 лет)*. Второй блок по значимости связан с отсутствием материальных трудностей, в том числе помощь своей семье: *достойная работа, достойная пенсия, возможность общения с родными и друзьями, хорошо налаженный быт (мужчины 55-60 лет); «Чтобы на пенсию можно было жить, а не существовать» (женщины от 70 лет)*. На взгляд авторов, подобные ответы, с одной стороны, являются вполне ожидаемыми для данной возрастной группы. С другой стороны, они также свидетельствуют о высокой ценности семьи для старшего поколения в Узбекистане.

Отдельный блок вопросов в интервью был посвящен анализу взаимодействия респондентов с Интернетом и новыми информационно-коммуникационными технологиями. Респондентам было предложено оценить уровень сложности использования Интернета в своей повседневной жизни. По данным исследования, более трети опрошенных считают, что пользоваться Интернетом достаточно легко. Затруднились с ответом четверть из числа опрошенных. Подобные результаты могут свидетельствовать о недостаточном уровне компетенций использования Интернета. Однако, необходимо учитывать, что респонденты проживают в самом густонаселенном городе страны. Учитывая урбанизационный фактор, можно предположить, что показатели подобных компетенций среди старшего поколения за пределами городов будут ниже. Проявляется противоречие между наличием возможностей

Интернета, специализированных сайтов для старшего поколения и реальной готовностью данной возрастной группы к их использованию.

В современное время степень интеграции людей старшего возраста в виртуальное пространство является одним из атрибутов экономически развитых стран, что в значительной мере объясняется объективными факторами (высокий уровень жизни, обеспеченность техникой в личном пользовании и т.д.). Г.Г. Сорокин отмечает, что Интернет можно рассматривать как «эффективное средство социальной адаптации старшего поколения, нетривиальный инструмент преодоления типичных для старческого возраста проблем» [21]. Подобное актуально как для РФ, так и для Узбекистана. Однако необходимо в первую очередь повышать уровень информированности граждан о возможностях использования современных информационно-коммуникационных технологий на безвозмездной основе. Увеличение уровня информированности станет фактором формирования и утверждения среди пожилого населения на использование новых средств поиска информации, коммуникации и получения социальных услуг.

Следовательно, только треть респондентов считают, что телефон и Интернет оказывают позитивное влияние на современное общество. Остальные опрошенные видят в этом либо негативное влияние, либо позитивно относятся только к использованию мобильного телефона, но не Интернета. Это подтверждает необходимость реализации курсов для населения, направленных на повышение компьютерной грамотности. Отметим, что они уже на протяжении долгого времени реализуются на территории России и несколько лет в Узбекистане. Актуальность подобных курсов в современных условиях развития информационно-коммуникационных технологий не вызывает сомнений.

Выводы

Подведём итоги авторского исследования об определенных особенностях жизни пожилого поколения Узбекистана. Во-первых, эмпирически доказана высокая степень значимости данной социальной группы для членов их семьи, а также весомая социальная роль, что подтверждается практическим отсутствием конфликтных ситуаций между ними и представителями их семей. Во-вторых, при оценке гражданской позиции старшего поколения отмечен высокий уровень обеспокоенности за свою страну, наравне с большим количеством патриотично настроенных граждан. В-третьих, исходя из полученных ответов на вопросы о взаимодействии людей пожилого возраста с новыми информационно-коммуникационными технологиями можно определить недостаточное количество компетенций для работы с ними. Это в свою очередь, с одной стороны, ставит под вопрос эффективность внедрения Правительством Республики Узбекистан новых способов получения информации и социальных услуг старшим поколением. С другой стороны, становится определённым объективным вызовом для процесса адаптации старшего поколения к стремительно изменяющимся материально-техническим условиям жизни. Учитывая современные социально-демографические тенденции по всему миру, актуальность подобных исследований в данное время будет возрастать, а получение объективных результатов о различных особенностях жизни старшего поколения станет основой для реализации эффективной социальной политики в любой стране.

Библиографический список

- [1] Конституция Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.uz/ru/clause/index#section7> (дата обращения: 01.09.2018)
- [2] Иуков Е.А. Альтернативные идеологии // Политические институты и процессы. – 2015. – № 1. – С. 14–17.

- [3] Заширинская О.В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 4. – С. 89–98
- [4] Постановление Президента Республики Узбекистан о государственной программе «Год внимания и заботы о старшем поколении» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2575145 (дата обращения: 03.09.2018)
- [5] Русанова Н.Е. Понятие возраста в демографии и современное старшее поколение // Народонаселение. – 2013. – №2. – С. 63–71.
- [6] Никонова Э.И. Старшее поколение в современном российском обществе: стратегии адаптации: дис. ... кандидата социол. наук. – Казань, 2008. – 230 с.
- [7] Private Reference Bureau [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prb.org/international/indicator/age65/snapshot> (дата обращения: 02.09.2018)
- [8] Демографический энциклопедический словарь/ Ред. Д. И. Валентей. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
- [9] Абдураманов Х.Х. Социальная защита престарелых: на примере республики Узбекистан // Проблемы современной экономики. – 2016. – №2. – С.193–196.
- [10] Численность постоянного населения старше трудоспособного возраста. Портал открытых данных Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.mos.ru/opendata/7704253064-chislennost-postoyannogo-naseleniya-starshe-trudosposobnogo-vozrasta> (дата обращения: 01.09.2018)
- [11] Численность и состав населения. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 02.09.2018)
- [12] Максакова Л.П. Миграция населения Республики Узбекистан. – Ташкент: Издательский дом "Эльдинур", 2000. – 116 с.
- [13] Альманах Узбекистан. – Ташкент: Центр экономических исследований (ЦЭИ). – 2013. – 242 с.
- [14] Rowe J.W., Kahn R.L. Successful aging // *The Gerontologist*. – 1997. – Vol. 37, No. 4. – P. 433–440.
- [15] Crowther M.R., Parker M.W., Achenbaum W.A., Larimore W.L., Koenig H.G., Rowe and Kahn's Model of Successful Aging Revisited: Positive Spirituality – The Forgotten Factor // *The Gerontologist*. – 2002. – Vol. 42, Issue 5. – 613–620.
- [16] Зеликова Ю.А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 60–69.
- [17] Максакова Л.П. Демографическая ситуация в Узбекистане с точки зрения социальной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – Т. 15, № 3. – С. 24–37.
- [18] Старшее поколение. Информационный портал для людей золотого возраста Тюменской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stp-to.ru/> (дата обращения: 01.09.2018)
- [19] Садыкова Ш.М. Актуальные вопросы социальной защиты пожилых людей в Узбекистане // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2015. – Т. 4–6, № (9). – С.159–160.
- [20] Аниезова Д.Ж. Инструмент для комплексной оценки качества жизни пожилых людей в Республике Узбекистан // Клиническая геронтология. – 2017. – Т. 23, №5–6. – С. 38–43.
- [21] Сорокин Г.Г. Пожилые россияне в сети интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – Т. 2, № 102. – С. 187–189.

References

- [1] The Constitution of the Republic of Uzbekistan. Retrieved from <http://constitution.uz/en/clause/index#section7>.
- [2] Iukov, E.A. (2015). Alternative ideologies. *Political Institutions and Processes*, 1, 14–17.
- [3] Zashchirinskaya, O.V. (2013). Conceptual ideas about the structure of communication. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 89–98
- [4] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan on the state program "Year of attention and care for the older generation." Retrieved from http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2575145
- [5] Rusanova, N.Ye. (2013) The concept of age in demography and the modern older generation. *Population*, 2, 63–71.
- [6] Nikonova, E.I. (2008) The older generation in modern Russian society: adaptation strategies. (Candidate thesis, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation).
- [7] Private Reference Bureau. Retrieved from <https://www.prb.org/international/indicator/age65/snapshot> (access date 02.09.2018)
- [8] Valentey, D.I. (Ed.). (1985). Demographic encyclopedic dictionary. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- [9] Abduramanov, Kh.Kh. (2016) Social protection of the elderly: the example of the Republic of Uzbekistan. *Problems of the modern economy*, 2, 193–196.
- [10] The number of resident population over working age. Portal of open data of the Government of Moscow. Retrieved from <https://data.mos.ru/opendata/7704253064-chislennost-postoyannogo-naseleniya-starshe-trudosposobnogo-vozrasta>.
- [11] Population: size and composition. Federal State Statistics Service. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- [12] Maksakova, L.P. (2000) Migration of the population of the Republic of Uzbekistan. Tashkent: Eldinur.
- [13] Almanac of Uzbekistan (2013) Tashkent: Center for Economic Research (CER).
- [14] Rowe, J.W., & Kahn, R.L. (1997) Successful aging. *The Gerontologist*, 37(4), 433–440.
- [15] Crowther, M.R., Parker, M.W., Achenbaum, W.A., Larimore, W.L., & Koenig, H.G. (2002). Rowe and Kahn's Model of Successful Aging Revisited: Positive Spirituality – The Forgotten Factor. *The Gerontologist*, 42(5), 613–620.
- [16] Zelikova, Yu.A. (2014) Subjective well-being of the elderly (cross-national analysis). *Sociological Studies*, 11, 60–69.
- [17] Maksakova, L.P. (2012) The demographic situation in Uzbekistan from the point of view of social security. *Central Asia and the Caucasus*, 15(3), 24–37.
- [18] The older generation. Information portal for people of golden age of the Tyumen region. Retrieved from <http://www.stp-to.ru/> (access date 01.09.2018)
- [19] Sadykova, Sh.M. (2015) Actual issues of social protection of the elderly in Uzbekistan. *National Association of Scientists (NAU)*, 4–6 (9), 159–160.
- [20] Aniezova, D.Zh. (2017) A tool for a comprehensive assessment of the quality of life of older people in the Republic of Uzbekistan. *Clinical gerontology*, 23, 5–6, 38–43.
- [21] Sorokin, G.G. (2011). Older Russians on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2 (102), 187–189.

Получена / Submitted: 14/03/2019

Доработана / Revised: 19/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 24/05/2019

УДК 303.4

МЕТОДЫ АНАЛИЗА КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Елена Евгеньевна Фомина¹

¹*Кафедра информатики и прикладной математики, Тверской государственной технической университет, Тверь, Российская Федерация*

Аннотация. Анализ взаимосвязей и установление закономерностей между переменными, описывающими изучаемый объект или явление, является одним из важных этапов прикладного исследования. В большинстве социологических задач анализируемые переменные являются категориальными или имеют нечисловую природу. Применение многих статистических методов, используемых для исследования интервальных переменных, невозможно при анализе данных такого типа, что приводит к трудностям в поиске зависимостей между ними. В статье рассмотрены математические методы, которые могут служить инструментом для анализа категориальных или нечисловых переменных в социологических исследованиях. Приведены теоретические основы логарифмического линейного анализа, анализа соответствий и категориального метода главных компонент. Применение и возможности каждого метода проиллюстрированы на примерах обработки результатов анкетирования на тему благотворительности.

Ключевые слова: категориальные переменные; математические методы; анкетирование.

Methods of Analysis of Categorical Variables in Sociological Research

Elena E. Fomina¹

¹*Department of Informatics and Applied Mathematics, Tver State Technical University, Tver, Russian Federation*

Abstract. The analysis of relationships and establishment of regularities between the variables describing the studied object or phenomenon is one of the important stages of applied research. In most sociological problems the analyzed variables are categorical or have a non-numerical nature. The use of many statistical methods used to study interval variables is not possible in the analysis of this type of data, which leads to difficulties in finding dependencies between them. The article deals with mathematical methods that can serve as a tool for the analysis of categorical or non-numeric variables in sociological research. Theoretical bases of logarithmic linear analysis, correspondence analysis and categorical principal components method are presented. The application and possibilities of each method are illustrated by examples of processing the results of the survey on the topic of charity.

Keywords: categorical variables, mathematical methods, questionnaire.

Введение

Одним из важных этапов социологического исследования является этап анализа значений показателей, описывающих изучаемый объект или явление. Задача исследователя заключается в том, чтобы установить характер взаимосвязей между переменными, получить закономерности, на основе которых возможно будет выдвигать гипотезы, составлять прогнозы и делать обобщающие выводы [1].

Для анализа интервальных переменных в распоряжении исследователя имеется большой набор статистических методов, однако социологические показатели зачастую являются категориальными или имеют нечисловую природу [2–6]. К таким данным невозможно применять многие математические методы, что приводит к затруднениям в поиске взаимосвязей между переменными и к проблеме интерпретации результатов.

Цель настоящей статьи – обзор математических инструментов, которые могут быть

применены для анализа переменных такого типа в социологических исследованиях.

В статье рассмотрены такие методы многомерной статистики как логарифмический линейный анализ, категориальный метод главных компонент и анализ соответствий. Они не часто используются в социологической практике, однако обладают большим потенциалом при анализе категориальных данных и могут успешно применяться в практических исследованиях.

Возможности методов проиллюстрированы на примере обработки результатов анкетирования на тему «Отношение к деятельности благотворительных организаций в РФ». Выбор этой темы не случаен, так как развитие общества в последние годы характеризуется изменениями в социально-экономической сфере, которые связаны с внешне и внутриполитическими событиями, ростом безработицы и недостаточным финансированием медицины и образования. Эти обстоятельства приводят к необходимости поиска негосударственных форм поддержки социальной сферы, а именно к созданию благотворительных фондов и организаций. Задача анкетирования заключалась в оценке степени заинтересованности населения проблемами благотворительности и степени доверия к деятельности благотворительных организаций.

Анкета включала в себя 30 вопросов. Анкетирование проводилось среди жителей города Твери и Тверской области в возрасте от 18 лет. Объем выборки составил 1 000 респондентов.

Материалы и методы

Логарифмический линейный анализ

Логарифмический линейный анализ (логлинейный анализ, ЛЛА) – статистический метод, позволяющий обнаруживать и исследовать внутренние взаимосвязи между двумя и более категориальными переменными [7].

Исходным данным метода является таблица сопряженности значений некоторого набора дискретных переменных $A_1 = \{a_{11}, a_{12}, \dots, a_{1n_1}\}$, $A_2 = \{a_{21}, a_{22}, \dots, a_{2n_2}\}, \dots, A_M = \{a_{M1}, a_{M2}, \dots, a_{Mn_M}\}$.

Результатом применения метода будет являться таблица маргинальных и частных связей, которая позволит проанализировать и выявить значимые многофакторные взаимодействия между переменными.

Логлинейная модель представляет собой модель множественной линейной регрессии, в которой зависимая переменная – это натуральный логарифм соответствующей частоты таблицы сопряженности, а независимые переменные – отдельные факторы и их совместные взаимодействия [8; 9].

Рассмотрим алгоритм метода ЛЛА на примере анализа взаимосвязи трех дискретных переменных $A = \{a_1, a_2, \dots, a_I\}$, $B = \{b_1, b_2, \dots, b_J\}$ и $C = \{c_1, c_2, \dots, c_K\}$.

Шаг 1. Составляется таблица сопряженности, которая содержит данные о частоте встречаемости n_{ijk} каждого сочетания $a_i b_j c_k$, $i = \overline{1, I}, j = \overline{1, J}, k = \overline{1, K}$.

Шаг 2. Рассчитываются теоретические частоты n_{ijk}^* по формуле:

$$\ln(n_{ijk}^*) = u_0 + u_i^A + u_j^B + u_k^C + u_{ij}^{AB} + u_{ik}^{AC} + u_{jk}^{BC} + u_{ijk}^{ABC}, \quad (1)$$

где u_0 – общее среднее значение; u_i^A – эффект i -ой категории переменной A ; u_j^B – эффект j -ой категории переменной B ; u_k^C – эффект k -ой категории переменной C ; u_{ij}^{AB} – эффект совместного взаимодействия i и j категории двух переменных A и B соответственно; u_{ik}^{AC} – эффект совместного взаимодействия i и k категории двух переменных A и C соответственно; u_{jk}^{BC} – эффект совместного взаимодействия j и k категории двух переменных

B и C соответственно; u_{ijk}^{ABC} – эффект совместного взаимодействия i, j и k категории трех переменных A, B и C соответственно [10; 11].

Если какая-либо ячейка таблицы сопряженности окажется равной нулю, то ее значение заменяется на 0,5, что не оказывает влияние на конечный результат.

Чтобы число параметров не превышало числа ячеек таблицы сопряженности, необходимо выполнение следующих условий [8; 9]:

$$\sum_i u_i^A = \sum_j u_j^B = \sum_k u_k^C = 0, \quad (2)$$

$$\sum_i u_{ij}^{AB} = \sum_j u_{ij}^{AB} = \sum_i u_{ik}^{AC} = \sum_k u_{ik}^{AC} = \sum_j u_{jk}^{BC} = \sum_k u_{jk}^{BC} = 0, \quad (3)$$

$$\sum_i u_{ijk}^{ABC} = \sum_j u_{ijk}^{ABC} = \sum_k u_{ijk}^{ABC} = 0 \quad (4)$$

Шаг 3. Исследуется значимость каждого слагаемого уравнения (1).

Модель (1) называется насыщенной, если она включает все эффекты и их взаимодействия. Если модель содержит только часть значимых эффектов и их взаимодействий, то она называется ненасыщенной. При решении практических задач довольно редко все факторы и их взаимодействия значимы.

Для оценки значимости эффекта используются следующие статистики:

хи-квадрат Пирсона с уровнем значимости p :

$$\chi^2 = \sum_{ijk} \frac{(n_{ijk} - n_{ijk}^*)^2}{n_{ijk}^*}; \quad (5)$$

хи-квадрат метода максимального правдоподобия с уровнем значимости p :

$$G^2 = 2 \sum_{ijk} n_{ijk} \ln \left(\frac{n_{ijk}}{n_{ijk}^*} \right), \quad (6)$$

где n_{ijk} – наблюдаемые частоты; n_{ijk}^* – теоретические частоты.

Проверка значимости эффекта происходит по следующей схеме: эффект исключают из модели и рассчитывают статистики хи-квадрат Пирсона и хи-квадрат метода максимального правдоподобия. Если при этом уровень значимости $p < 0,05$, то эффект считается значимым и должен присутствовать в модели. В противном случае, эффект считается незначимым и может быть исключен из модели. Таким образом, постепенно исследуются все эффекты и исключаются сложные составные взаимодействия до тех пор, пока не останутся только значимые [7; 12; 13].

Рассмотрим пример использования логлинейного анализа для обработки результатов анкетирования, посвященного теме благотворительности. Применим метод для того, чтобы выявить какие из социально-демографических характеристик оказывают влияние на отношение к благотворительности. Для этого проанализируем ответы на следующие вопросы:

Вопрос 1 (переменная 1): Принимаете ли вы участие в благотворительности? Варианты ответа: 1 – да; 2 – нет.

Вопрос 2 (переменная 2): Ваш пол? Варианты ответа: 1 – мужской; 2 – женский.

Вопрос 3 (переменная 3): Ваш возраст? Варианты ответа: 1 – 18-24 года; 2 – 25-39 лет; 3 – 40-54 года; 4 – 55 лет и старше

Вопрос 4 (переменная 4): Ваше образование? Варианты ответа: 1 – неполное среднее; 2 – полное среднее; 3 – среднее специальное; 4 – высшее.

Вопрос 5 (переменная 5): Ваш уровень дохода? Варианты ответа: 1 – денег хватает только на питание. Покупка одежды – проблема; 2 – на питание и недорогую одежду денег хватает. Покупка вещей длительного пользования – проблема; 3 – на хорошее питание и дорогую одежду денег хватает. Приобретение недвижимости – проблема; 4 – без труда приобретаем вещи длительного пользования. Можем накопить деньги на недорогой автомобиль. Но купить квартиру или коттедж не можем; 5 – нет материальных проблем.

Расчеты производились в программе STATISTICA [14].

Результаты и обсуждения

Механизм построения таблицы одновременных критериев

На первом этапе была построена таблица одновременных критериев для всех возможных k -факторных взаимодействий (рисунок 1). При числе факторов равном 1 и 2 вероятности $p < 0,05$. То есть влияние двухфакторных взаимодействий статистически значимо, при включении третьего, четвертого и пятого фактора модель слабо согласуется с исходными данными.

Таблица маргинальных и частных связей позволяет выявить значимые взаимосвязи, то есть взаимосвязи для которых $p < 0,05$ (рисунок 2). В результате оптимальная ненасыщенная ЛЛМ содержит взаимодействия 21, 54, 32, 52, 53, 43, 51. Наибольший интерес представляют взаимодействия 21 и 51, так как они позволяют определить, какие социально-демографические характеристики влияют на отношение к благотворительности. К таким характеристикам относятся пол и доход респондента.

Данные таблицы, представленной на рисунке 2, также позволяют оценить силу влияния (V) факторов 2 (пол) и 5 (доход) на переменную 1 (вопрос: «Принимаете ли вы участие в благотворительности?»).

V рассчитывается по формуле:

$$V = \frac{\chi_m^2}{\sum \chi_m^2} * 100\%, \quad (7)$$

где χ_m^2 – значение статистики хи-квадрат Пирсона, соответствующее m -ому эффекту; $\sum \chi_m^2$ – сумма значений статистик хи-квадрат Пирсона всех значимых эффектов.

Получаем: $\chi_1^2 = 0,9647$, $\chi_{12}^2 = 7,2925$, $\chi_{15}^2 = 6,1478$, $\chi_1^2 + \chi_{12}^2 + \chi_{15}^2 = 14,405$. Тогда влияние второй переменной $V_2 = \frac{7,2925}{14,405} * 100\% \approx 51\%$, пятой переменной $V_5 = \frac{6,1478}{14,405} * 100\% \approx 43\%$

Таким образом, отношение к благотворительности на 51% зависит от пола и на 43% от дохода. Анализ маргинальных таблиц факторов *Переменная 1 – Переменная 2* и *Переменная 1 – Переменная 5*, позволяет сделать вывод, что для женщин наиболее характерно участие в благотворительности (соотношение между женщинами и мужчинами, принимающими участие в благотворительности равно 70% к 30%). В зависимости от уровня дохода участие в благотворительности распределяется следующим образом: 2 категория переменной доход – 12%; 3 категория переменной доход – 38%; 4 категория переменной доход – 40%; 5 категория переменной доход – 10%. Респондентов с доходом из 1 категории среди опрошенных не оказалось.

Метод логарифмического линейного анализа позволил проанализировать взаимосвязи между переменными в многомерной таблице сопряженности и выявить наиболее значимые социально-демографические факторы, оказывающие влияние на отношение респондентов к благотворительности.

К-фактор	Число	МП	Вероятн.	Пирсона	Вероятн.
	ст.своб.	хи-квад.	р	хи-квад.	р
1	11	281,0342	0,000000	283,9348	0,000000
2	46	276,1796	0,000000	385,0583	0,000000
3	90	94,9954	0,339016	94,3027	0,357462
4	81	70,0423	0,802365	69,1374	0,823494
5	27	14,7916	0,972254	14,9141	0,970620

Рисунок 1. К-факторные взаимодействия

Эффект	Число	Част.св.	Част.св.	Марг.св.	Марг.св.
	ст.своб.	хи-квад.	р	хи-квад.	р
1	1	0,9647	0,326008	0,9647	0,326008
2	1	6,4057	0,011376	6,4057	0,011376
3	3	69,9753	0,000000	69,9753	0,000000
4	3	111,8721	0,000000	111,8721	0,000000
5	3	91,8163	0,000000	91,8163	0,000000
12	1	7,2925	0,006924	5,3573	0,020636
13	3	1,4462	0,694732	3,3480	0,341023
14	3	5,1451	0,161472	7,5068	0,057383
15	3	6,1478	0,104635	8,0275	0,045447
23	3	9,4406	0,023971	16,7792	0,000785
24	3	4,4906	0,213130	4,4395	0,217749
25	3	15,7409	0,001281	20,1072	0,000161
34	9	66,0168	0,000000	81,2330	0,000000
35	9	87,0945	0,000000	109,6261	0,000000
45	9	28,7255	0,000721	42,4896	0,000003
123	3	3,2331	0,357059	2,8970	0,407774
124	3	1,7838	0,618462	2,1406	0,543738
125	3	6,1913	0,102664	5,9950	0,111854
134	9	14,6853	0,099952	11,5007	0,242942
135	9	9,5406	0,388935	7,9798	0,536183
145	9	11,2098	0,261601	11,9629	0,215408
234	9	9,8390	0,363673	9,7102	0,374454
235	9	3,5892	0,936316	4,0008	0,911360
245	9	3,0827	0,960926	3,6331	0,933859
345	27	34,4658	0,152920	33,9235	0,168284
1234	9	9,0970	0,428372	6,9498	0,642349
1235	9	8,0276	0,531370	6,0997	0,729900
1245	9	5,3386	0,803851	4,1736	0,899621
1345	27	23,1321	0,677895	20,4278	0,812332
2345	27	31,5296	0,249955	27,3724	0,443849

Рисунок 2. Таблица маргинальных и частных связей

Анализ соответствий

Анализ соответствий (АС) – метод многомерной статистики, позволяющий проводить визуальное и численное исследование таблиц сопряженности большой размерности [15; 16]. Сущность метода заключается в том, что будет снижена размерность переменных, соответствующих строкам и столбцам таблицы сопряженности и построена двумерная карта соответствий, позволяющая проанализировать особенности взаимосвязи между ними.

Исходными данными метода является таблица сопряженности двух переменных А и В, принимающих дискретные значения $A = \{a_1, a_2, \dots, a_N\}$ и $B = \{b_1, b_2, \dots, b_M\}$ с частотами n_{ij} , $i = \overline{1, N}, j = \overline{1, M}$.

Алгоритм метода АС включает в себя следующие этапы.

Шаг 1. Составляется матрица соответствий Р, содержащая относительные частоты:

$$P = \left\{ p_{ij} = \left(\frac{n_{ij}}{n} \right) \right\}_{i=1, \overline{N}, j=1, \overline{M}}, \quad (8)$$

где n_{ij} – частота встречаемости сочетания $a_i b_j$, $n = \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M n_{ij}$.

Шаг 2. Рассчитываются профили строк:

$$\left(\begin{array}{ccc} \frac{n_{11}}{\sum_{j=1}^M n_{1j}} & \cdots & \frac{n_{1M}}{\sum_{j=1}^M n_{1j}} \\ \cdots & \cdots & \cdots \\ \frac{n_{N1}}{\sum_{j=1}^M n_{Nj}} & \cdots & \frac{n_{NM}}{\sum_{j=1}^M n_{Nj}} \end{array} \right) \quad (9)$$

и столбцов

$$\left(\begin{array}{ccc} \frac{n_{11}}{\sum_{i=1}^N n_{i1}} & \cdots & \frac{n_{1M}}{\sum_{i=1}^N n_{iM}} \\ \cdots & \cdots & \cdots \\ \frac{n_{N1}}{\sum_{i=1}^N n_{i1}} & \cdots & \frac{n_{NM}}{\sum_{i=1}^N n_{iM}} \end{array} \right), \quad (10)$$

которые представляют собой наборы относительных частот, вычисленные для каждой строки и каждого столбца.

Полученный набор профилей образует систему точек в многомерном пространстве.

Шаг 3. Вычисляются массы профилей, позволяющие учесть их значимость, то есть то количество респондентов, которое соответствует тому или иному профилю: массы строк:

$$r_i = \frac{\sum_{j=1}^M n_{ij}}{n}, i = \overline{1, N} \quad (11)$$

массы столбцов:

$$c_j = \frac{\sum_{i=1}^N n_{ij}}{n}, j = \overline{1, M} \quad (12)$$

Шаг 4. Изучается взаимосвязь между профилями путем их представления на одной плоскости. Для этого производится снижение размерности исходного пространства. Эта процедура сопряжена с поиском двумерного пространства, которое наиболее точно отражает расстояние между точками-профилями и минимизирует остаточную инерцию [1; 15; 16].

В качестве меры близости используется хи-квадрат расстояние. Инерция (I) рассчитывается по формуле:

$$I = \sum m \times d^2, \quad (13)$$

где m – масса профиля, d – хи-квадрат расстояние от профиля до центра тяжести

(среднего профиля).

Идея снижения размерности базируется на методе главных компонент [3], согласно которому сокращение размерности пространства происходит посредством «отсечения» неинформативных переменных.

Пример использования АС для выявления факторов

Рассмотрим пример использования АС для выявления факторов, способствующих вовлечению респондентов различных возрастных категорий в деятельность благотворительных организаций.

Для этого проанализируем ответы на следующий вопрос: «Какие из представленных пунктов больше всего интересуют Вас при оказании помощи через благотворительный фонд / организацию?»

Варианты ответа: 1 – на что конкретно направлена деятельность организации; 2 – кто финансирует деятельность организации; 3 – вид и размер помощи, которую предоставляет организация; 4 – условия получения финансовой и другой поддержки от организации; 5 – кому и на какие цели уже оказывалась поддержка организацией; 6 – почтовый адрес, адрес электронной почты и контактные телефоны организации.

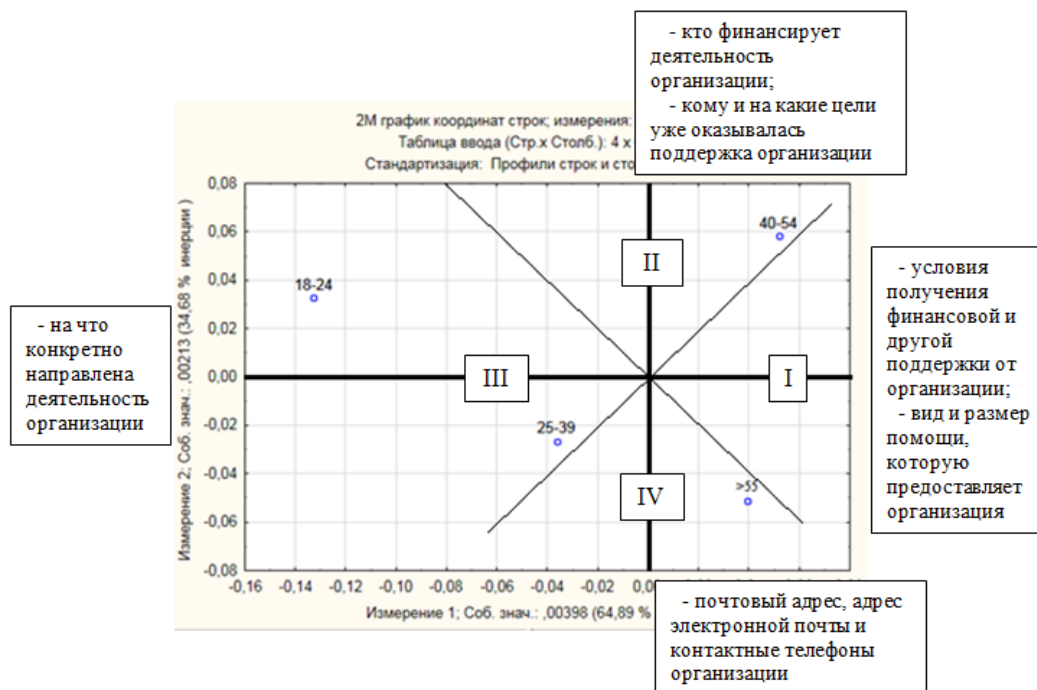
Возрастные категории: 18-24 года; 25-39 лет; 40-54 года; старше 55 лет

Расчеты производились в программе STATISTICA [14].

Применение метода позволило выделить три измерения, однако две оси объясняют 99,57% инерции, что говорит о хорошем соответствии двумерной модели исходным данным.

На рисунке 3. представлена карта соответствий для двумерного решения, а в таблице 1 его основные статистики.

На карте соответствий изображены точки, соответствующие возрастным категориям в пространстве вариантов ответов.

Рисунок 3. Карта соответствий

Проанализируем более детально таблицу с характеристиками первого и второго измерений (таблица 1).

Таблица 1. Статистики двумерного решения

№	Координаты		Масса	Качество	Отн. инерция	Измерение 1		Измерение 2	
	Измер.1	Измер.2				Инерция	Косинус ²	Инерция	Косинус ²
Варианты ответа на вопросы									
1	-0,05	-0,03	0,41	0,99	0,21	0,22	0,67	0,20	0,33
2	-0,01	0,07	0,14	0,99	0,11	0,01	0,03	0,32	0,97
3	0,03	-0,01	0,16	0,94	0,02	0,03	0,88	0,01	0,06
4	0,16	0,01	0,11	0,99	0,42	0,65	0,99	0,01	0,01
5	-0,02	0,06	0,16	0,99	0,09	0,02	0,11	0,24	0,89
6	0,08	-0,11	0,04	0,98	0,13	0,07	0,36	0,23	0,62
Возрастные категории									
1	-0,13	0,03	0,13	0,99	0,41	0,59	0,94	0,07	0,06
2	-0,04	-0,03	0,27	0,97	0,09	0,09	0,63	0,09	0,34
3	0,05	0,06	0,31	0,99	0,30	0,21	0,44	0,48	0,56
4	0,04	-0,05	0,30	0,99	0,20	0,11	0,37	0,36	0,62

Одним из показателей соответствия модели исходным данным является столбец «Качество». При корректном решении основная масса точек строк и столбцов должна быть правильно представлена на карте соответствий. Как можно видеть из таблица 1, значения в столбце «Качество» достаточно высоки для всех строк и столбцов.

Проинтерпретируем решение, рассмотрев положение возрастных категорий в пространстве вариантов ответов на вопрос. Так как переменная «Варианты ответа» содержит 6 значений, то средний вклад каждого ответа составит $1/6 = 0,167$. Таким образом, с каждым измерением (осью) будут связаны те варианты, для которых вклады в его инерцию больше 0,167. Дополнительным критерием содержательной связи точки с той или иной осью является значение квадратов корреляций (столбец «Косинус²»). С каждой осью будем ассоциировать те точки, квадрат корреляции которых больше 0,7. Для более детального анализа проведены биссектрисы углов I-IV четвертей, разделяющие плоскость на четыре сектора. Точки каждого сектора максимально коррелируют с теми частями осей, которые в нем содержатся.

Горизонтальная ось наиболее тесно связана с такими вариантами, как «Условия получения финансовой и другой поддержки от организации» (инерция 0,65; квадрат корреляции 0,99), «Вид и размер помощи, которую предоставляет организация» (инерция 0,03; квадрат корреляции 0,88) – точки ассоциируются с положительной частью оси (так как координаты этих точек по первому измерению положительны, таблица 1) и вариантом «На что конкретно направлена деятельность организации» (инерция 0,22; квадрат корреляции 0,67) – ассоциируется с отрицательной частью оси (так как координата этой точки по первому измерению отрицательна, таблица 1). Нужно отметить, что знак координаты не несет содержательной нагрузки, а позволяет связать точку с направлением оси.

Вертикальная ось наиболее тесно связана с такими вариантами, как «Кто финансирует деятельность организации» (инерция 0,31; квадрат корреляции 0,96), «Кому и на какие цели уже оказывалась поддержка организации» (инерция 0,24; квадрат корреляции 0,89) – точки ассоциированы с положительной частью оси, так как имеют положительные координаты по второму измерению (таблица 1) и вариантом «Почтовый адрес, адрес электронной почты и контактные телефоны организации» (инерция 0,23; квадрат корреляции 0,62) – ассоциирован с отрицательной частью оси, так как имеет отрицательную координату по второму измерению (таблица 1).

При анализе взаимосвязей осей и точек-профилей установлено, что профиль «На что конкретно направлена деятельность организации» связан с двумя измерениями одновременно. В этом случае при интерпретации связи будем руководствоваться значением квадрата корреляции, и ассоциировать точку с горизонтальной осью, так как значение квадрата корреляции с ней больше, чем с вертикальной осью.

Возрастная категория «40-54 года» расположена во втором секторе и наиболее тесно связана положительным направлением вертикальной оси. Таким образом, респондентам этой возрастной категории наиболее важны такие пункты как «Кто финансирует деятельность организации» и «Кому и на какие цели уже оказывалась поддержка организации».

Возрастные категории «18-24 года» и «25-39 лет» располагаются в третьем секторе. Следовательно, для респондентов этой группы наиболее значимо на что конкретно направлена деятельность организации. Возрастная категория «18-24 года» ближе расположена к отрицательному полюсу горизонтальной оси, следовательно, ей в большей степени присущи утверждения, ассоциированные с ней.

Возрастная категория «55 и старше» – располагается в четвертом секторе. Следовательно, респондентов этой группы наиболее интересует контактная информация для связи с благотворительной организацией / фондом.

Таким образом, анализ соответствий позволяет производить визуальное и численное исследование таблиц сопряженности больших размерностей и выявлять наличие взаимосвязей между значениями категориальных переменных.

Категориальный метод главных компонент

Категориальный метод главных компонент (Categorical Principal Components Analysis, CatPCA) используется для решения задачи снижения размерности пространства исходных данных, измеренных в любых шкалах. Метод позволяет одновременно анализировать как интервальные, порядковые, номинальные и дихотомические переменные, так и качественные переменные.

В качестве исходных данных метода выступает матрица со значениями переменных $X_{n \times p} = (x_1, x_2, \dots, x_p)$, $x \in R^n$, где каждая переменная x_j может принимать L_j различных значений.

Результатом применения метода будет являться таблица с нагрузками по каждой переменной, которая позволит объединить их в группы или факторы.

Алгоритм анализа данных методом CatPCA включает в себя два этапа.

1 шаг. «Оцифровки» переменных, которая опирается на принципы оптимального шкалирования.

2 шаг. Редукция размерности данных.

Математическая формализация метода имеет следующий вид. Требуется определить матрицу интегральных характеристик Z , таким образом, чтобы функция $\sigma(Z, W)$ принимала минимальное значение [17]:

$$\sigma(Z, W) = \sum_{j=1}^p \text{tr}(Z - G_j W_j)^T (Z - G_j W_j) \rightarrow \min, \quad (14)$$

при ограничениях (то есть интегральные характеристики должны удовлетворять условиям центрированности и ортонормированности).

$$Z^T \mathbf{1}_n = \mathbf{0}_r; \quad (15)$$

$$Z^T Z = nI_r. \quad (16)$$

Где $X_{n \times p} = (x_1, x_2, \dots, x_p)$ – матрица исходных переменных, $x \in R^n$; каждая переменная x_j может принимать L_j различных значений; $Z_{n \times r}$ – матрица интегральных характеристик; G_j – матрица индикаторов размерности $n \times L_j$ для исходной переменной x_j ;

$$G_j(i, l_j) = \begin{cases} 1, \text{ если объект } i \text{ относится к категории } l_j, \\ 0, \text{ в противном случае.} \end{cases} \quad (17)$$

W_j – матрица размерности $L_j \times p$ переменной x_j , содержащая координаты всех её категорий в g -ом пространстве; I_n – единичный вектор размерности $n \times 1$; 0_r – единичный вектор размерности $r \times 1$; I_r – единичная матрица размером $r \times r$.

Оптимизация функции (5) при ограничениях (9), (10) осуществляется с помощью итерационного алгоритма *Princals* [17; 18]. Более подробно алгоритм метода CatPCA изложен в [14].

Показателем, позволяющим оценить качество проведенного анализа, является статистика Альфа Кронбаха (α) – коэффициент, показывающий внутреннюю согласованность характеристик, описывающих один объект. Альфа Кронбаха лежит в интервале от $-\infty$ до 1. Если $\alpha > 0,7$, то построенная модель считается качественной [18].

Рассмотрим применение метода для оценки деятельности благотворительных организаций респондентами. Респонденты выражали свое согласие / несогласие со следующими утверждениями:

Утверждение 1. Благотворительные организации содействуют решению острых социальных проблем, развитию социальной сферы.

Утверждение 2. Благотворительные организации оказывают помощь и услуги только членам своей организации.

Утверждение 3. Благотворительные организации защищают права граждан, способствуют проявлению общественной инициативы.

Утверждение 4. Благотворительные организации осуществляют независимый общественный контроль над деятельностью государственных органов.

Утверждение 5. Благотворительные организации способствуют отмыванию нечестно заработанных денег.

Утверждение 6. Деятельность благотворительных организаций для большинства граждан не заметна и не важна.

Варианты ответа: 1 – полностью согласен; 2 – скорее согласен; 3 – скорее не согласен; 4 – совершенно не согласен; 5 – затрудняюсь ответить.

Расчеты производились в программе STATISTICA [14].

На первом этапе было определено оптимальное число факторов. Для этого была построена таблица с результатами вычисления значения альфа Кронбаха для числа размерностей равного 6 (таблица 2). Анализ этой таблицы показывает, что выделяется 2 компоненты с собственными значениями больше 1.

Модель перестроена вновь для числа измерений равного 2. Сводка по модели представлена в таблице 3. Построенная модель объясняет 64% общей дисперсии. Общее значение коэффициента α Кронбаха равно 0,88, следовательно, построенная модель хорошо описывает исходные данные.

Таблица 2. Сводка для модели с 6 компонентами

Размерность	Альфа Кронбаха	Собственное значение	% Дисперсии
1	0,723	2,530	42,159
2	0,155	1,156	19,268
3	-0,520	0,703	11,723
4	-0,755	0,619	10,318
5	-0,994	0,552	9,193
6	-1,554	0,440	7,338
Всего	1,000	6,000	100,000

Таблица 3. Сводка для модели с 2 компонентами

Размерность	Альфа Кронбаха	Собственное значение	% Дисперсии
1	0,775	2,827	47,110
2	0,020	1,017	16,947
Всего	0,888	3,843	64,056

Анализ нагрузок (таблица 4) приводит к следующей интерпретации полученных результатов. Первая компонента включает в себя три утверждения: 1, 3 и 4, то есть она собрала утверждения, связанные с положительной стороной деятельности благотворительных организаций. В целом объяснительная «сила» фактора (компоненты) составила 47,11 %. Вторая компонента связана с утверждениями 5 и 6, касающимися отрицательной стороны деятельности благотворительных организаций. Объяснительная «сила» фактора (компоненты) составила 16,94 %.

Таблица 4. Нагрузки для метода CatPCA

Утверждения	Компонента – 1	Компонента – 2
Утверждение 1	0,77	0,05
Утверждение 2	0,34	0,63
Утверждение 3	0,84	0,07
Утверждение 4	0,75	0,22
Утверждение 5	0,16	0,79
Утверждение 6	0,02	0,76

Устойчивость построенного решения проверялась путем применения метода к контрольным подвыборкам. Результаты выделения компонент в контрольных и исследуемой подвыборках аналогичные. Таким образом, метод позволил произвести редукцию исходного пространства переменных и выделить два фактора (компоненты).

Выводы

В настоящей статье рассмотрены такие методы анализа категориальных переменных как логарифмический линейный анализ, позволяющий исследовать многомерные частотные таблицы и определять значимые взаимосвязи между переменными. Анализ соответствий, основное назначение которого – это снижение размерности пространства строк и столбцов, соответствующих таблице сопряженности значений двух переменных, и его визуализация. Категориальный метод главных компонент, производящий производить редукцию исходного пространства переменных за счет объединения взаимосвязанных переменных в группы или факторы. Все эти методы могут быть эффективно использованы в социологической практике для анализа взаимосвязей между переменными, описывающими изучаемый объект или явление. Применение методов продемонстрировано на примере обработки результатов анкетирования.

Библиографический список

- [1] Клишина Ю.И. Применение анализа соответствий в обработке нечисловой информации // Социология: 4 М. – 1991. – № 2. – С. 105–119.
- [2] Фомина Е.Е. Методы многомерной статистики в социологических и социально–экономических исследованиях. – Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. – 112 с.
- [3] Буреева Н.Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП «STATISTICA». Учебно–методический материал по программе повышения квалификации «Применение программных средств в научных исследованиях и преподавании математики и механики». – Нижний Новгород: ННГУ, 2007. – 112 с.

- [4] Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998. – 208 с.
- [5] Борисова Е.В. Формирование и математическая обработка данных в социологии: Учебное пособие. 1-е изд. Тверь: ТГТУ, 2006. – 120 с.
- [6] Бондарева А.В., Федорова А.Н., Иуков Е.А. Глобализация: миф или реальность // В сборнике: Инновационный конвент "Кузбасс: образование, наука, инновации" Материалы Инновационного конвента. Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2019. – С. 656–658.
- [7] Фомина Е.Е. Возможности логлинейного анализа при обработке результатов анкетирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 3. – С. 197–211.
- [8] Логлинейный анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.statmethods.ru/statistics-metody/loglinejnyj-analiz/> (дата обращения: 21.01.2018).
- [9] Буре В.М., Гливинская О.А., Сотников А.В. Логлинейный анализ базы данных по инфаркту миокарда у больных молодого и среднего // Вестник Санкт-Петербургского университета – 2010. – Сер. 10 – Вып. 1. – С. 35–41.
- [10] Аптон Г. Анализ таблиц сопряженности. – Москва: Финансы и статистика, 1982. – 143 с.
- [11] Трофимов Д.А. Логлинейный анализ таблиц мобильности: обзор основных моделей // Социология 4М. – 2008. – №26. – С. 119–138.
- [12] Трошин Л.И., Балаш В.А., Балаш О.С. Статистический анализ нечисловой информации. – Москва: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2001. – 67 с.
- [13] Толстова Ю.Н., Рыжова А.В. Анализ таблиц сопряженности: использование отношения преобладаний и логлинейных моделей // Социология 4М. – 2003 – №16. – С. 150–164.
- [14] Боровиков В.П. STATISTICA: искусство анализа данных на компьютере. – Санкт Петербург: Питер, 2001. – 656 с.
- [15] Шафир М.А. Анализ соответствий: представление метода // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 28. – С. 29–44.
- [16] Прикладная статистика: Классификации и снижение размерности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stu.sernam.ru/book_stat3.php (дата обращения: 05.02.2019).
- [17] Objective Function (CATPCA Algorithms) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ibm.com/support/knowledgecenter/SSLVMB_22.0.0/com.ibm.spss.statistics.algorithms/alg_catpca_obj-func-opt_func.htm (дата обращения: 03.04.2019).
- [18] Фомина Е.Е. Факторный анализ и категориальный метод главных компонент: сравнительный анализ и практическое применение для обработки результатов анкетирования // Гуманитарный вестник. – 2017. – № 10 (60). – С. 3.

References

- [1] Klishina, Y.I. (1991). Application of correspondence analysis in non-numeric information processing. *Sociology: 4 M*, 2, 105–119.
- [2] Fomina, E.E. (2019). *Methods of multivariate statistics in sociological and socio-economic studies*. Tver: Tver State Technical University.
- [3] Bureeva, N.N. (2007). Multivariate statistical analysis using PPP “STATISTICA”. Educational and methodical material on the program of professional development “Application of software in research and teaching mathematics and mechanics”. Nizhny Novgorod: NNGU.
- [4] Devyatko, I.F. (1998). *Methods of sociological research*. Ekaterinburg: Publishing house Ural University press.
- [5] Borisova, E.V. (2006). *Formation and mathematical processing of data in sociology*. Tver: TSTU.

- [6] Bondareva, A.V., Fedorova, A.N., & Iukov, E.A. (2019). Globalization: Myth or Reality. In *Innovation Convention "Kuzbass: Education, Science, Innovations" Materials of the Innovation Convention. Department of youth policy and sports of the Kemerovo region* (pp. 656–658). Novokuznetsk: Siberian State Industrial University.
- [7] Fomina, E.E. (2018). Possibilities of Loglinear analysis in processing the survey results. *Bulletin of the Perm national research Polytechnic University. Socio–Economics*, 3, 197–211.
- [8] Log–linear analysis (2018, January). Retrieved from <https://www.statmethods.ru/statistics–metody/loglinejnyj–analiz/>.
- [9] Bure, V.M., Sliwinska, O.A., & Sotnikov, A.V. (2010). Log–linear analysis of the database on myocardial infarction in patients young and middle. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 10 (1), 35–41.
- [10] Upton, G. (1982). *Analysis of contingency tables*. Moscow: Finance and statistics.
- [11] Trofimov, D.A. (2008). Loglinear analysis of mobility tables: review of basic models. *Sociology 4M*, 26, 119–138.
- [12] Troshin, L.I., Balash, V.A., & Balash, O.S. (2001). *Statistical analysis of non–numeric information*. Moscow: Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics.
- [13] Tolstova, Y.N., & Ryzhov, A.V. (2003) The Analysis of contingency tables: using the relations of predominance and log–linear models. *Sociology 4M*, 16, 150–164.
- [14] Borovikov, V.P. (2001) *STATISTICA: the art of data analysis on the computer*. Saint Petersburg: Peter.
- [15] Shafir, M.A. (2009). Correspondence Analysis: presentation of the method. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 28, 29–44.
- [16] Applied statistics: Classification and reduction of dimensionality (2019, February). Retrieved from http://stu.sernam.ru/book_stat3.php.
- [17] Objective Function (CATPCA Algorithms) (2019, April). Retrieved from https://www.ibm.com/support/knowledgecenter/SSLVMB_22.0.0/com.ibm.spss.statistics.algorithms/alg_catpca_obj–func–opt_func.htm.
- [18] Fomina, E.E. (2017). Factor analysis and categorical method of the main components: comparative analysis and practical application for processing the survey results. *Humanities Bulletin*, 10 (60), 3.

Получена / Submitted: 14/03/2019

Доработана / Revised: 19/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 24/05/2019

УДК 316.42

К КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Степан Михайлович Киричук¹, Светлана Владимировна Толмачева²

¹*Тюменская городская Дума, Тюмень, Российская Федерация*

²*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются взаимосвязь показателя качества жизни посредством участия людей в управлении обществом через делегирование своих полномочий в процессе свободных выборов. В Конституции и законах Российской Федерации выборы определены как главный инструмент демократии, посредством которого многонациональный народ через формирование органов управления может влиять на качество жизни. Рассматривая явку на выборах разных уровней власти, предполагается зависимость данного показателя от возможностей изменения качества жизни выборными органами управления. Низкая явка в первую очередь на выборах в муниципальные органы власти со стороны избирателей может служить оценочным показателем потенциала возможных изменений качества жизни со стороны различных уровней власти. Одновременно высокая явка избирателей на выборы в органы государственной власти и выборы Президента Российской Федерации говорит о высокой оценке их возможностей по решению проблем преобразования качества жизни. Отмечено падение интереса избирателей к выборному процессу в зависимости от снижения уровня власти у выборных органов. Анализируя явку на выборы в муниципальные органы власти можно отметить, что меньше половины членов общества готовы участвовать в решении проблем повышения качества жизни, на местном уровне делегируя свои полномочия посредством выборного процесса. Однако именно местные органы власти могут оперативно реагировать на изменение качества жизни местных избирателей. Исследуя причины низких явок на муниципальных выборах, вносятся предложения по совершенствованию избирательного законодательства с целью большего вовлечения индивидов в выборный процесс на уровне формирования органов местного самоуправления, от полномочий которых по управлению развитием социума напрямую зависит качество жизни избирателей.

Ключевые слова: муниципальные выборы, явка избирателей, формирование органов управления, выборный процесс, развитие общества.

To Quality of Life Through the Prism of Elections in Organs Local Government

Stepan M. Kirichuk¹, Svetlana V. Tolmacheva²

¹*Tyumen City Duma, Tyumen, Russian Federation*

²*Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the relationship between the indicator of quality of life through the participation of people in the management of society through the delegation of their powers in the process of free elections. The Constitution and laws of the Russian Federation define elections as the main instrument of democracy, through which a multiethnic people through the formation of government bodies can influence the quality of life. Considering the turnout in elections of different levels of government, it is assumed that this indicator will depend on the possibilities of changing the quality of life by elected bodies of government. Low voter turnout in the first place in municipal elections can serve as an assessment of the potential for possible changes in the quality of life on the part of different levels of government. At the same time, a high voter turnout at elections to state bodies and the election of the President of the Russian Federation indicates a high appreciation of their ability to solve the problems of transforming the quality of life. There was a drop in voter interest in the electoral process, depending on the decrease in the level of power among the elected bodies. Analyzing the turnout for elections to municipal authorities, it can be noted that less than half of members of society are ready to participate in solving problems of improving the quality of life, at the local

level delegating their powers through the electoral process. However, it is local authorities that can quickly respond to changes in the quality of life of local voters. Exploring the reasons for low turnout in municipal elections, proposals are made to improve electoral legislation in order to involve individuals more in the electoral process at the level of the formation of local governments, whose authority to manage the development of society directly determines the quality of life of voters.

Keywords: municipal elections, voter turnout, the formation of government bodies, the electoral process, the development of society.

Введение

Качество жизни – многогранное понятие, которое изучается различными отраслями знания. О проблемах качества жизни заговорили в научном сообществе еще более века назад. Кажется, что за столь длительный период теоретические основания изучения данного вопроса должны быть уже четко определены. Но так как развитие человеческого общества многогранно, то и детерминация самого изучаемого понятия неизбежна, что является стимулом постоянной научной дискуссии.[1] Одним из показателей сложного понятия «качество жизни» можно рассматривать возможности участия индивида в процессах управления развитием обществом.

Конституция Российской Федерации в ст. 3 определяет единственным источником власти, то есть субъектом управления в «Российской Федерации ее многонациональный народ» [2]. Это является определяющим принципом демократичности управления в России, влияющим на оценки качества жизни социума. Конституция Российской Федерации п.2. ст.3 дает право осуществления власти народа непосредственно или опосредованно через органы государственной власти и органы местного самоуправления [2]. При этом в Конституции РФ нет ограничений по формам выражения непосредственного осуществления народом управления общественным развитием: референдумы (высшее выражение), собрания, сходы и их разновидности, публичные слушания, обращения (устные, письменные), митинги (в установленном порядке) и др. А вот опосредованное осуществление управленческих полномочий, своей власти многонациональным народом РФ происходит через органы государственного и муниципального управления и проявляется при участии в формировании самих этих органов, в контроле за их работой, влиянии на формирование структур органов управления, отчетности в установленных законом формах. Органы государственного, муниципального управления от своего имени, а по сути, от имени субъекта управления – народа РФ, осуществляют контрольно-надзорную деятельность и другие формы управления, установленные федеральными, региональными законами, нормативными актами исполнительных органов власти и органов местного самоуправления.

Таким образом, можно отметить, что "единственный источник власти – народ", используя свои права на непосредственное осуществление власти, во многом вынужден ее осуществлять опосредованно через органы государственной власти и местного самоуправления. При этом все дееспособные граждане России не могут непосредственно участвовать в установлении правил, законов и т.д., необходимых не только для развития общества, но и простого функционирования социума (например, принятия правил движения городского транспорта, или закона о рекламе). Они делегируют свои функции управления различным органам власти: Государственной Думе, городской думе, областному законодательному собранию, Правительству, поселковой думе и т.д. Очень важно отметить, что эти органы формируются путем свободных выборов, еще одного наивысшего выражения субъектом управления своей власти. И качество жизни во многом определяется возможностью свободных выборов органов управления.

В соответствии с Федеральным законом « Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан российской Федерации» выборы определяются как «форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией

Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица» [3]. То есть, можно сказать, что выборы являются главным инструментом демократии, которая выражается в возможности принятии управленческого решения, а оно и будет определять в том числе качество жизни социума, всеми дееспособными гражданами [4]. Однако выборы являются и механизмом прямого или косвенного отстранения от власти большинства членов общества с целью «наделения полномочиями» меньшинства, что противоречит самой сущности демократии как власти народа. Но только с помощью установленной законом процедуры формирования органов власти, то есть выборов, субъект управления «многонациональный народ» в Российской Федерации может осуществлять свои демократические властные полномочия и влиять на качество жизни [3].

Материалы и методы

В работе использованы общенаучные методы изучения проблемы и достижения цели, такие как системный, синергетический, формально-логический, так и специальные методы, такие как сравнительно-правовой и формально-юридический, которые позволили выявить проблематику исследования и предложить пути решения исследуемых проблем.

В обществе большинство воспринимает выборы как возможность лично участвовать, тем самым определять и решать – кому, в каком органе управления работать, представляя данного избирателя [5]. Но, следует подчеркнуть, что явка избирателей (а именно она характеризует стремление участвовать в управлении общественным развитием) в России имеет дифференциацию по избираемому «уровню власти» в иерархии устройства федеративного государства: чем ниже уровень власти формируется (например, муниципальный уровень), тем ниже явка.

В повседневной жизни вопросы местного значения (а их более 40), являются определяющими [6; 7]. И их решают (или обязаны?) органы местного самоуправления [8; 9]. Однако, как показывает практика избирательного процесса в РФ, участие жителей в формировании этих органов значительно ниже, чем при формировании органов государственной власти. Особенно ощутима данная тенденция, если посмотреть на явку при выборах Президента Российской Федерации.

Таблица 1. Явка избирателей на выборы разных уровней власти в городе Тюмени, % [10]

Явка избирателей на выборы в г. Тюмени	2008 г.	2012 г.	2018 г.
Явка на выборах Президента РФ	78	79,1	74,9
Явка на выборах губернатора Тюменской области	нет данных	58,3 (в 2014 г.)	57,3
Явка на выборах депутатов Тюменской городской думы	78 (единственный день выборов)	17,2 (в 2013 г.)	43

В таблице 1 представлена явка избирателей города Тюмени на выборы различных уровней власти за период десять лет. Можно отметить, что активность избирателей на выборах президента Российской Федерации и губернаторских выборах колебалась в пределах не более пяти процентов. В то время как активность граждан города Тюмени на выборах депутатов Тюменской городской думы изменялась в несколько раз и зависела от совмещения выборного процесса с высшими уровнями власти. Анализ представленной таблицы 1 и других открытых источников по явке избирателей избиркомов региона, территориальных, участковых комиссий иллюстрирует достаточно четко тенденцию более низкой явки на муниципальных выборах [11]. Однако интерес со стороны избирателей поднимается при совмещении выборов в местные органы власти с региональными и,

особенно, с «президентскими». Это говорит об имеющемся значительном резерве у местных властей по повышению качества своей, прежде всего муниципальной, работы.

Результаты и обсуждение

Авторами рассмотрены причины столь большой разницы в явке избирателей при выборах в органы местного самоуправления и более «высоких» органов государственного управления. Можно предположить, что низкая явка на муниципальные выборы объясняется невысоким уровнем доверия к органам муниципального управления и местного самоуправления в части решения вопросов, касающихся качества жизни. И это объяснение обосновано тем, что общее состояние местного самоуправления на современном этапе, при наличии большинства его признаков характеризуется все-таки местным управлением, а не самоуправлением. Это положение сложилось не везде, но тенденция к всё большему вмешательству государственной власти в вопросы местного значения, в целом положительная для общества, в настоящее время явно присутствует [12; 13]. Например, прямое финансирование местных объектов, таких как дороги, школы, детсады, ... и др., принося колоссальный положительный эффект для населения, поднимают рейтинги отношения избирателей к органам государственной власти. И одновременно, не желая того, показывают несостоятельность муниципальных властей, что не стимулирует жителей к активности при формировании этих органов управления. Для изменения данного положения местного управления и самоуправления можно было бы на государственном уровне изучить возможность замещения прямого финансирования местных проектов на увеличение бюджетов муниципальных образований через межбюджетные отношения по линии: федерация – регион – муниципалитет.

Низкая активность жителей города Тюмени на выборах местных депутатов не является исключением из правил. Данная тенденция характерна и для других территорий, что отражено на рисунке 1. Например, в Москве выборы в Мосгордуму, а в последние годы и даже мэра Москвы значительно уступают явке на «президентских» выборах и составляют около трети всех членов общества, которые могут принимать участие в делегировании своих полномочий по управлению органам власти местного уровня. То есть, даже опосредованно принимать участие в управлении качеством жизни на местном уровне готовы меньше половины членов социума.

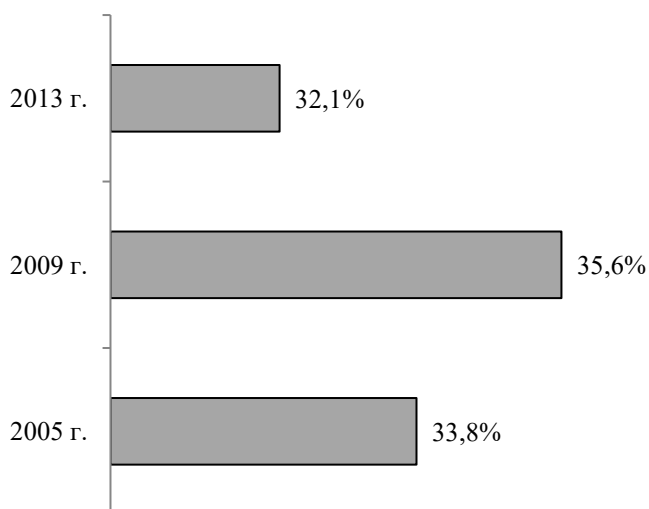

Рисунок 1. Процентное участие избирателей в выборах депутатов Московской городской Думы [14]

Таким образом, можно отметить, что значимость выборов в местные органы власти и в органы самоуправления не является приоритетной для избирателей. Для г. Москвы объяснить данную тенденцию на выборах недостаточными ресурсами или неадекватностью мэра, или депутатов Мосгордумы недопустимо. Очевидно, что именно с работой московских властей, избиратели Москвы, и страны в целом, связывают положительные изменения во многих сферах жизнедеятельности, улучшение качества жизни жителей столицы. Однако положительные изменения, к примеру, в Сочи или Санкт-Петербурге местные избиратели считают большей заслугой федеральных органов власти. При этом местным жителям не важно, какой уровень власти сделает ремонт улиц, вывезет мусор, очистит воду, организует отдых и т.д. [15]. Главное, чтобы эти вопросы, влияющие на качество жизни, были решены. То есть, большая часть членов социума не понимают разграничение полномочий и ответственности между различными органами государственного и местного управления [16].

И всё же ситуация изменяется: на приёмах граждан представителями местных органов власти жители готовы воспринимать местных депутатов, не только как работающих на благо округа, города, но и как коммуникативный механизм, обеспечивающий взаимосвязь местного социума и других, зачастую более высоких органов государственного управления. Здесь очень важна личность депутата местного уровня, способного быть объединительным ядром в продвижении решения вопросов местного значения [17; 18].

Вышеперечисленные причины низких явок на местные (муниципальные) выборы, если они проходят автономно, дополнились и некоторыми новыми тенденциями в практике применения избирательного законодательства Российской Федерации при выдвижении и регистрации кандидатов в представительные органы местного самоуправления (на примере выборов в единый день голосования 9 сентября 2018 года в Тюменскую городскую Думу).

В г. Тюмени в сентябре 2018 г. состоялись выборы депутатов Тюменской городской Думы седьмого созыва. Избрано 36 депутатов по смешанной избирательной системе, 26 депутатов по одномандатным избирательным округам, 10 – по единому избирательному округу. Явка составила 43,02%. Всего было выдвинуто – 144 кандидата по одномандатным округам (более 5 кандидатов на 1 место депутата), 75 – по единому округу (более 7 кандидатов на 1 место). Высокая конкуренция среди кандидатов в депутаты местных органов власти, кажется, должна была свидетельствовать об усилении интереса общества к возможностям управления качеством жизни на местном уровне. Однако на избирательные участки явились менее половины избирателей. Явка в 43,02%, достаточно высокая для выборов в местные органы власти, объясняется проведением в этот день еще и выборов Губернатора Тюменской области. На основе анализа выборного процесса в Тюменскую городскую Думу седьмого созыва были выявлены проблемы, влияющие на желание индивидов в реализации своей возможности участия в управлении общественным развитием через делегирование полномочий при выборах в различные органы власти на местном уровне. Рассмотрим их по стадиям выборного процесса.

В выборах в городскую Думу имели право принять участие, то есть выдвинуть кандидатов 63 политических партии, 58 структурных подразделений политических партий, 427 общественных объединений. Выдвинули кандидатов только шесть региональных отделений, двум из них отказано в регистрации. Также отказано шести кандидатам от партий и тринадцати самовыдвиженцам. Основная причина отказа – это отсутствие достаточного количества действительных подписей избирателей на основании заключений органов миграционной службы. То есть подписи в основном кандидаты не собирают, а переписывают данные избирателей из различных источников, именно поэтому больше половины информации из подписных листов не соответствуют сведениям, имеющимся у Федеральной миграционной службы, и не проходят проверку.

И вот здесь обнажилась основная причина такого положения: избиратели не согласны на распространение своих персональных данных. Они, возможно, поучаствуют в выборах, но заранее передавать свои персональные данные (косвенно и «право выбора» или делегирование этого права), не готовы. В связи с этим возникает закономерное предложение по отмене сбора подписей как основания для регистрации кандидата, что увеличит конкуренцию, и возможно повысит доверие потенциальных избирателей.

После регистрации кандидаты в депутаты местных органов управления могут осуществлять агитацию. Агитационный период начинается с момента выдвижения, то есть кандидат, избирательное объединение открывает специальный избирательный счет и может заказывать изготовление агитационных материалов и распространять их. Однако специальные места для размещения печатных агитационных материалов органы местного самоуправления обязаны выделять не позднее, чем за 30 дней до дня голосования. Целый месяц кандидаты, избирательные объединения не имеют возможности размещать агитационные материалы на законных основаниях. Поэтому поступают жалобы о незаконной агитации от Участковых комиссий, собственников иных объектов. И даже при своевременном выделении мест размещения агитационных материалов обостряется вопрос регулирования объема агитационных материалов в пределах стендов, предложенных органами местного самоуправления: один кандидат заклеивает весь информационный стенд своими агитационными плакатами, другой – клеит сверху свои материалы и т.д., что порождает поток обоснованных жалоб. Главная тема жалоб по размещению агитации: заклеивают, срывают, переклеивают. Анализ обсуждения в правоохранительных органах показывает, что этот аспект не урегулирован. В связи с этим возникает закономерное предложение о необходимости определения специальных мест для размещения агитационных материалов сразу после назначения выборов и четкого распределения размера и количества агитационных материалов, которые один зарегистрированный кандидат может разместить на стендах, выделенных органом местного самоуправления.

Еще одним аспектом выборного процесса, который, как показывает анализ выборов в городскую Думу г. Тюмени уже является не актуальным, можно назвать информирование избирателей в виде приглашений поучаствовать в выборах, приглашений на сверку списков, выполненных в печатной форме: листовки, открытки и т.д. Данные информационные материалы распространяются, как правило, посредством размещения в общественной зоне жилых домов (подъездах), объектов розничной торговли и осуществляют свою функцию очень короткое время – не более двух часов, а потом выбрасываются. То есть деньги на изготовление печатных приглашений тратятся неэффективно. Эти сведения, возможно, разместить в электронных средствах массовой информации, посредством сети Интернет.

Одновременно, в сети Интернет, на сайте избирательной комиссии можно разместить и информацию, подлежащую опубликованию в соответствии с 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и с Избирательным кодексом Тюменской области [3; 10]. В настоящее время информация, подлежащая обязательному к опубликованию, размещается в периодических печатных изданиях избирательными комиссиями бесплатно. Материалы, поступающие от избирательных комиссий очень объемны: это сведения об общей сумме средств, поступивших в избирательный фонд кандидата и об общей сумме средств, израсходованных из соответствующего фонда (публикуются каждые две недели) и данные первого и итогового финансовых отчетов. А размещение этих материалов должно осуществляться в строго установленный федеральным законодательством срок (пять дней с момента поступления отчетов в избирательную комиссию) [3].

На регистрацию к выборам в городскую Думу г. Тюмени было представлено кандидатами и избирательными объединениями 140 первых финансовых отчетов, которые направлялись в газету «Тюменский курьер» строго в соответствии с законом в пятидневный

срок, «непрерывным потоком». При столь колоссальном объеме размещения несколько отчетов было нулевых, и их тоже необходимо было отправлять для опубликования. В течение 30 дней после опубликования общих итогов выборов в комиссию представляются итоговые финансовые отчеты. Пятидневный срок для направления в средства массовой информации также нужно соблюдать. И газета, в анализируемом примере «Тюменский курьер», должна их публиковать в течение пяти дней со дня получения. Не размещать информацию, подлежащую обязательному опубликованию в соответствии с законодательством, нельзя, но можно было бы увеличить сроки размещения информации до двух недель (в соответствии с движением средств, поступивших в избирательные фонды кандидатов). Для оценки кандидатов, их возможных руководящих способностей и делегирования своих полномочий по управлению с целью повышения качества жизни избирателям важнее видеть динамику средств на счете, желательно на официальном сайте комиссии в Интернете.

Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" перечисляет четыре способа доведения информации до сведения избирателей: размещение в средствах массовой информации, в периодических печатных изданиях, на официальном сайте избирательной комиссии в Интернете и иным способом (например, на информационных стендах).[3] Все способы доведения информации важны, но на первый план выходят те, которые наиболее востребованы местными избирателями в настоящее время. Если ограничено использование по тем или иным причинам одного способа информирования, его можно заменить другим. На основе анализа выборов в Тюменскую городскую Думу основным способом информирования избирателей потенциально можно было бы назвать размещение информации на официальном сайте избирательной комиссии в сети Интернет (значительное увеличение поисковых запросов в предвыборный период и во время выборов), но, к сожалению, как и раньше, основная информация размещалась в периодических печатных изданиях, в газете «Тюменский курьер» и др.

Выводы

Анализ, проведенный на примере выборов в Тюменскую городскую Думу в 2018 году, показывает, что явка избирателей является достаточно низкой. Менее половины дееспособных членов социума готовы участвовать в решении вопросов повышения качества жизни, делегируя свои функции по управлению общественным развитием на свободных выборах в местные органы самоуправления. При этом необходимо отметить, что современное законодательство позволяет эффективно формировать органы муниципального управления и местного самоуправления, которые и решают вопросы повышения качества жизни местного социума. Однако, рассматривая итоги выборов в г. Тюмени можно отметить необходимость постоянного совершенствования отдельных положений федеральных, региональных законов, нормативных актов исполнительных органов, органов местного самоуправления для большего вовлечения избирателей в выборный процесс именно на уровне формирования органов местного самоуправления. Так как именно от их полномочий, их работы по управлению развитием социума и будет зависеть напрямую качество жизни избирателей. Как детерминируется само понятие «качество жизни», так и законодательная база свободных демократических выборов должна способствовать повышению качества жизни избирателей через более эффективные процедуры их привлечения и делегирования управленческих полномочий при формировании органов местного самоуправления. Проблемы повышения качества жизни должны решаться самими жителями при непосредственном участии, помощи со стороны органов местного самоуправления, постоянном контроле над выполнением делегированными полномочиями управления общественным развитием гражданами.

Библиографический список

- [1] Михальска–Жила А., Столбов В.П. Взаимосвязь качества жизни и ресурсов социального капитала (по результатам межстранового сравнительного исследования) // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 71–80.
- [2] Конституция Российской Федерации. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/ (дата обращения: 12.01. 2019.)
- [3] Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67–ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 14.01. 2019.)
- [4] Иуков Е.А. Антиглобализм // Политические институты и процессы. – 2016.– № 3. – С. 5–12.
- [5] Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? // Palgrave Communications. – 2018. – Vol. 4. – Article number: 75. doi: 10.1057/s41599–018–0137–1
- [6] Khairullina N.G., Ustinova O.V., Sadykova H.N., Tretyakova O.V., Bogdanova J.Z. Social protection of the poverty: Problems and solutions // International Journal of Economics and Financial Issues – Vol.6 № 2 –2016 – pp.110–116
- [7] Kostko N., Rudenko D., Popkova A. Quality of life mapping for better social planning in Tyumen city, Russia // International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM – 2015 – Vol. 2, No 2. –P. 1063–1070
- [8] Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06 октября 2003 № 131–ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 14.01. 2019.)
- [9] Белоножко М.Л., Силин А.Н., Барбаков О.М., Гюрджинян А.С. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 112–117.
- [10] Избирательный Кодекс РФ, материалы ЦИК РФ, Избирательной комиссии г. Тюмени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 18.01. 2019.)
- [11] Петрова Е.В. Вариативность избрания органов местного самоуправления в сибирских регионах // Вопросы государственного и муниципального управления – 2016. – № 2. – С.3–48
- [12] Pogodaeva T.V., Zhararova D.V., Rudenko D.Y., Skripnuk D.F. Innovations and socio–economic development: Problems of the natural resources intensive Use regions // Mediterranean Journal of Social Sciences – 2015 – Vol. 6, No 1 – P. 129–135.
- [13] Rudenko D.Y., Pogodaeva T.V., Didenko N.I. Poverty alleviation strategies in the russian arctic zone regions // Mediterranean Journal of Social Sciences – 2015 – Vol.6, No 1. – P. 32–39.
- [14] Участие избирателей в выборах депутатов Московской городской Думы. ЦИК РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 18.01. 2019.)
- [15] Akberdina V.V., Tretyakova O.V., Vlasov A.I. A methodological approach to forecasting spatial distribution of workplaces in an industrial metropolis // Problems and Perspectives in Management – 2017– Vol. 4, No 15. – P. 50–61

- [16] Леваишов В. К. Политическая культура современного российского общества: социологические измерения и практики // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 50–60.
- [17] Белоножко М.Л., Попкова А.А., Шестаков С.А. Кадровый потенциал и кадровая политика органов местного самоуправления – Тюмень: ТюмГНГУ, 2017. – 92с.
- [18] Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Местное самоуправление как объект анализа отечественной социологии последней трети XX – начала XXI вв.// Социологические исследования – 2018 – № 12 – С.73–83

References

- [1] Mikhalska–Zhila, A., & Stolbov, V.P. (2018). The relationship between the quality of life and social capital resources (based on a cross–country comparative study). *Sociological Research*, 7, 71–80.
- [2] Constitution of the Russian Federation. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/
- [3] Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation" of 12.06.2002 N 67–FZ. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
- [4] Iukov, E.A. (2016). Antiglobalism. *Political Institutions and Processes*, 3, 5–12.
- [5] Ross, C. (2018). Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? *Palgrave Communications*, 4, Article number: 75. doi: 10.1057/s41599–018–0137–1
- [6] Khairullina, N.G., Ustinova, O.V., Sadykova, H.N., Tretyakova, O.V., & Bogdanova, J.Z. (2016). Social protection of the poverty: Problems and solutions. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6(2), 110–116.
- [7] Kostko, N., Rudenko, D., & Popkova, A. (2015). Quality of life mapping for better social planning in Tyumen city, Russia. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*, 2(2), 1063–1070.
- [8] Federal Law "On the General Principles of the Organization of Local Self–Government in the Russian Federation" of October 6, 2003 No. 131–FZ. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/.
- [9] Belonozhko, M.L., Silin, A.N., Barbakov, O.M., & Gyurdjinyan, A.S. (2018). Social problems in self–assessments of the population of the Arctic zone of Russia. *Sociological Studies*, 4, 112–117.
- [10] Election Code of the Russian Federation, materials of the CEC of the Russian Federation, the Election Commission of Tyumen. Retrieved from <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
- [11] Petrova, E.W. (2016). Variability of the election of local governments in Siberian regions. *State and Municipal Administration Issues*, 2, 3–48.
- [12] Pogodaeva, T.V., Zhaparova, D.V., Rudenko, D.Y., & Skripnuk, D.F. (2015). Innovations and socio–economic development: Problems of the natural resources intensive Use regions. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(1), 129–135.
- [13] Rudenko, D.Y., Pogodaeva, T.V., & Didenko, N.I. (2015). Poverty alleviation strategies in the russian arctic zone regions. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(1), 32–39.
- [14] Participation of voters in the elections of deputies of the Moscow City Duma. CEC RF. Retrieved from <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.
- [15] Akberdina, V.V., Tretyakova, O.V., & Vlasov, A.I. (2017). A methodological approach to forecasting spatial distribution of workplaces in an industrial metropolis. *Problems and Perspectives in Management*, 4(15), 50–61.

- [16] Levashov, V.K. (2018). Political culture of modern Russian society: sociological dimensions and practices. *Sociological Studies*, 7, 50–60.
- [17] Belonozhko, M.L., Popkova, A.A., & Shestakov, S.A. (2017). *Human Resources and Personnel Policy of Local Governments*. Tyumen: TSOGU.
- [18] Maykova, E.Yu., & Simonova, E.V. (2018). Local government as an object of analysis of national sociology of the last third of the XX – beginning of the XXI centuries. *Sociological Studies*, 12, 73–83.

Получена / Submitted: 13/03/2019

Доработана / Revised: 24/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2019

УДК:572 (075.8)

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС СОЦИОЛОГИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРЫ

Марина Николаевна Просекова¹

¹*Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Исследования в области социологии духовной жизни и культуры отображают актуальное состояние социальных трансформаций в мире, окрашенных условиями постмодернизма. Социальные трансформации, жизнь на пересечении традиций и инноваций ставят перед социальной теорией новые задачи. Постмодернизм – состояние европейского общества и социальной теории, которое постепенно экстраполировалось на теоретические концепции других регионов мира. В условиях кризиса оказывает формирующее влияние на социологические исследования, но по-прежнему учитываются взаимодействия и отношения между элементами структуры общества и его целым, населения, общественных и политических институций, теории и практики социального действия. В социологии эпохи постмодерна важны факты фотографической точности, научное отображение происходящих в обществе процессов, не искажаемое ни субъективными оценками, ни политической или общественной ангажированностью. Конкретное социологическое исследование констатирует факт наличия социального явления, события, факта или процесса, выявляет сущность, определяет вектор направленности, фиксирует различные параметры, производит их измерения, не стремясь высказать суждения оценочного характера, рассуждает, по модулю. Социальная ситуация выдвигает на ведущую позицию функции эффективного способа воздействия на процессы социальных трансформаций, способного усилить традиционные и апробированные методы в управлении обществом, гибко реагируя на несистематизированные, нециклические, даже единичные события. Происходит корректировка функций, объекта, предмета, целей, задач, методов конкретных социологических исследований в условиях постмодернизма, их движение в сторону максимально гибкого, значительно более дескриптивно-констатирующего, моделирующего, прогностического инструментария, выработка средств социального воздействия. Социальные преобразования, управление обществом, методы воздействия на социально-политические социально-культурные и духовные процессы объективно обретают постмодернистские характеристики.

Ключевые слова: социология управления, политические процессы и институты, постмодернизм, философско-аналитический дискурс.

Postmodernists Discussion of Sociology of Spiritual Life and Culture

Marina N. Prosekova¹

¹*Department of Humanities and Technology, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. Research in Sociology of spiritual life and culture reflect the current state of social transformations in the world painted terms of postmodernism. Social transformation, life at the intersection of tradition and innovation presents social theory of new tasks. Postmodernism is the State of society and social theory, which is gradually extrapolated the theoretical concepts in other regions of the world. In times of crisis has shape-generating impact on the investigations, but it still takes into account the interactions and relationships between elements of the structure of society and its whole population, social and political institutions, theory and the practice of social action. In the sociology of post-modern important facts photographic accuracy, scientific society display processes, nor subjective assessments, nor political or social bias. A case study by noted the existence of a social phenomenon, event, or process that identifies an entity that defines a vector thrust, fixes various parameters produces their measurement, without seeking to make judgments of the assessment of the nature, reasons, modulo. Social situation brings to the position an efficient way to affect social transformations, capable to strengthen traditional and proven techniques in the management of the company, responding to the free, not system, even isolated events. Adjusting functions, object, subject, goals, objectives, specific methods of sociological researches in the context of postmodernism, their

movement toward flexible, much more descriptive restructurable ascertain that models, predictive tools, the elaboration of social impact. Social transformation, management, methods, impact on the socio-political, socio-cultural and spiritual processes objectively find postmodernist characteristics.

Keywords. sociology of management, political processes and institutions, postmodernism, philosophical and analytical discourse.

Введение

Процессы социальных и культурных изменений в России и в мире вошли в новую стадию, характерную для постмодернизма. Перед социальной теорией стоят задачи отражения их сущности, содержания, формы, тенденций, выявления доминирующих и перспективных направлений, формирования рекомендаций по воздействию на социальные трансформации, выработки рекомендаций по профилактике угрожающих состояний общества, обеспечению теоретического сопровождения процессов изменений в духовной жизни и культуре. Постмодернизм повлиял на социальные процессы, а социальные исследования прослеживают и отражают результаты данного влияния.

Концепт постмодернизма теоретически наполняется философами, социологами культуры, среди них известнейшие Р. Барт, М. Бланшо, Ж. Бодрийар, Ф. Гваттари, Р. Вентури, Ж. Делёз, Ч. Дженкс, Ж. Деррида, Ж. Лиотар, Р. Рорти, М. Фуко [1; 2].

Постмодернизм и социология в условиях кризиса, его влияние на социологические исследования, роль теоретизирования постмодернизма в социологии, тактики и стратегии, исторические горизонты теоретической социологии, взаимное влияние постмодернизма и социологии, опасности, форматы, возможности; институты управления регионами в ракурсе социологии постмодернизма, концептуальные основы постмодернистского дискурса (мир как текст, мир как рассказ) изучены в работах отечественных исследователей: Аброськина М.В., Бобкова Н.Г., Григорьев С.И., Фомин А.А., Чудова И.А. [3; 4]

Постмодернистский поворот в социальной теории, модернистский аспект, методологический плюрализм как принцип постиндустриального общества, Социокультурные проекты современности: модерн и постмодерн, интеллектуальный и социальный капитал социолога-исследователя в конкретных социологических исследованиях анализируются Бажуковым В.И., Васечко А.А., Золкиным А.Л., Назаренко С.В., Орловой Э. А., Павловым А.В., Померанц Г.С.

В наличной социологии – соответствующей духу постмодерна, – как и прежде, в социологии классической и современной, важно воспроизведение свойств, характеристик, структур, взаимодействий с другими социальными феноменами. Эти требования, их выполнение в приоритете обеспечивали соответствие производимых конкретных и общетеоретических исследований принципам научности, выработанных в социологии.

На данном конкретном этапе социологических изысканий важны конкретные социологические исследования, поставляющие в первую очередь не искаженные, не приукрашенные, не конъюнктурные, «причесанные» под ту или иную теорию, а объективные факты фотографической точности. Социологический факт более, чем раньше, призван осуществлять научное, бесстрастное, внеэмоциональное отображение реальных происходящих в обществе процессов, не искажаемое ни субъективными оценками, ни политической или общественной ангажированностью. Тренд социологии постмодернистском дискурсе, скажем так, не «разбрасывать камни», а собирать их, группируя, классифицируя, анализируя нарождающиеся социальные процессы, выявляя закономерности и малейшие нетвердые – но тенденции в социальных трансформаций.

Конкретное социологическое исследование выполняет функцию такого «снимка», а именно 1) констатирует факт наличия социального феномена (на уровне экзистенциальном, (явления, события, факта, процесса), 2) выявляет в нем сущность, (эссенцию), исследует его смысловые экзистенциалы, 3) фиксирует различные параметры, производит их измерения, 4)

определяет вектор направленности дальнейшего движения на перспективу, не стремясь высказать суждения оценочного характера.

Социальная ситуация, реальные общественные процессы, жизнь общества и динамика духовной культуры, в последующем выдвигают на ведущую позицию функции социологической теории – эффективного способа воздействия на процессы социальных трансформаций. Если строгая научность социологических фактов и корректное обращение к ним порождает адекватные теоретические построения, разработку логически выверенных гипотез и их проверку, апробирование, корректировку, отбраковывание слабых положений – такое развитие социологического познания способно усилить традиционные и апробированные методы в управлении обществом, поскольку обеспечивают гибкое реагирование на несистематизированные, нециклические, нерядовые, кажущиеся случайными события.

В условиях постмодернизма, под его влиянием, происходит дальнейшая корректировка функций, объекта, предмета, целей, задач, методов конкретных социологических исследований, их движение в сторону максимального, гибкого, значительно более дескриптивно-констатирующего, моделирующего, прогностического инструментария, выработка средств социального воздействия. Именно в этом современные нам социальные преобразования, сопровождающие своеобразие актуальной практики изучения наличной духовной жизни и культуры, соответствующим процессам управления обществом, методы воздействия на социально-политические социально-культурные и духовные процессы объективно обретают характеристики, развиваются «здесь и сейчас».

Материалы и методы

Компаративный (сравнительный) метод разворачивает рассмотрение законов взаимосвязи, культурного обмена, взаимоотношений между различными аспектами и субъектами общества современной нам постмодернистской эпохи.

В постмодернистской социологической практике крайне актуально стоит проблема – произвести выбор, предпочесть необходимый и достаточный вариант, по возможности максимально оптимальный. Выбор способов исследования или выбор числа характеристик объекта исследования, учитывающий существенные и случайные, но имманентные имплицитные характеристики исследуемых объектов, процессов, структур, их взаимодействий и тому подобное, при этом все эти аспекты сопоставляются по обоснованным критериям, одновременно по задаваемым исследователем и определяемым социологической теорией. На их стыке появляется, с одной стороны, возможность вариативности и тщательного отображения (фиксации, «слепок», «срезы») многогранного социального организма, процессов и институтов, накопление социологических фактов, с другой стороны, обобщения, классификации, систематизации научных фактов и таким образом дальнейшее продвижение современной социологической научной теории.

Компаративный метод сопоставляет отдельные единичные события политического, духовного, социального, экономического характера и стремится обнаружить в них и различие и сходство.

Научные методы сравнения революционны – применяемые в постмодернистском дискурсе социологического анализа, могут повлечь за собой пересмотр сложившихся в социологии духовной жизни и культуры взглядов, оценок по поводу некоторых фактов и феноменов. Делая упор на изменчивость, а не повторяемость ситуаций, методики несколько отходят от имманентной социологии научных статистических операций. Сравнение стимулирует стремление реализовать глубинное познание социальных объектов, исследовать детали и подробности; переход на более углубленный, отражающий сложную и противоречивую, часто – в постмодернистских условиях – парадоксальную истину.

Комплекс мероприятий компаративного исследования включает взаимосвязанные процедуры, регламенты и условия. Сравнение осуществляется на нескольких разных уровнях, скажем, в разных регионах, на нескольких предприятиях, нескольких социальных сферах. Изучается не только прогрессивный и успешный опыт, но и не успешный, провальный, не дающий ожидаемого эффекта. Допустимы рассуждения по аналогии с уже имеющимся массивом социологических данных, но сверяясь с магистральными принципами социологических исследований. Применение системности, классификации. Сравнение предполагает конкретные критерии – признаки исследуемых объектов и феноменов, ориентация на практическое применение теоретических положений и выводов.

Сильным аспектом компаративного метода нужно считать максимальное полное отображение реальной картины, фотографическое отображение исследованного объекта; стремление добиться статистической обоснованности; дискутируемая тема – возможность внесения корректировок в ходе исследования постмодернизмом принимается.

Слабая сторона сравнительных методов заключается в том, что происходит быстрое устаревание данных социологического исследования, что объективно детерминируется имплицитным (привнесенным, внешним, но существенным) динамичным состоянием общественных трансформаций, а не слабостью самого метода. Социологические объекты никогда не являются стабильными, всегда есть соблазн или необходимость добавить какие-либо точные данные для анализа, что делает его громоздким и бесконечным.

Диалектические принципы прослеживают взаимодействия, взаимосвязи и отношения между элементами структуры общества и его целым, населения, общественных и политических институций, теории и практики социального действия.

Результаты и обсуждение

Гуманитарные процессы, сопровождающие современные социальные изменения, приводят к тому, что роль социально-культурных исследований среди методов социального управления и управления духовной жизнью и культурой вновь изменяется.

Теперь социология не просто констатирует состояние изучаемого предмета, но и 1) отражает самые свежие, актуальные социальные изменения, их динамизм и текучесть, преходящий характер; 2) вырабатывает средства регулирования этих наличных (сложившихся реально) социальных отношений, в части ликвидации конфликтов и противостояния, снижения напряженности, организации сотрудничества различных социальных и этнических групп и слоев населения; 3) выступает в качестве эффективного метода воздействия в сфере социального управления, способного изменить и по-новому обосновать существующие регламентирующие (законодательные акты, регулирующие (нормотворчество), запретительные (юридические) и социальные способы управления; 4) выступает средством профилактики, противодействия, исправления негативных результатов, закрепления желаемых эффектов, формирования идеала на будущее и программ его достижения, то есть эффективной, но мягкой силой.

Социология управления, исследование духовной жизни и культуры способны эффективно поддержать, заменить «строгие» меры со стороны общества по отношению к крайне негативным вызовам современности, таким как террористические угрозы, этнический и религиозный экстремизм, этноцентризм и культурная изоляция, находят ответы вызовам и угрозам современности.

Постмодернизм – состояние европейского общества и социальной теории, которое постепенно экстраполировалось на другие теоретические концепции и другие территории мира. Анализ разработанных научных концепций по проблеме показывает, что постмодернизм расценивается и демаркируется в науке прежде всего, как *«тенденции, проявившиеся в культурной практике и самосознании Запада... Речь идет о пересмотре кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, связанных с прогрессом как*

идеалом и схемой истории, ...либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ. ... Велика роль описательного плана, то есть характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. ... Признаются только описания» [4].

Становятся предпочтительнее и более важны факты фотографической точности, научное отображение происходящих в обществе процессов, не искажаемое ни субъективными оценками, ни политической или общественной ангажированностью, ни конъюнктурой, объективное отображение общества в его полноте, как говорится, со всеми недостатками и достижениями, в первую очередь это важно для трактуемой постмодернистски современной социологии духовной жизни и культуры. Социология на данном этапе концентрируется на функциях дескриптивных, описательных, обновляет массив социологических фактов и данных социума как объекта.

Описательная, дескриптивная, измерительная функция исследований в области социологии духовной жизни и культуры, понимаемая как обновленное требование научности, дает отражение реального состояния социума таким, какое оно есть на самом деле; нужна «калька», не искривленная конъюнктурными соображениями и «подгонометрическими» ухищрениями.

Социология, вслед за состоянием общества, которое она отражает, моделирует и развивает, обретает постмодернистские черты. *«Постмодернистскому состоянию общества свойственны открытость, отсутствие жестких иерархий и центров, оппозиции пар (высокое – низкое, внутреннее – внешнее, Восток – Запад). Постмодернизм избегает моделей всеобщего, меняет субъекта познания и всю познавательную парадигму» [5].* Постмодернизм в своем стремлении избежать моделей всеобщего тяготеет к анализам единичного и выведению индивидуальных качественно-количественных особенностей социального бытия. И это ни плохо, ни хорошо, это – факт бытия, констатация факта, обозначившийся тренд развития. В этом направлении, на наш взгляд, будет продвигаться развитие социологических исследований. Двадцатилетняя история начала 21 века подтверждает обозначенную тенденцию.

Понятие постмодернизма вводят европейские исследователи Ч.Дженкс, Р.Вентури, далее – оно теоретически наполняется социологами культуры, философами, среди них проработку концепта осуществил Р. Барт [6], М. Бланшо применил постмодернистский анализ к описанию общества, при этом констатировал, что постмодернизм делает общество «неописуемым» [7]; Ж. Бодрийар [8] разработал социологию радикального потребления, сущность постмодернистского состояния социума; осмысление капитализма в дискурсе постмодернизма реализовали соавторы Ф. Гваттари и Ж. Делёз [9], теория языковой деконструкции общества произведена Ж.Деррида [10], анализ состояния произвел постмодерн Ж. Лиотар [11], исследование тонкостей буржуазного постмодернистского либерализма принадлежит Р. Рорти [12], власть как субъект социальных исследований обосновывается М. Фуко [13].

Главная тенденция состоит в том, что *«Культура постмодернизма освобождает европейцев от европоцентризма, но одновременно освобождает и от всякого центра, от всякого фокуса, в котором собирается множественность мира. Это расшатанное состояние духа Запада получает новый смысл в афро-азиатских культурах. Для интеллектуалов «третьего мира» очередная деконструкция вчерашних кумиров становится теоретической деконструкцией западной цивилизации в целом. Возникает соблазн утверждения своей, антизападной культууроцентричности, своей национальной и конфессиональной спеси. Преодоление постмодернизма требует нового духа» [4].* Преодоление, понимаемое не в смысле метафизического отрицания, тотального свержения, стопроцентной ликвидации, но исключительно – в смысле дальнейшего продвижения

вперед, реально происходящая трансформация социума, преодоление как продолжение и переход к новому.

В период постмодернизма и Европейский Союз уже сам не считает себя «впереди планеты всей», и Соединенные Штаты Америки – флагман западного капитализма, западного образа жизни и культуры, материальных, социальных и духовных ценностей, утрачивает безоговорочную комфортабельную привлекательность, обнаруживает негативные черты, и не-западные страны, «устали стремиться», разглядели и тех, и других, и себя, переосмысливают (еще раз, в который уже раз) собственную культуру, политику, духовные ценности. Отсюда и корректировка функций, объекта, предмета, целей, задач, методов конкретных социологических исследований в условиях постмодернизма, их движение в сторону максимально гибкого, значительно более дескриптивно-констатирующего, моделирующего, прогностического инструментария, выработка средств социального воздействия.

Ситуация социальных трансформаций не может и не должна демаркироваться при помощи суждений оценочного характера, как «плохо», или «хорошо», а состояние социальной жизни или социальной теории как «лучше» или «хуже», «выше» или «ниже»: указанное различие просто есть, оно объективно существует, it is just exist. Конкретное социологическое исследование констатирует факт его наличия, выявляет сущность, определяет вектор направленности, фиксирует различные параметры, производит их измерения, фиксируя результаты. В этом состоит объективный и непредвзятый характер, обеспечивающий научность результатов.

В нашей стране понимание социологии обновляется, теперь речь идет о ее переходе в разряд науки дескриптивной, моделирующей и прогнозной, идущей по цепочке «фиксация, констатация, измерение, модель, прогноз, выработка способов управления, корректировка целей, работа над ошибками». Указанная трансформация происходит безотносительно внутриполитических требований или внешнеполитических событий: нуждаются в непрерывной демаркации и обновляющейся диагностике факторы, обуславливающие развитие современного общества, а, следовательно, и отражение ведущих тенденций и процессов развития, среди которых «политические, социально-экономические, мировоззренческие, научные» [14].

Иными словами, социология должна быть *написана*. Поскольку существуют, возникают, взаимодействуют, развиваются или исчезают разнообразные социальные явления, группы, процессы, события, факты, социальные феномены – они должны быть изучены, зафиксированы. Социология – это накопление фактического материала и его обобщение, прежде всего, отображение наличного, реального состояния общества.

Выстроим иерархию социальных отношений более подробно. В основании традиционно демаркируем *экономические* (производственные, торговые, распределительные, обменные, потребительские), порождение первых – *социальные* (демографические, межгрупповые, межпоколенческие, международные, межнациональные, межэтнические), затем *духовные* (культурные, антропологические, исторические, религиозные, образовательные, обучающие, воспитательные, педагогические), и *политические* (организационные, управленческие, регламентирующие, регулирующие, законодательные, правоохранительные) факторы и отношения. Каждая из этих сфер «по горизонтали» представляет собой уровень отношений, ситуаций, пропозиций, взаимодействий и так далее, каждый из этих уровней, в свою очередь, – часто сложная система взаимодействующих элементов и структур [15].

Постмодернистские особенности позднейших социальных трансформаций воздействуют на изменение самой дефиниции, и выступают как содержательный аспект социальной жизни, ее качественно-количественные демаркации, измерения, определяя специфику культурных феноменов, «образцы» человеческих отношений: традиционность/инновационность технологий, активную/нейтрально-равнодушную/пассивную психологию социального

взаимодействия, характерную для определенных социальных групп и слоев, эволюционные/революционные общественные умонастроения, уровень удовлетворенности/неудовлетворенности социальными преобразованиями, критичность/адаптивность/некритичность отношения к процессам и сути социальной/общественной/государственной политики, пределы социально приемлемого/неприемлемого, границы социального терпения.

Разработанная европейская «тотализирующая модель» социального устройства и коммуникаций, по выражению европейских разработчиков концепции постмодернизма, предполагает единство, общеобязательность принятых моделей для всех слоев общества, групп и этносов, полагает формирование некоего «всеобщего», некой единообразной модели, черты и измерение параметров которой получены путем генерализации, обобщения наблюдений за явлениями социальной жизни и духовной культуры социума. В качестве методологии формирования такой тоталитаризирующей модели предложены соответственные ей процессы, описанные в теории и политике «аккультурации», «конвергенции» этносов, религий, культуры. «Европеизация» с ориентацией на страны Западной Европы, «американизация» с ориентацией на США, игнорируя латиноамериканские страны, «вестернизация» с ориентацией на гедонистский и потребительский совокупный Запад. В последние годы появился «ориентализм» – теоретическое обоснование моды на все восточное, с ориентацией на Восток (включая Китай, Индию, Японию), и Азию. Ориентализм пришел к нам с Запада, это по происхождению – западная теория, построенная исходя из западных взглядов и геополитических интересов [16].

С другой стороны, постмодернистские подходы развивают противоположные концепции – «поликультурализм», «мультикультурализм», «этноцентризм» и даже недавно проявившийся «этно-эгоцентризм» и «изоляциялизм». Проявление этих концепций в реальном социуме многообразно и довольно трудно поддается классификации, обобщению, скорее (на данном этапе социальных процессов) подлежит констатации фактов, дескрипции и анализу. Это иллюстрируется показательным примером из естественнонаучной сферы, взятой из теории сопротивления материалов, где утверждается, что если стальной прут согнули пополам (в случае социальных трансформаций – «перегнули» с инновациями и сломом прежнего, традиционного), то для того, чтобы выправить его до прежнего состояния, нужно такую же или превосходящую силу применить в той же точке, но в обратном направлении; при этом места изгибов, некоторую остаточную кривизну, скрыть будет невозможно. Применительно к социологии управления – искривления, полученные или нанесенные в результате поспешной и немотивированной социальной модернизации и инноватики, должны быть и будут выправлены, по возможности результативно, но не абсолютно. Либо под воздействием социологии управления, либо самой общественной жизнью и деятельностью.

Указанные выше, противоположно направленные, теории – тотализирующая и индивидуализирующая – представляют собой спектр позиций, коридор меры, диапазон возможностей межкультурного обмена и взаимодействия, развиваемых в современной Азии, Америке, Африке, Европе, России, в мире в целом. Они противоположны, по субъекту, объекту, методам, результатам, идеалам, но в реальной практике социальных трансформаций не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Европейские теории духовной жизни и культуры «рассматривают актуальные явления и процессы и дают собственный критический диагноз состояния обществ, ... предлагают ориентиры проекта социально-политического устройства» [17]. Однако социальная теория в современном состоянии характеризуется отсутствием всеобщего, признаваемого проекта социально-политического устройства, это невозможно и на данном этапе социальных

трансформаций довольно нецелесообразно, хотя и затрудняет управление и научное «сопровождение» социальной жизни.

Социальная ситуация и вслед за ней развитие теоретических позиций во всем мире драматично актуальна. От них, от взаимодействия теории и практики, зависят конкретные программы социальных преобразований, проекты социального управления, облик будущего общества. Актуальную и противоречивую архитектуру социума определяют социобиологические и этнологические основания, от них же зависят дальнейшая стратификация общества, социальная организация, трансформирующаяся структура, междисциплинарные обмены.

Постмодернизм подчеркивает безличностный характер субъекта. Характер наличных межнациональных взаимоотношений конкретизируется в диапазоне «агрессивность-толерантность», «эгоизм-коллективизм», «изоляция-открытость», «традиционность-инновационность», «обучение-обучаемость», «активность-пассивность» взаимодействий. Здесь постепенно закладываются обновленные черты культурных феноменов, происходит функционирование систем социального взаимодействия.

Возникает феномен, который исследователи определяют, как *«мультикаузальная (многофакторная) модель социальной системы»*, основой для которой являются *разнообразные, часто противоречивые, коммуникативные процессы, нормы, правила, роли»* [18]. Это представляет трудности для социологической теории, но это – фактическая характеристика, отражающая бытие социума.

Культура носит формообразующий характер для социума и в онтогенезе, и в наличной, актуальной («современной») истории, определяет специфику устройства, структурные элементы, экономику домохозяйства, политическую культуру, взаимодействие семьи, социальных учреждений, государства, общества, типы межкультурных взаимодействий, межэтнических, межконфессиональных, межрелигиозных отношений, культурные обмены, влияния, межкультурное взаимодействие [19].

Выявленная тенденция не является чисто отечественным трендом, а продолжает доминирующую традицию западного стиля мышления, повернувшего вектор научных исследований на внутреннее достояние личности, современная социология рассматривает антропологию как «лучший способ узнать самого себя», соответственно, социально-культурная антропология укрепляется на позиции способа «узнать самое общество» в современном его состоянии, произвести точные его «замеры».

В реальной практике социального управления, равно как и в конкретнаучных социологических исследованиях духовной жизни и культуры необходимо приобрести привычку поиска точного контекста, исследование событий в экономическом, социальном, духовном, политическом аспекте, прослеживании взаимного их влияния, с учетом истории, культуры, религии, этнических, демографических характеристик социальных групп и слоев – объекта изучения, иными словами объективно-истинных характеристик социума. Роль современной социологии эссенциально характеризуется тем, что «...общество рассчитывает на социологию, социология – на общество» [20].

Выводы

Социологические вопросы управления обществом приведут непосредственно к эмпирическим исследованиям фактов и институтов социологией духовной жизни и культуры, к отысканию части ответов на вопросы о недавнем прошлом, настоящем существовании социума и ближайшем будущем развитии общества, подлежащем научной реконструкции, связывая их в единую цепь исследований.

В итоге в социологии – соответствующей дискурсивному анализу постмодернизма, – не утихают потребности выверенных научных исследований, но и важно воспроизведение характеристик, взаимодействий исследуемого с другими социальными феноменами до

достижения рельефного слежка действительного процесса преобразований духовной жизни и культуры. Реализация этих целей и требований научности в приоритете обеспечат и в дальнейшем продвижение социологической теории и практики.

В приоритете – на данном этапе социологических изысканий, входящих в ситуацию непрерывных, зачастую недостаточно системных, упорядоченных, а зачастую и хаотичных преобразований, запрашиваются завершённые социологические исследования, формулирующие объективные факты, назовем их фактами «фотографической точности». Именно на базе переосмысления социологического факта, обновления и корректировки работы с ним, погружения его в поле постмодернистского дискурса и обсуждения, возможно дальнейшее адекватное отображение реальных происходящих в обществе процессов. Тренд социологии на постмодернистском дискурсе, не дублировать научные факты, множить их количество, а собирать и классифицировать, вычленять зарождающиеся социальные процессы, выявляя статистические повторяемости, закономерности, повторяющиеся тенденции в изменениях социальных трансформаций.

Если прежде говорили об «установлении нового мирового порядка», то теперь правомочно утверждать, что социология духовной жизни и культуры призвана отображать новый мировой *беспорядок*. Следуя форматам и вызовам эпохи постмодернизма, социология и социальная теория открывает человечеству «самое себя», поэтому профессионалы-социологи призваны предпринять необходимые шаги для реализации новых подходов.

Для современного понимания важно осознание того, что народы мира живут собственной жизнью, собственными реалиями, и проследить, как это оказывает влияние на мировоззрение, функционирование и структуру общества.

Библиографический список

- [1] Соколова А.Ю. Самоопределение как основное средство обеспечения эффективности учебной деятельности на уроке иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 4. – С.20–23.
- [2] Черниговская Т.В., Шелепин Е.Ю., Заширинская О.В., Николаева Е.И., Алексеева С.В., Доброго А.С., Жукова О.В., Петрова Т.Е., Подвигина Д.Н., Прокопья В.К., Риехакайнен Е.И., Чернова Д.А., Шелепин Ю.Е. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. Коллективная монография / Под научной редакцией Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина, О.В. Заширинской. Санкт–Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2016. – 203 с.
- [3] Бондарева А.В., Федорова А.Н., Иуков Е.А. Глобализация: миф или реальность // В сборнике: Инновационный конвент "Кузбасс: образование, наука, инновации" Материалы Инновационного конвента. Департамент молодежной политики и спорта Кемеровской области. – Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2019. – С. 656–658.
- [4] Померанц Г.С. Постмодернизм [Электронный ресурс]: Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН, 2017. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6d34a5c64571161178>.
- [5] Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна [Электронный ресурс]: Институт экспериментальной социологии, 1998. – Режим доступа: http://lib.ru/culture/liotar/liotar.txt_with-big-pictures.html.
- [6] Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – Москва: Прогресс, 1989 – 616 с.
- [7] Бланшо М. Неопишемое сообщество. – Москва: МФФ, 1998. – 78 с.
- [8] Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]: Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>.

- [9] Делез Ж., Гваттари Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Москва – Екатеринбург: Астрель, 2010. – 895 с.
- [10] Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм // Космополис. – 2004. – Т. 2, № 8. – С. 125–140.
- [11] Лиотар Ж. Состояние постмодерна. Москва – Санкт–Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с.
- [12] Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм // Логос. – 1999. – № 9. – С. 96–104.
- [13] Фуко М. Дискурс и истина // Логос. – 2008. – Т. 2, № 65. – С. 159–262.
- [14] Просекова М.Н. Повышение эффективности социального управления методами социально–культурной антропологии // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. Тюмень. ТИУ. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
- [15] Prosekova M.N. Project–Based Learning Method in the Philosophical Dimensions // Astra Salvensis. – 2018. – Vol. 6. – P.595–600. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37104906/Astra_Salvensis_VI_2018_Special_Issue.pdf
- [16] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока – Санкт–Петербург, 2016. – 637 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26644858>
- [17] Чудова И.А. (2017) Постмодернизм и социология: опасности или возможности? // Социологические исследования. – 2017. – Т. 4, № 396. – С. 122–128. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socis.isras.ru/article/6653>
- [18] Бажуков В.И. Социальная и культурная антропология. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 357 с.
- [19] Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – Москва: Академический Проект, 2017. – 480с.
- [20] Золкин А.Л. Общество рассчитывает на социологию. Социология – на общество // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2017. – № 1. – С. 43–46.

References

- [1] Sokolova, A.Yu. (2005). Self–determination as the main means of ensuring the effectiveness of learning activities in a foreign language lesson. *Foreign Languages at School*, 4, 20–23.
- [2] Chernigovskaya, T.V., Shelepin, Ye.YU., Zashchirinskaya, O.V., Nikolayeva, Ye.I., Alekseyeva, S.V., Dobrego, A.S., Zhukova, O.V., Petrova, T.Ye., Podvigina, D.N., Prokopenya, V.K., Riyekhakaynen, Ye.I., Chernova, D.A., & Shelepin, YU.Ye. (2016). *Psychophysiological and neuro–linguistic aspects of the process of recognition of verbal and non–verbal communication patterns*. St. Petersburg: ООО "Izdatel'stvo VVM".
- [3] Bondareva, A.V., Fedorova, A.N., & Iukov, E.A. (2019). Globalization: Myth or Reality. In *Innovation Convention "Kuzbass: Education, Science, Innovations" Materials of the Innovation Convention. Department of youth policy and sports of the Kemerovo region*. Novokuznetsk: Siberian State Industrial University.
- [4] Pomeranz, G.S. (2017). *Postmodernism. New philosophical encyclopedia. Electronic Library of the Institute of Physics, RAS*. Retrieved from <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6d34a5c64571161178>.
- [5] Lyotard, J.F. (1998). *The state of postmodern. Institute of Experimental Sociology*. Retrieved from http://lib.ru/culture/liotar/liotar.txt_with-big-pictures.html.
- [6] Bart, R. (1989). *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress.
- [7] Blansho, M. (1998). *Indescribable community*. Moscow: MFF.
- [8] Baudrillard, J. *Consumer society. His myths and structures. Center for Humanities*. Retrieved from <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464>.

- [9] Delez, Zh., & Gvatari, Zh. (2010). *Thousand Plateau: Capitalism and Schizophrenia*. Moscow – Yekaterinburg: Astrel.
- [10] Derrida, Zh. (2004). Globalization. World. Cosmopolitanism. *Cosmopolis*, 2(8), 125–140.
- [11] Liotar, Zh. (1998). *The state of postmodern*. Moscow – St. Petersburg: Aletheia.
- [12] Rorty, R. (1999). Postmodern bourgeois liberalism. *Logos*, 9, 96–104.
- [13] Fuko, M. (2008). Discourse and truth. *Logos*, 2(65), 159–262.
- [14] Prosekova, M.N. (2018). Improving the effectiveness of social management methods of socio-cultural anthropology. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics. Tyumen. TIU*, 3, 19–24.
- [15] Prosekova, M.N. (2018). Project-Based Learning Method in the Philosophical Dimensions. *Astra Salvensis*, 6, 595–600. Retrieved from https://www.academia.edu/37104906/Astra_Salvensis_VI_2018_Special_Issue.pdf
- [16] Said, E.V. (2016). *Orientalism. Western concepts of the East*. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=26644858>
- [17] Chudova, I.A. (2017) Postmodernism and sociology: danger or opportunity? *Sociological Studies*, 4(396), 122–128. Retrieved from <http://socs.isras.ru/article/6653>
- [18] Bazhukov, V.I. (2018). *Social and cultural anthropology*. Moscow: Yurayt Publishing House.
- [19] Orlova, E.A. (2017). *Cultural (social) anthropology*. Moscow: Akademicheskii Proyekt.
- [20] Zolkin, A.L. (2017) Society is counting on sociology. Sociology – on society. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 1, 43–46.

Получена / Submitted: 06/03/2019

Доработана / Revised: 12/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 20/05/2019

УДК 371.84

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

Тамара Дмитриевна Косинцева¹, Раиса Николаевна Хвошч²

¹ *Кафедра, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Российская Федерация*

² *Кафедра, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов, связанных с организацией научно-исследовательской работы студентов в образовательном процессе в современном российском вузе. В процессе исследования отдельное внимание уделено текущей ситуации творческой работы студентов, также представлен обзор наиболее распространенных форм организации их научно-исследовательской деятельности. Особый акцент сделан на результативных формах работы, таких как участие в научных кружках; разработке и реализации практико-ориентированных проектов; в грантовых программах и других поощрительных мероприятиях, направленных на стимулирование научных изысканий; работе школы студента-исследователя; научно-практических конференциях, форумах, студенческих олимпиадах и конкурсах; научно-исследовательских лабораториях. Кроме того, авторами обозначены перспективные формы развития научно-исследовательской работы студентов, которые предполагают использование облачных технологий.

Ключевые слова: вуз, исследование, наука, творчество, познание, конференция, форум, проект, облачные технологии.

Organization of Research Work of Students in the Educational Process in the Modern Russian University

Tamara D. Kosintseva¹, Raisa N. Khvoshch²

¹ *Department of philological disciplines, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation*

² *Department of philological disciplines, Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the consideration of topical issues related to the organization of research work of students in the educational process in the modern Russian university. In the process of research, special attention is paid to the current situation of students' creative work. Also an overview of the most common forms of organization of research work of students is presented. Particular emphasis is placed on effective forms of work, such as participation in scientific circles; development and implementation of practice-oriented projects to order educational institutions, organizations, institutions; grant programs and other incentive measures aimed at stimulating scientific research; the work of the student-researcher's school; scientific and practical conferences, forums, competitions; research laboratories. In addition, the author outlined the promising forms of development of students' research work, which involve the use of cloud technologies.

Keywords: university, research, science, creativity, cognition, conference, forum, project, cloud technologies.

Введение

Позиционирование России как независимого государства, национальный подъем страны и переход к рыночным отношениям кардинально влияют на роль специалистов с высшим образованием. Образование, подготовка научных кадров, развитие творческих способностей студенческой молодежи – это основные направления формирования человеческого капитала, который требует повышения интеллектуально-информационного уровня индивидуума, который будет способствовать научной конкурентоспособности и росту общественной

прибыли в перспективе [1]. В данном контексте научно-исследовательская деятельность студентов вузов приобретает все большее значение и становится одним из ключевых компонентов профессиональной подготовки будущих специалистов [2]. При этом эффективность такой подготовки в значительной степени определяется уровнем сформированности исследовательских знаний, умений, развитием личностных качеств, накоплением опыта творческой исследовательской деятельности [3-5]. В Большой Хартии университетов провозглашен принцип неотделимости исследований от обучения. Университеты представляют собой идеальное место встречи преподавателей, которые стремятся поделиться своими знаниями и развить их в исследованиях, и студентов, имеющих право, возможность и желание расширять свои знания [6].

На сегодня современная система высшего образования, которая внедряется в России, предполагает более четкую целевую направленность образовательной деятельности, переход большинства студентов на индивидуальные графики обучения, увеличение объемов самостоятельной работы и развитие у студентов сознательного отношения к получению знаний. Вместе с тем следует отметить, что до сих пор значительная часть обучающихся в современных вузах России не участвует в научно-исследовательской деятельности до момента выполнения итоговой квалификационной работы, поэтому эффективность такого научного поиска очень низкая, а сформированные навыки профессиональной творческой деятельности крайне ограничены. В связи с этим приоритетным направлением развития современного образования в России должно стать создание в вузах благоприятных условий для формирования творческой личности, способной к саморазвитию, самосовершенствованию как во время обучения в высшей школе, так и в дальнейшей профессиональной деятельности. Решение этой задачи возможно лишь при условии смены студентом статуса пассивного потребителя готовых знаний на активного исследователя, который умеет формулировать проблему, анализировать пути ее решения и находить оптимальный результат. Таким образом, указанные обстоятельства обусловили актуальность темы исследования, ее теоретическую и практическую значимость.

Различные аспекты проблемы научно-исследовательской подготовки студентов изучаются рядом отечественных и зарубежных ученых. Так, основам организации научных исследований будущих специалистов различных профессиональных областей посвящены труды Г. Артемчука, Н. Гавриша, Т. Голуба, В. Мюррея, В. Раевского и др. Вопросы активизации исследовательской деятельности студентов рассматриваются в работах Е. Венгера, М. Данилова, О. Дубасенюка и др. Однако, несмотря на большое количество публикаций по данной проблематике, неотработанным остается действенный организационно-экономический механизм привлечения к научной работе талантливой молодежи и средства обеспечения развития студенческой научной деятельности, фрагментарно исследованы подходы к согласованию структурных компонентов системы научной подготовки студентов, помимо этого, требуют дальнейшего раскрытия и анализа инструменты стимулирования научной деятельности студентов.

Следовательно, цель статьи заключается в исследовании особенностей организации научно-исследовательской работы студентов в образовательном процессе в современном российском вузе, а также определение перспектив ее развития.

Материалы и методы

Научно-исследовательская работа студентов определена нами, как поисковая деятельность, развивающая умения, формирующая навыки применения методов научного познания на практике (постановка и решение научной проблемы). Поэтому в Тюменском государственном университете были проведены исследования с целью определить: – постоянно ли студенты занимаются научно-исследовательской работой; – занимаются ли студенты наукой с целью развития творческих способностей или по требованию кафедры; –

каковы трудности, с которыми встречаются студенты при участии в научно-исследовательской работе. Организации научно-исследовательской работе студентов в период обучения в вузе всегда уделяется большое внимание, так как она входит в формирование, развитие организационной культуре высшего учебного заведения. Поэтому следует уделять внимание научной работе обучающихся. Исследования, проводимые в Тюменском индустриальном университете в 2015 году, показали, что 71,9% студентов участвуют в работе научных кружков хотя только для 10,8% всех опрошенных занятие в кружках является интересным и для еще 10,8% занятие в кружках является престижным [7]. Свою работу в научных кружках они считали продолжением освоения знаний, умений, навыков будущей профессии. Следует отметить, что в 2003 году 58,1% студентов были удовлетворены выбранной профессией, а в 2014 году таких было 72%. Вместе с тем 58% обучающихся отметили ценность получения высшего образования. Далее анализ исследований показал, что ценность образования остается важной для 50% студентов, считающих, что это период жизни, период приобретения опыта и знаний [8]. Таким образом, участие в научно-исследовательской работе является важной частью в получении знаний будущей профессии. В статье представлены примеры современных технологий в организации научно-исследовательской работы – облачные технологии- перспективные формы работы с будущими специалистами

Результаты и обсуждение

На первом этапе проводимого исследования представляется целесообразным установить терминологическую сущность понятия «научно-исследовательская работа». Анализ существующих на сегодняшний день наработок свидетельствует, что в понимании указанной дефиниции не существует единой точки зрения. Так, В. Ершов считает, что научно-исследовательская деятельность отличается высокой мотивацией к активной познавательной деятельности, развитию творческих способностей, накоплению опыта творческого поиска, определению характерологических особенностей личности [9]. В свою очередь А.В. Баширов и Т.А. Ханов настаивают на том, что сущность научно-исследовательской деятельности студентов в вузе заключается в формировании у обучающихся научного мировоззрения, овладении методологией и методами научного исследования [10].

Достаточно интересной является позиция М. Федоровой, которая утверждает, что характерным признаком учебно-исследовательской деятельности студентов является ее родство с исследовательской деятельностью ученого [11-12].

А. Ахметов дает определение учебно-исследовательской деятельности как деятельности студентов, которую организует педагог с использованием, прежде всего, дидактических средств опосредованного и перспективного управления, которая направлена на поиск объяснений и доказательств, закономерных связей и отношений, экспериментально наблюдаемых или теоретически анализируемых, и в результате которой студенты активно овладевают знаниями, развивают свои исследовательские умения и способности [13].

Ученые (И.В. Старикова, Н.В. Питерская, Т.Н. Радышевская) отличают научно-исследовательскую деятельность и учебно-исследовательскую деятельность студентов [14].

С учетом изложенного, под научно-исследовательской деятельностью студентов будем подразумевать процесс профессионального становления личности будущего специалиста, который развивает способности к научному исследованию, самостоятельности, проявлению инициативы в учебе, развитию умений и навыков индивидуального и коллективного решения профессиональных задач. Особенностью процесса научно-исследовательской деятельности студентов является индивидуальный подход к творческой самореализации каждого.

Итак, научно-исследовательская работа студентов заключается в поисковой деятельности, которая выражается, прежде всего, в самостоятельном творческом

исследовании. В результате такой деятельности субъективный характер «открытий» студентов может приобретать определенную объективную значимость и новизну. Задача научно-исследовательской работы студентов в вузе заключается в развитии у них умений исследовательской деятельности, в формировании навыков применения методов научного познания на практике, а также в ознакомлении студентов с методами постановки и решения научных и технических проблем [15].

К сожалению, длительное время научно-исследовательская работа студентов в отечественных вузах рассматривалась как особый вид деятельности, поскольку она не приобретала массовый характер и не охватывала всех обучающихся. На сегодняшний день научно-исследовательская работа студентов перестала быть элементом развития самых способных и превратилась во влиятельное средство профессиональной подготовки будущего специалиста, позволяя каждому студенту проявить свой творческий потенциал. Этот вывод подтверждают данные социологического исследования, проведенного автором на материалах кафедры менеджмента, маркетинга и логистики среди студентов старших курсов Тюменского государственного университета.

Так 57% опрошенных студентов ответили, что постоянно занимаются НИИ, 29% – ответили «очень часто» и 11% – время от времени. Отметим тот факт, что среди студентов, кто занимается НИИ большинство это делает для развития своих творческих и интеллектуальных способностей (42%), однако есть и значительное количество тех, кто это делает по требованию кафедры (23%). То есть, приведенные данные свидетельствуют о том, что все еще достаточно высок процент студентов, которые потенциально не готовы для НИИ, но стремятся иметь высокие оценки или хорошие отношения с преподавателями и поэтому выполняют эту работу. Среди трудностей, с которыми сталкиваются студенты при занятии НИИ большинство отмечают: отсутствие материального стимулирования (26% опрошенных), отсутствие возможности реального внедрения научных результатов (23%) и недостаточность навыков для научной деятельности (13%).

Можно с уверенностью утверждать, что современная научная деятельность студентов в отечественных учреждениях высшего образования является системой, которая быстро развивается, и представляет собой сложную структуру взаимодействующих областей знаний, находящихся в процессе дальнейшей специализации, дифференциации и интеграции.

Основными наиболее действенными формами организации научно-исследовательской работы студентов в рамках учебного процесса в высших учебных заведениях России являются:

- чтение лекций для студентов младших курсов по методике и организации научных исследований, по научной организации самостоятельной работы, по методике работы с научной литературой и использованием библиотек;
- привлечение студентов к реферативной работе на практических, семинарских, лабораторных занятиях;
- включение элементов научных исследований при подготовке к лабораторным работам, семинарам, практикумам;
- включение элементов научного поиска в домашнее задание, выполнение индивидуальных проектов, курсовых и дипломных работ, практическую стажировку студентов;
- написание рефератов с использованием научной литературы по конкретной теме;
- выполнение лабораторных, практических, семинарских и самостоятельных работ, контрольных заданий, содержащих элементы проблемного поиска;
- выполнение нетипичных задач исследовательского характера в период производственной практики;
- разработка методических материалов с использованием исследовательских методов;
- подготовка и защита курсовых, дипломных и магистерских работ, связанных с

проблематикой научных исследований кафедр.

Вместе с тем, следует обратить внимание и на прогрессивные формы организации научно-исследовательской работы студентов в современных вузах России, предусматривающих участие в: научных кружках [16]; разработке и реализации практико-ориентированных проектов на заказ организаций, учреждений; грантовых программах и других поощрительных мероприятиях, направленных на стимулирование научных изысканий; научно-практических конференциях, форумах, студенческих олимпиадах и конкурсах; научно-исследовательских лабораториях, студенческих конструкторских бюро; научном студенческом обществе.

Рассмотрим некоторые из этих форм более подробно.

Привлечение студентов к работе в научных кружках начинается еще на младших курсах. Преподаватели ведущих кафедр университетов в тесном сотрудничестве со студентами старших курсов определяют содержание заседаний, составляют ориентировочный план работы кружка, назначают ответственных за определенные секции. Среди задач, которые ставятся перед студентами, следует отметить подготовку докладов и рефератов, выступления по результатам собственных научных изысканий на заседаниях кружка или на научных конференциях, написание научных статей, рецензирование и аннотирование научных работ. Кружок может объединять членов группы, курса, факультета, а иногда – и всего университета.

Студенческое научное общество – это добровольное неполитическое и некоммерческое объединение студентов вуза, которые проводят научно-исследовательскую работу на кафедрах и в научных подразделениях университета [17]. Программа работы такого объединения непосредственно не связана с учебными планами. Организация и планирование работы студенческого научного общества происходит с учетом научных интересов студентов, специфики их будущей профессиональной деятельности и наличия высококвалифицированных ученых – руководителей соответствующих научных программ.

Ярким примером успешной организации научных форумов для студентов является федеральный форум «Территория смыслов», который проходит с 2015 года во Владимирской области. Программа форума включает образовательные и Дискуссионные площадки, выступления и мастер-классы экспертов, культурные и спортивные мероприятия [18]. Лекторами, экспертами и почетным гостями являются представители российской науки, органов власти, крупных исследовательских фондов, политические и общественные деятели. Отдельно следует отметить, перспективные формы организации научно-исследовательской работы студентов в образовательном процессе в современном российском вузе, которые заключаются в использовании облачных технологий. Основными преимуществами этих технологий для вуза являются: снижение капиталовложений в аппаратное обеспечение и трудовые ресурсы, уменьшение риска потери инвестиций, плавное обновление.

Так, например, средствами, которые будут способствовать поиску студентами путей решения поставленных научных задач, конструированию правил и гипотез являются сетевые инструменты, позволяющие организовать коллективную работу над одним научным проектом. К таким ресурсам можно отнести создание совместных документов по научным проектам в облаке на Google Диск, Dropbox, OneDrive, Zoho, планирование общей работы и генерирование путей решения поставленной научной проблемы с помощью сетевых ресурсов, которые дают возможность управлять проектом и организовывать коллективную работу, к их числу относятся: Trello, Kanbanchi, PodiO, RealtimeBoard.

Учитывая значительный потенциал облачных технологий для эффективной реализации научно-исследовательской работы студентов, представляется целесообразным предложить следующую последовательность организации научной деятельности обучающихся в отечественных вузах с применением облачно-ориентированных технологий.

1. Студентам предлагается задача – провести исследование на заданную тему среди

одного группировщиков. Темы исследования представлены в совместном документе.

2. Студенты создают анкету с применением облачных сервисов и проводят опрос респондентов.

3. Результаты анкетирования собираются и обрабатываются с помощью электронных таблиц в одном из облачных сервисов.

4. Студенты создают отчет в виде презентации с использованием таблиц, диаграмм, ментальных карт, информационных плакатов.

5. Результаты исследования представляются студентами в целом.

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать выводы, что целостность учебного процесса в вузе определяется его научно-исследовательской направленностью, а комплексный подход к организации научно-исследовательской работы студентов, с одной стороны способствует качественному выполнению социального заказа, дает возможность удовлетворить потребность общества в квалифицированных специалистах, а с другой, обеспечивает формирование и развитие студентов, как творческих личностей, способных на научной основе эффективно решать поставленные перед ними задачи, позволяет значительно повысить уровень профессиональной подготовки специалистов.

По мнению авторов, эффективной организации студенческой научно-исследовательской деятельности будет способствовать соблюдение следующих требований: все формы работы со студентами должны быть организованы в атмосфере партнерства и сотворчества; все виды аудиторной научной работы студентов должны проходить в форме диалога; каждый студент имеет право выбора тематики, проблематики и путей решения поставленной проблемной ситуации.

Также авторы считают, что научно-исследовательская деятельность студентов должна носить междисциплинарный характер и осуществляться на всех этапах учебного процесса:

1 этап (2 курс) – начальный (ознакомительный) этап, целью которого является овладение основами организации и проведения научного исследования.

2 этап (3 курс) – этап педагогического воздействия, целью которого является творческое освоение студентами принципиально нового компонента деятельности (проведение учебного занятия).

3 этап (4 курс) – научно-педагогический этап, цель которого заключается в проведении законченного научного исследования в условиях конкретного образовательного учреждения, имеющего самостоятельную научную ценность.

4 этап (5 курс) – завершающий (квалификационный) этап, на котором студенты не только исследуют существующие проблемы, но и разрабатывают новые способы решения как уже существующих, так и неизвестных ранее задач.

Перспективные направления исследования заключаются в изучении путей повышения мотивации студентов к проведению научно-исследовательской работы в вузах России.

Библиографический список

- [1] Царева И.А., Пядина Т.И. Научно–исследовательская деятельность, как профессиональное совершенствование студента // Молодежный научный вестник. – 2017. – №2. – С. 242–244.
- [2] Панина А. С. Значение научно–исследовательской деятельности в развитии конкурентоспособности студента // Академия педагогических идей Новация. Серия: Научный поиск. – 2018. – №4. – С. 33–40.
- [3] Соколова А.Ю. Сорокин Ю.И. О роли преподавателя в электронном обучении // Вестник тверского государственного технического университета. Серия: науки об обществе и

- гуманитарные науки. – 2015. – №1. – С.20–24.
- [4] Костромина С.Н., Медина Бракамонте Н.А., Защирина О.В. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования // Вестник Санкт–Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2016. – № 1. – С. 109–117.
- [5] Наследов А.Д., Защирина О.В. Феномен педагогической перцепции в контексте коммуникативного развития ученика. *Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика.* – 2008. – № 4. – С. 252–261.
- [6] Magna Charta Universitatum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magna-charta.org/>
- [7] Khairullina N.G., Kosintseva T.D. Development of creative activity in the system of organizational culture of the modern university // *International Journal of Environmental and Science Education.* – 2016. – Vol.11. – 2171–2184.
- [8] Khairullina N. G., Kosintseva T.D., Gluhik I.N. The life of young Russia: orientations and life paths // *Espacios.* – 2017. – Vol. 38, No 56. –P. 25.
- [9] Ершов В. К. Научно–исследовательская деятельность студентов: современность и перспектива // *Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии.* – 2018. – Т. 2, № 8. – С. 162–165.
- [10] Баширов А.В., Ханов Т.А. Факторы повышения активности научно–исследовательской работы студентов // *Современные проблемы науки и образования.* – 2018. – №4. – С. 91.
- [11] Фёдорова М. А. Система оценки компонентов научно–исследовательского потенциала студентов технического вуза // *Образовательные технологии (г. Москва).* – 2018. – №3. – С. 131–143.
- [12] Павленко А.А, Булашов К.В. Учебно–исследовательская работа студентов в технологическом образовании инженерно–технического профиля // *Молодой ученый.* – 2015. – № 23. – С. 995
- [13] Ахметов А.С. Актуальные вопросы организации научно–исследовательской работы студентов // *Право и образование.* – 2018. – №6. – С. 4–11.
- [14] Старикова И. В., Питерская Н. В., Радышевская Т. Н. Научно–исследовательская работа студентов как часть подготовки высококвалифицированных специалистов // *Colloquium–Journal.* – 2018. – Т. 5, №7(18). – С. 34–35.
- [15] Лозовская Т. Н. Проблемы организации научно–исследовательской работы студентов в высших учебных заведениях // *Крымский Академический вестник.* – 2017. – №2. – С. 218–223.
- [16] Косинцева Т.Д., Кулешова Н.Д. Студенческое научное общество как часть учебно–научного процесса современного вуза // *Перспективы науки.* – 2017. – Т. 11, № 98. – С.73
- [17] Лукичева Л. И., Вендина И. А. Методический подход к руководству научно–исследовательской работой студентов // *Alma Mater.* – 2017. – №7. – С. 64–66.
- [18] Территория смыслов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn—b1afjarpfmdmacnbee3mrc.xn—p1ai/>

References

- [1] Tsareva, I.A., & Pyadina, T.I. (2017). Scientific and research activity, as a professional improvement of the student. *Youth Scientific Bulletin*, 2, 242–244.
- [2] Panina, A. (2018). The importance of research in the development of student competitiveness. *Academy of Pedagogical Ideas Novation. Series: Scientific Search*, 4, 33–40.
- [3] Sokolova, A.Yu., & Sorokin, Y.I. (2015). On the role of the teacher in e–learning. *Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities*, 1, 20–24.
- [4] Kostromina, S.N., Medina Bracamonte, N.A., Zashchirinskaya, O.V. (2016). Current trends in educational and educational psychology. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and*

Pedagogy, 1, 109–117.

- [5] Nasledov, A.D., & Zashchirinskaya, O.V. (2008). The phenomenon of pedagogical perception in the context of the student's communicative development. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 252–261.
- [6] Magna Charta Universitatum. Retrieved from <http://www.magna-charta.org/>
- [7] Khairullina, N.G., & Kosintseva, T.D. (2016). Development of creative activity in the system of organizational culture of the modern university. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11, 2171–2184.
- [8] Khairullina, N.G., Kosintseva, T.D., & Gluhih, I.N. (2017). The life of young Russia: orientations and life paths. *Espacios*, 38 (56), 25
- [9] Ershov, V.K. (2018). Scientific research activities of students: modernity and perspective. *Niva of the Lord. Bulletin of the Penza Theological Seminary*, 2 (8), 162–165.
- [10] Bashirov, A.V., & Khanov, T.A. (2018). Factors to increase the activity of scientific research work of students. *Modern Problems of Science and Education*, 4, 91.
- [11] Fedorova, M.A. (2018). System for estimation of the components of the scientific research potential of technical university students. *Educational Technologies (Moscow)*, 3, 131–143.
- [12] Pavlenko, A.A., & Bulashov, K.V. (2015). Teaching and research work of students in technological education of engineering and technical profile. *Young Scientist*, 23, 995.
- [13] Akhmetov, A.S. (2018). Current issues of the organization of research work of students. *Law and Education*, 6, 4–11.
- [14] Starikova, I.V., Piterskaya, N.V., & Radyshevskaya, T.N. (2018). Scientific research work of students as a part of preparation of high-qualified specialists. *Colloquium–Journal*, 5(7), 34–35.
- [15] Lozovskaya, T.N. (2017). Problems of organization of scientific research work of students in higher educational institutions. *Crimean Academic Bulletin*, 2, 218–223.
- [16] Kosinceva, T.D., & Kuleshova, N.D. (2017). Tudenchesky scientific society as part of the educational and scientific process of the modern university. *Science Perspectives*, 11(98), 73.
- [17] Lukicheva, L.I., & Wendina, I.A. (2017). Methodical approach to the management of research work of students. *Alma Mater*, 7, 64–66.
- [18] The territory of meanings. Retrieved from <http://xn—b1afjapfmdmacnbee3mrc.xn—p1ai/>

Получена / Submitted: 05/03/2019

Доработана / Revised: 19/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 24/05/2019

УДК 316.4

ФАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН МОЛОДОГО И ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Марина Валерьевна Корнилова¹

¹*Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приводятся статистические данные о том, что доля женщин существенно выше доли мужчин, особенно в пожилом возрасте. В том числе и этим обстоятельством обосновывается и выбор темы исследования. Поэтому сравнительный анализ строится на изучении особенностей жизни молодых и пожилых женщин, включающий изучение: брачного статуса и наличия детей, уровня образования и трудозанятости, состояние здоровья и наличия вредных привычек, образа жизни и использования информационных и компьютерных технологий. Показываются существенные различия по всем вышеописанным параметрам, исходя из возраста исследуемых женщин. Соответственно и возможности адаптации в разном возрасте отличаются: молодые женщины обладают большим набором ресурсов, по сравнению с пожилыми. Предлагаются пути выхода из сложившихся обстоятельств на основании имеющихся личностных и социальных ресурсов (приводятся примеры государственных программ по повышению доли адаптированных женщин пожилого возраста, например, к новинкам информационного мира).

Ключевые слова: женщины, ресурсы адаптации, пожилой и молодой возраст, адаптация к условиям жизни, адаптивные возможности.

The Actual Conditions of Life and Adaptation Strategies of Women Young and Old Ages: a Comparative Analysis

Marina V. Kornilova¹

¹*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The article provides statistical data that the proportion of women is significantly higher than that of men, especially in old age. In particular, this circumstance justifies the choice of the research topic. Therefore, the comparative analysis is based on the study of the characteristics of life of young and elderly women, including the study of: marital status and availability of children, level of education and employment, health and bad habits, lifestyle and the use of information and computer technologies. Significant differences are shown in all the above parameters, based on the age of the women studied. Accordingly, the possibilities of adaptation in different ages are different: young women have much more resources compared to the old women. The ways out of the circumstances based on available personal and social resources (examples of government programs to increase the proportion of adapted elderly women, for example, to the novelties of the informational world).

Keywords: women, resources for adaptation, old and young age, adaptation to living conditions, adaptive capacity.

Введение

Общие и частные проблемы адаптации привлекают исследователей самых разных областей: экономистов, педагогов, политологов, социологов и др. специалистов. В общепринятом понимании адаптация – это процесс приспособления к ситуации и совладания с возникающими трудностями.

Социологические исследования позволяют зафиксировать и выразить количественно различия в жизненных условиях женщин разных возрастов. Для каждого возраста характерны разные жизненные трудности и, соответственно, возможности адаптации, определить которые можно в процессе изучения условий жизни женщин. Кроме того, с возрастом меняются не только сами женщины, но и условия их жизни. Соответственно и адаптация к изменяющимся условиям жизни в разном возрасте имеет свои отличительные черты [1].

В данной статье автор опирался на понятие социальной адаптации, которая «рассматривается исследователями как двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, в ходе которого меняется не только субъект, но и среда» [2]. При этом адаптация может быть активной (когда субъект попадая в новую или непредвиденную ситуацию ищет возможности преодоления неблагоприятно складывающихся обстоятельств), и – пассивной (без поиска способов и ресурсов для преодоления жизненных трудностей). Исходя из этого строится адаптационная стратегия, которая представляет собой «социальные действия, поведение, поступки в новых, нестандартных ситуациях» [2].

«Под адаптационной стратегией понимается поведение социальных субъектов, обусловленное ценностно-мотивационными установками, имеющимися ресурсами и специфическими обстоятельствами кризисно-аномийного состояния в обществе и направленное на приспособление к изменяющимся социальным условиям» [3].

Адаптационные стратегии часто рассматриваются в контексте занятости населения в целом [3] или отдельных возрастных групп [4]. Изучение адаптационных стратегий тесно связано и с изучением ресурсного потенциала, особенно при сравнении разных групп населения. Интересна точка зрения авторов, рассматривающих ресурсный капитал разных возрастных групп: «1 группа (до 29 лет) – полностью «новый» ресурсный капитал; 2 группа (до 39 лет) – обновленный ресурсный капитал; 3 группа (до 49 лет) – преимущественно «старый» ресурсный капитал; 4 группа (от 49 лет до пенсионного возраста) – полностью старый ресурсный капитал» [5]. Очень показательно, что группу пенсионного возраста авторы в принципе не рассматривали как имеющую ресурсы.

Если говорить об адаптации, то объектом социологических исследований, как правило, действительно выступают люди трудоспособного возраста, дети и молодежь. Тезис «будущее современного общества – пожилые» вызывает испуг, несмотря на быстрый рост числа пожилых не только в развитых социальных государствах, но и повсеместно, возможно, потому, что «старение» и «пожилые» слабо интегрированы в проблематику социологии» [6].

Русское понятие «старость» женского рода, и действительно имеет «женское лицо» [7], так как в нашей стране соотношение женщин и мужчин пожилого возраста составляет 3 к 1.

И, тем не менее, исследований объектом которых являются только женщины – не много, а пожилые женщины – еще меньше.

В работе 2002 года, посвященной исключительно изучению женской проблематики: «Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?», возраст исследуемых составил от 17 лет до 51 года, с акцентом на изучении адаптационных стратегий россиянок в возрасте до 30 лет, и сравнительным анализом между возрастными подгруппами [8]. А женщины пенсионного возраста сознательно не были включены в выборку, так как их проблемы и положение «качественно отличаются от проблем женщин репродуктивного возраста» [8].

Более поздние исследования представляют собой, как правило, сравнительный анализ образа жизни мужчин и женщин. В рамках социально-психологического подхода, гендерные различия и отличительные аспекты жизни женщин пожилого возраста анализируются в совместной работе О.В. Красновой и Т.З. Козловой: «Старшее поколение: гендерный и социально-психологические аспекты» [9]. С социологической точки зрения представляют

интерес работы Т.З. Козловой, П.М. Козыревой, а также узконаправленные публикации других авторов [10; 11] о жизнедеятельности старшего поколения, в которых анализируются проблемы социальной изоляции [12] и инклюзии [6], изучаются трудности социальной адаптации одиноких пожилых женщин [13].

В данной статье предполагается рассмотреть основные аспекты жизни женщин обеих возрастных категорий («молодой» и «пожилой»), и провести сравнительный анализ именно с точки зрения адаптационных стратегий, которые могут быть выстроены на имеющихся в разном возрасте ресурсах адаптации, которые формируются исходя из условий жизни этих женщин. «Большинство исследователей исходят из того, что благополучие пожилых людей определяется в наибольшей степени такими факторами, как пол, возраст, условия проживания, доходы, занятость, здоровье» [11]. Эти же факторы выступают основой, формирующей условия жизни, и в определенный момент выступают ресурсами адаптации. В рамках данной статьи, как для молодых, так и для пожилых женщин задан определенный набор изучаемых характеристик жизни: семейное положение, занятость и образование, состояние здоровья и образ жизни, использование новых информационных технологий и устройств. А специфические особенности вышеперечисленных жизненных условий рассматриваются как возможные ресурсы адаптации.

Проблематика гендерных различий в адаптационных стратегиях женщин и мужчин требует отдельного изучения и в рамках данной статьи не рассматривается.

Очевидно, что адаптационные ресурсы молодых и пожилых женщин не одинаковы. Первопричина – возраст. Традиционно считается, что сильноресурсной группой является молодежь, слаборесурсной – пожилые, так как набор имеющихся у индивида ресурсов адаптации с возрастом сокращается. Происходят изменения не только в образе жизни и ее восприятии, меняется и сама социальная реальность: внедряются новые технологии и правила жизни, к которым люди должны адаптироваться. Перестраиваться и менять жизнь в пожилом возрасте сложнее, поэтому с увеличением возраста адаптивные возможности снижаются.

Методология исследования

В статье анализируются статистические данные [14] и результаты 25-ой волны (2016 год) мониторингового исследования «RLMS-HSE» [15]. Согласно материалам социологических исследований именно 2016 год является точкой отсчета по выходу нашей страны из экономического кризиса. А «кризис 2014–2016 гг. не только породил новые проблемы и противоречия, но и актуализировал старые» [16], которые раскрываются через изучение социально-экономического положения изучаемых возрастных групп населения. Именно по этой причине в качестве эмпирической базы выступают данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ 2016 года.

Ежегодно мониторинг охватывает более 12,5 тыс. респондентов обоих полов, проживающих в стране, 56,9% которых составляют женщины, 43,1% – мужчины, что в целом соответствует общей структуре населения России. (Согласно данным Федеральной государственной службы статистики 54% населения Российской Федерации составляют женщины и 46% – мужчины) [17].

Наибольшая разница в гендерном соотношении наблюдается как раз в группе пожилых респондентов, где доля мужчин в 2 раза меньше доли женщин (таблица 1).

Согласно классификации Организации объединенных наций, возраст молодежи составляет от 15 до 24 лет. Всемирная организация здравоохранения относит к молодежи людей в возрасте от 18 до 44 лет. В России возрастные рамки для определения данной группы населения составляют от 14 до 30 лет, и в отдельных случаях, закрепленных законодательно, – до 35 лет и даже до 40 лет.

Таблица 1. Общая половозрастная структура всех респондентов RLMS-HSE

Пол	Возрастные группы					Всего
	0-17 лет	18-35	36-45	46-54/59	55/60 и более лет	
Женский	1208	1469	916	822	2732	7147
	49,3%	51,9%	53,1%	55,7%	67,1%	56,9%
Мужской	1243	1359	809	655	1341	5407
	50,7%	48,1%	46,9%	44,3%	32,9%	43,1%
Итого:	2451	2828	1725	1477	4073	12554
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Подходы к определению возрастных границ молодежи при проведении социологических исследований очень подробно отражены в работе Д.В. Руденкина [18]. В исследованиях российских ученых, изучающих молодежь как социальную группу, нижняя граница возраста начинается и с 15 лет [19], и с 18 лет [20], а верхняя заканчивается и в 26 лет [21], и в 35 лет [22].

Поскольку в статье сравниваются показатели по наличию высшего образования, брачному статусу, трудоустройству, предпринимательской и другой деятельности, официально осуществлять которую можно с момента совершеннолетия, нижняя граница возраста изучаемой молодежной группы составляет 18 лет, верхняя – 35 лет, для более сопоставимого и корректного сравнения показателей с группой пожилых респондентов.

В настоящее время пожилой возраст в России пока трактуется однозначно, с момента наступления пенсии по старости, – для женщин с 55 лет, для мужчин – с 60 лет.

Для целевого анализа из общего массива респондентов была выделена совокупность по описанному выше гендерному и возрастному критериям, численность которой составила 4201 человек. В таблице 2 представлена возрастная структура 2-х групп респондентов сформированной выборочной совокупности.

Таблица 2. Возрастная структура респондентов, являющихся объектом целевого анализа (от количества респондентов в каждой группе)

1 группа женщин («Молодежь»), n=1469		
Возраст	Количество	%
18-20	202	13,8
21-25	344	23,4
26-29	335	22,8
30-35	588	40,0
Всего	1469	100
2 группа женщин («Пенсионеры»), n=2732		
Возраст	Количество	%
55-59 лет	567	20,8
60-69 лет	1072	39,2
70-79 лет	731	26,8
80 и более лет	362	13,2
Всего	2732	100
ИТОГО:	4201	

Гендерный и возрастной состав респондентов был выбран не случайно. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, [23] число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы растет по мере увеличения возраста. И, если в группе детского и подросткового возрастов (от 0 до 14 лет) на 1000 мужчин приходится примерно 950 женщин, то, чем старше возрастной интервал, тем количество женщин на 1000

мужчин становится больше, и достигает максимума именно в старшей возрастной группе, в 1,5 – 2,5 раза превосходя количество мужчин аналогичной возрастной группы (таблица 3).

Таблица 3. Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы, 2016 год, тыс.чел.

Возрастные группы	Количество, тыс.чел.
0-4	946
5-9	951
10-14	954
15-19	955
20-24	960
25-29	974
30-34	1002
35-39	1038
40-44	1070
45-49	1095
50-54	1166
55-59	1264
60-64	1430
65-69	1594
70 и более	2441
Все население	1158

Соответственно и доля пожилых женщин многократно превосходит долю мужчин аналогичной группы в общей половозрастной структуре пожилого населения России в целом.

Средний возраст пожилых респонденток – 68,3 лет, молодых – 27,3 лет. Мода 58 лет, и 33 года соответственно. Очень необходимое сейчас высшее образование имеет каждая 3-я опрошенная молодая женщина, и только каждая 5-я пожилая.

Такой показатель здоровья, как «инвалидность», выявлен у 22,4% пожилых женщин, принявших участие в опросе и у 1,5% молодых участниц исследования.

Почти две трети опрошенных пожилых женщин (63,1%) и одна пятая (19,5%) молодых женщин на момент опроса в браке не состояли. Наличие детей подтвердили более 90% респонденток старшего возраста и только 55% женщин молодого возраста, принявших участие в опросе.

Результаты и обсуждение

Поведенческие аспекты женщин молодого и пожилого возрастов анализировались, опираясь на понятие «адаптационная стратегия», обозначенное в начале статьи, одним из элементов которого выступают имеющиеся ресурсы (семейные, образовательные, трудовые) специфические обстоятельства (состояние здоровья, образ жизни, использование новых технологий) и приспособления к ним.

Семейное положение и наличие детей. Семья – важная составляющая жизни человека, и, как правило, выступает ресурсом поддержки, помощи, социального одобрения. Именно семья оказывает наибольшее влияние на жизнь индивида, формируя отношения, правила и образ жизни. Поэтому анализируя семейный статус женщин разных возрастов, принявших участие в опросе, можно сделать некоторые выводы относительно ресурсов адаптации. Среди опрошенных молодых женщин в возрасте от 18 до 35 лет: 45,1% состоят в зарегистрированном браке, никогда не состоявших в браке – 34,9%, живущих вместе, но не зарегистрированных – 13,8%, разведенных и в браке не состоящих – 5,1%, вдовствующих –

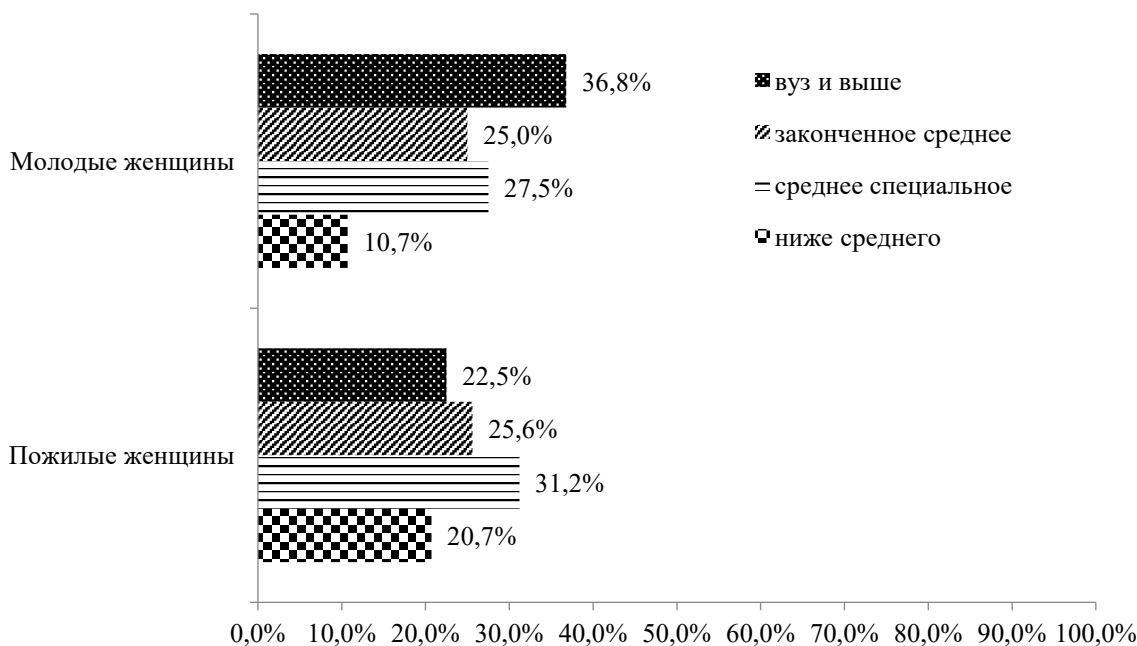
0,6%, официально зарегистрированных, но в браке не проживающих 0,3%. Есть дети у 55% молодых женщин. Из них: 56,3% имеют одного ребенка.

Семейный статус пожилых женщин кардинально отличается. Не имеющих супруга – 58,9% (по причине вдовства – 44,2%, вследствие развода – 11,6%, никогда не состоявших в браке – 3,1%), 36,4% – состоят в зарегистрированном браке, живут вместе, но не зарегистрированы – 4,4%, официально зарегистрированы, но вместе не проживают – 0,3%. Есть дети у большинства опрошенных пожилых женщин (91,9%).

Анализ состава семьи позволяет сделать первичный вывод о разнице в семейном ресурсе 2-х возрастных групп. У пожилых – это дети, у молодых – супруг. Конечно, далеко не все дети являются опорой своим престарелым матерям, и не каждый супруг останется рядом в трудную минуту, но сам факт наличия близких родственников, как ресурса адаптации, «обеспечивает адаптивную функцию: придает уверенность человеку, поддерживает его самоидентичность, подкрепляет самоуважение» [13].

Занятость и образование. Одним из важнейших условий социальной адаптации выступает наличие работы и достаточный уровень образования. Именно востребованность на рынке труда позволяет человеку чувствовать свою значимость, а значит и большую уверенность в своих силах, что наилучшим образом сказывается на адаптационных возможностях и формировании адаптационной стратегии.

Уровень образования опрошенных пожилых женщин невысокий. Молодые женщины в целом имеют более высокие показатели образования (рисунок 1).

Рисунок 1. Уровень образования женщин, принявших участие в опросе.

Только 22,5% пожилых и уже 36,8% молодых женщин имеют высшее образование, так необходимое для работы. Уровень образования ниже среднего» (несколько классов школы) подтвердили 20,7% пожилых женщин и 10,7% респонденток молодого возраста.

Более половины опрошенных молодых женщин (54,1%) отметили, что работают в настоящее время, еще 9,7% имеют статус молодой мамы (находятся в декрете или в отпуске по уходу за ребенком), 35,9% – признались, что у них сейчас нет работы, в оплачиваемом/неоплачиваемом отпусках находятся 0,2% и 0,1% соответственно.

Из числа пожилых женщин работает только каждая пятая (20,1%). Отраслевая принадлежность труда работающих женщин довольно разнообразна. Почти 1/3 молодых работающих респонденток (32,7%) заняты в сфере торговли и бытового обслуживания,

13,6% – в сфере образования, 8,6% – в здравоохранении. Доли молодых женщин, работающих в других отраслях ниже 7%. Трудовая сфера пожилых женщин выглядит несколько иначе: сферы трудоузанности те же, а вот доли занятых отличаются: образование – 18,7%, здравоохранение 18,3, торговля, бытовое обслуживание – 15,0%. Другие отрасли – менее 6%.

У 21% работающих пожилых женщин есть подчиненные, а это значит, что чуть более 1/5 опрошенных работающих женщин пожилого возраста занимают руководящие должности. Доля руководительниц, среди молодых респонденток не превышает 14,3%.

Состояние здоровья и образ жизни. Несмотря на то, что проблемы со здоровьем за последние 30 дней, предшествующие опросу испытывали 26,3% молодых, и 66,3% пожилых женщин, участвовавших в опросе, самооценка здоровья женщин и в пожилой, и в молодой возрастных группах оценивается в положительном ключе. Почти 70% опрошенных пожилых женщин не жалуются на свое здоровье (61,8%, оценивают его как среднее (не хорошее, и не плохое), а 7,4% – как хорошее). Молодые женщины ещё более оптимистичны: 61,5% из них охарактеризовали свое здоровье как «хорошее», и 35,9% как среднее.

Рассмотрим наличие у женщин обеих групп наиболее типичных нездоровых привычек: употребление спиртных напитков, курение, переедание, и малоподвижный образ жизни.

Алкогольные напитки, включая пиво, хотя бы иногда употребляют 46,3% опрошенных пожилых женщин, и 59,4% молодых.

Доля «курильщиц» среди опрошенных женщин пожилого возраста значительно ниже, чем среди респонденток молодой возрастной категории. Курили когда-нибудь и курят в настоящее время только 4,3% и 6,3% пожилых женщин, среди молодых женщин данные показатели составляют – 12,8% и 18,9% соответственно.

Людей пожилого возраста общество стереотипно относит к наиболее слабым, а значит более пассивным членам социума. «С возрастом у человека растёт степень изоляции в обществе. Уже в раннем пенсионном возрасте резко снижается уровень социальных контактов, социальной адаптированности, профессиональная невостребованность не находит должной замены другими видами общественной деятельности. Комплекс отмеченных проблем резко изменяет психологическое состояние лиц пожилого возраста, приводя к тяжёлым депрессиям, невротическим состояниям, психопатиям и даже к суициду» [24].

Согласно результатам исследования почти 80% пожилых женщин не работают, и, следовательно имеют значительный временной ресурс, который должен использоваться. И если раньше перспектива выхода на пенсию, заключалась в посвящении себя заботе о внуках, так как организации досуга и отдыха пенсионеров не уделялось достаточного внимания, то, начиная с 2010 года ситуация изменилась и на потребности старшего поколения обратили внимание на государственном уровне.

Например, Правительством Москвы разработано множество программ по активизации старшего поколения, и самая масштабная: «Активное долголетие», которая реализуется в столице с 2018 года в пилотном режиме, с планами дальнейшего распространения и на другие регионы России. Основная задача программы – организация бесплатной спортивно-досуговой деятельности для пенсионеров, вовлечения в активную жизнь района и города. Конечно, делать выводы об успешности данной программы и сравнивать результаты до/после преждевременно. Но, в настоящее время модно быть здоровым и активным не только в молодом, но и в пожилом возрасте [25]. Тем не менее, физические ресурсы человеческого организма с возрастом снижаются. И, сравнив показатели физической активности обеих возрастных групп, основной вывод: результаты вовлеченности в активный образ жизни не являются высокими. Чуть более 1/3 опрошенных молодых женщин занимаются физкультурой (37,6%), а пожилых женщин, занимающихся физкультурой – менее 1/4 (24,3%), от общего количества опрошенных женщин в обеих возрастных группах.

Малоподвижный образ жизни подтверждается и результатами ответа на вопрос о видах предпочитаемой физической активности. Прогулочная ходьба, является наиболее легкой формой физкультуры, и ею занимались 16,7% пожилых и 12,9% молодых женщин, принявших участие в опросе. И это максимальная доля вовлеченности среди всех видов физической активности.

Пользование компьютерной техникой, мобильными устройствами и Интернет. Результаты исследования показывают, что наличие и использование компьютера до сих пор являются привилегией определенных возрастных групп (таблица 4.)

Таблица 4. *Наличие / использование компьютерной техники / Интернета женщинами молодой и пожилой групп (доля в % от количества респондентов в каждой группе)*

Показатели	Возраст	
	Молодежь (18 – 35 лет) n=1469	Пенсионеры (55 – 98 лет) n=2732
Наличие компьютерной техники		
Мобильный телефон	57,6	83,0
Компьютер переносной: лэптоп, ноутбук, нетбук	31,9	11,1
Смартфон, коммуникатор, ай-фон	53,0	6,6
Планшет	14,0	2,7
Пользование ПК и Интернет		
Пользование компьютером	87,3	27,8
Пользование Интернет	91,8	27,3

Только 27,8% и 27,3% пожилых женщин, принявших участие в исследовании, отметили, что пользуются компьютером и Интернет. Доля женщин молодого возраста, приспособленных к нововведениям цифрового мира существенно выше: 87,3% – пользуются компьютером, 91,8% выходят в Интернет.

Новые технологии работы и стремительный темп жизни обязывают человека быть «всегда на связи». Рассмотрим 2 важных общих показателя: наличие и использование современных мобильных устройств в группах женщин молодого и пожилого возрастов: 57,6% молодых женщин, и 83% пожилых имеют обычный сотовый телефон, который прост в использовании: позволяет совершать звонки и отправлять смс-сообщения. Смартфоны, коммуникаторы и ай-фоны имеют гораздо больше функций, позволяющих не только общаться, но и решать рабочие вопросы с помощью телефона: отвечать на электронные письма, отправлять документы, вести дела.

Согласно результатам проведенного исследования каждая вторая опрошенная молодая женщина, и только каждая пятая пожилая работала на момент проведения опроса. А наличие смартфона, ай-фона, коммуникатора зафиксировано у 53% молодых женщин, и только у 6,6% пожилых женщин. Такие различия связаны с тем, что более сложные функционально смартфоны, и соответственно более дорогие в отличие от мобильных телефонов могут себе позволить молодые, работающие женщины. Кроме того, новомодные, и очень удобные для молодежи, функции, например выход в Интернет при помощи мобильного устройства используется только 6,2% пожилых женщин, и 72,8% молодых женщин. Следовательно необходимость в покупке более современного и технически совершенного мобильного устройства не является целесообразным для пожилого поколения россиян. Кроме того, старшее поколение более консервативно в освоении новых технологий для работы, и для жизни, и предпочитает опираться на «старый» опыт, не вникая, и не доверяя новинкам информационного мира.

Доля обладательниц переносного компьютера (лэптопа, ноутбука, нетбука) закономерно больше среди опрошенных молодых женщин (31,9% против и 11,1%). Ещё большая разница наблюдается по наличию планшета (14,0% и 2,7% соответственно). В первую очередь это

связано с гораздо большей стоимостью планшетного компьютера по сравнению с переносным и/или стационарным.

Конечно, ожидать, что женщины пенсионного возраста более продвинуты в использовании компьютерной техники, чем молодые представительницы, не приходится. Но, если экстраполировать полученные данные на всё женское население России, достигшее пенсионного возраста, то, в нашей стране как минимум каждая четвертая женщина старшей возрастной группы умеет пользоваться компьютером и Интернет. А подавляющее большинство имеет мобильный телефон, как средство связи с внешним миром.

Выводы

Рассмотрев фактические условия жизни женщин молодой и пожилой возрастных групп можно сделать следующие выводы относительно имеющих ресурсов адаптации и собственно самой стратегии адаптации.

Разница в брачном статусе молодых и пожилых женщин, описанная в соответствующем разделе статьи о семейном положении исследуемых групп женщин показывает не только долю имеющих/не имеющих супруга, но и частично раскрывает причину отсутствия партнера. Причем для молодых женщин – это обстоятельство используется как ресурс для самореализации, а для пожилых обостряет проблему одиночества и социальной изолированности. Для молодых женщин, отсутствие супруга, как правило связано с избирательностью и поиском лучшего варианта или же с более важной социальной ролью – построением карьеры и обретением определенного социального статуса и материального благосостояния, стремления к независимости. В отношении пожилых женщин, ситуация обратная, и имеет негативный эффект с признаками фатальности. Более 2/3 пожилых женщин не имеют супруга по причине вдовства. Такая потеря переживается в позднем возрасте особенно остро. Возможности женщин преодолеть это, очень зависят от ресурсности личности и механизмов включенности и сопричастности, например в систему занятости.

Но, данные о трудоузанности молодых и пожилых женщин показывают, что только каждая 5-я женщина предпенсионного возраста осуществляет трудовую деятельность, а среди молодых – каждая 2-я. Следовательно о наличии сопричастности, как одном из механизмов адаптации выстроенной на брачном и трудовом ресурсах мы можем говорить применительно к молодым женщинам. Это связано не только с возрастом, но и уровнем образования. Так необходимое сейчас для осуществления трудовой деятельности высшее образование имеют только 22,5% пожилых и уже 36,8% – молодых женщин. Но, с другой стороны, доля работающих женщин занимающих руководящие должности выше именно среди пожилых работниц, что подтверждает ценность имеющегося опыта и образования у сотрудниц старшего возраста. Это лишний раз доказывает тезис о том, что стратегии адаптации зависят от ресурсов и желаний конкретной личности, которые женщина может использовать как во благо, заполнив образовавшуюся пустоту, связанную со смертью партнера, например активной деятельностью: получением нового образования, повышением квалификации, смену профессии, расширения круга общения и т.д., так и во вред, сократив социальные связи и контакты, сознательно обрекая себя на одиночество и депрессивное состояние.

Кроме того, преодолению последствий трагической утраты способствует определенный настрой и состояние здоровья. Конечно, по результатам исследования доля молодых женщин оптимистично оценивающих свое здоровье как «хорошее» в несколько раз выше аналогичных показателей в группе пожилых участниц опроса, но почти 70% опрошенных пожилых женщин оценили состояние своего здоровья как среднее, то есть не хорошее, и не плохое), демонстрируя отсутствие паники и адекватность восприятия имеющегося ресурса.

На понимание ценности такого ресурса как здоровье, указывает и распределение ответов относительно здоровьесберегающих привычек, которые более характерны именно для женщин пожилого возраста, так как доли курящих и употребляющих спиртные напитки значительно выше именно в группе молодых женщин (разрыв более чем на 10 п.п. соответственно).

А вот малоподвижный образ жизни, ослабляющий ресурсы здоровья в любом возрасте, характерен для большей части опрошенных женщин обеих возрастных групп. Каждая вторая молодая женщина, принявшая участие в опросе осуществляет трудовую деятельность, и, следовательно, ведет малоподвижный образ жизни из-за сидячей работы и отсутствия временного ресурса на ежедневный активный отдых. В пожилом возрасте 4 из 5 женщин не осуществляют трудовую деятельность, но, по мере увеличения возраста возможности здоровья снижаются, и двигательная активность падает. Зато за счет более выраженного временного ресурса, имеющегося у пожилых представительниц прекрасного пола, проблема активизации старшего поколения в настоящее время решается на государственном уровне, предоставляя всем желающим неработающим пенсионерам различные услуги по организации досуга и отдыха.

Тем не менее, ресурсы, которые доступны и понятны для молодых россиянок (например, пользование ПК и Интернет), недостижимы для пожилых жительниц страны. Это подтверждает низкая доля адаптированных (пользователей компьютера и Интернет среди пожилых) к нововведениям цифрового мира. Более современные аппараты сотовой связи (смартфон, коммуникатор, ай-фон) во-первых, имеют много разных функций, не используемых старшим поколением (например, выход в глобальную сеть), а, во вторых, современные гаджеты требуют определенных навыков работы с ними, к освоению которых пожилые женщины не стремятся, даже при наличии бесплатных курсов именно для обучения категории 50+.

На необходимость адаптации и повышения вовлеченности старшего поколения в активную жизнь, обратили внимание на федеральном уровне уже в 2010 году. Но, стереотипность восприятия пожилых как слабой и малоресурсной социальной группы сохраняется до сих пор во многом «благодаря» и самим пенсионерам. Не малый вклад в обесценивание второй половины жизни женщины вносят и дети, в восприятии которых пожилая мать – это основной ресурс заботы и ухода: домработница или няня для внуков.

Очевидно, что стратегии адаптации женщин разных возрастов отличаются так как набор имеющихся ресурсов адаптации в молодом возрасте существенно шире, чем в пожилом. С возрастом происходят изменения в жизненном укладе женщин, под воздействием которых меняется их внутренний мир и восприятие жизни. Кроме того стремительно меняется и внешняя среда: ускоряется темп жизни, усложняются её правила, особенно с появлением новых технологий, которые снижают конкурентоспособность женщин пенсионного возраста на рынке труда. Отсюда и низкие адаптивные способности, и преобладание пассивных стратегий адаптации у пожилых женщин по сравнению с молодыми.

Библиографический список

- [1] Заширинская О.В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 4. – С. 89–98.
- [2] Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. – 2011. – №6. – С. 24–35.
- [3] Попова И.П., Седова Н.Н. Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 31–43.
Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №7. – С. 86–89.

- [4] Авраамова Е.М, Логинов Д.М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения. – 2002. – Т. 3, № 59. – С. 13–17.
- [5] Григорьева А.И. Пожилые женщины: «Вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. – 2018. – Т. 1, № 86. – С. 5–18.
- [6] Козлова Т.З. Эмоционально–психологическое состояние россиян: гендерный аспект // Человеческий капитал. – 2018. – Т. 9, № 117. – С. 48–52.
- [7] Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 168 с.
- [8] Козлова Т.З., Краснова О.В. Старшее поколение: гендерный и социально–психологические аспекты. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 253 с.
- [9] Козырева П.М., Смирнов А.И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. – 2017. – №1. – С. 64–73.
- [10] Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 32–55.
- [11] Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. – 2018. – Т.27. – №2. – С. 109–135.
- [12] Романова И.В. Роль личностных факторов и ресурсов одиноких женщин в формировании адаптационных стратегий и их эффективности // Вестник ЧитГУ. – 2011. – Т. 2, № 69. – С. 117–128.
- [13] Данные Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 01.07.2018).
- [14] Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно–исследовательского социологического центра РАН. Мониторинг проводится по многоступенчатой территориальной выборке, репрезентирующей население России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/rlms/spss> (дата обращения: 05.04.2019).
- [15] Горшков М.К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / Отв. ред. М. К. Горшков. – Москва: Новый Хронограф, 2018. – С. 6 – 33.
- [16] Данные Федеральной службы государственной статистики. Численность и состав населения. Численность мужчин и женщин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.07.2018).
- [17] Руденкин Д.В. Опыт определения возрастных границ молодежи в ходе проведения эмпирического социологического исследования // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: гуманитарные науки». 2015. № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apriori-journal.ru/serial/6-2015/Rudenkin.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).
- [18] Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. – 2003. – №4. – С. 42–51.
- [19] Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 90–98.
- [20] Чупров В.И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. 2005. – №6–7. – С. 7–17.

- [21] Багиров Б.Б., Генин Л.В., Попов В.Г., Руденкин В.Н. Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций / Под ред. Л.Н. Когана. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 122 с.
- [22] Данные Федеральной службы государственной статистики. Демография. Численность и состав населения. Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.09.2018).
- [23] Фурман Ю.В., Рыжикова И.А., Самохвалов С.А. Социальная среда – фактор адаптации лиц пожилого возраста // «Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития»: мат. III–международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Фурмана, Т.Б. Белозеровой, Е.П. Непочатых, 2016. – Москва: Изд-во «Перо», – С. 229–233.
- [24] Низамова А.Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал Исследований социальной политики. – 2016. – С. 569–582.

References

- [1] Zashchirinskaya, O.V. (2013). Conceptual ideas about the structure of communication. Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, 4, 89–98.
- [2] Kozyreva, P.M. (2011). Social adaptation of the Russian population in the post-Soviet period. *Sociological Researches*, 6, 24–35.
- [3] Popova, I.P., & Sedova, N.N. (2004). Additional employment in successful population adaptation strategies. *Sociological Studies*, 2, 31–43.
- [4] Avraamova, E.M., Loginov, D.M. (2002). Adaptation resources of the population: an attempt to quantify. *Monitoring of Public Opinion*, 3 (59), 13–17.
- [5] Grigorieva, A.I. (2018). Elderly women: “Down the stairs” age and gender. *Woman in Russian Society*, 1 (86), 5–18.
- [6] Kozlova, T.Z. (2018). Emotional and psychological state of Russians: gender aspect. *Human Capital*, 9 (117), 48–52.
- [7] Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (2002). The woman of new Russia: What is it? How to live? To aspire to? Moscow: “Russian political encyclopedia” (ROSSPEN).
- [8] Kozlova, T.Z., & Krasnova, O.V. (2015). *Older generation: gender and socio-psychological aspects*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- [9] Kozyreva, P.M., & Smirnov, A.I. (2017). Russian pensioners in the conditions of crisis. *Sociological Researches*, 1, 64–73.
- [10] Voronin, G.L., Zakharov, V.Ya., Kozyreva, P.M. (2018). Lonely elderly: do they live or actively live? *Sociological Journal*, 3, 32–55.
- [11] Grigorieva, I.A., & Sizova, I.L. (2018). Trajectories of women aging in modern Russia. *World of Russia*, 27(2), 109–135.
- [12] Romanova, I.V. (2011). The Role of personal factors and resources of single women in the formation of adaptation strategies and their effectiveness. *Bulletin of Citgo*, 2 (69), 117–128.
- [13] Data of the Federal state statistics service. Retrieved from <http://www.gks.ru>.
- [14] Data from the HSE Russian monitoring of the economic situation and public health (RLMS–HSE) conducted by the National research University “Higher school of Economics” and Demoscope LLC with the participation of the population Center of the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of sociology of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences. Monitoring is carried out on a multi-stage territorial sample representing the population of Russia. Retrieved from <https://www.hse.ru/rlms/spss>

- [15] Gorshkov, M.K. (2018). Realities of post–reform Russia: a quarter of a century of social transformations in the sociological dimension. In M.K. Gorshkov (Ed.), *Russia Reforming*. Moscow: Novyy Khronograf.
- [16] Data of the Federal state statistics service. Population size and composition. Number of men and women. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- [17] Rudenkin, D.V. (2015). The Experience of determining the age limits of young people in the course of empirical sociological research. *Electronic Scientific Journal “Apriori. Series: Humanitarian Sciences”*, 6. Retrieved from <http://www.apriori-journal.ru/serial/6-2015/Rudenkin.pdf>.
- [18] Zubok, Yu.A. (2003). Problems of social development of youth at risk. *Sociological Research*, 4, 42–51.
- [19] Ruchkin, B.A. (1998). Youth and formation of new Russia. *Sociological Researches*, 5, 90–98.
- [20] Chuprov, V.I. (2005). Youth: spiritual reproduction at risk. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples*, 6–7, 7–17.
- [21] Bagirov, B.B., Genin, L.V., Popov, V.G., & Rudenkin, V.N. (1992). *Youth in the conditions of Russian reforms: evolution of economic, political and spiritual orientations*. Ekaterinburg: UrGU.
- [22] Data of the Federal state statistics service. Demography. Population size and composition. Number of women per 1,000 men in the relevant age group. Retrieved from http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
- [23] Furman, Yu.V., Ryzhikova, I.A., Samokhvalov, S.A. (2016). Social environment – factor of adaptation of elderly persons. In Yu. V. Furman, T. B. Belozerova, E. p. Nepochatykh (Eds.), *Actual problems of society, science and education: current state and prospects of development: Materials III–International Scientific Practical Conference 2016*. (pp. 229–233). Moscow: Publishing house: “Pen”.
- [24] Nizamova, A.N. (2016). Active longevity and appearance: how does the theoretical concept regulate self–perception in older age? *Journal of social policy Studies*, 569–582.

Получена / Submitted: 05/03/2019

Доработана / Revised: 22/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2019

УДК 316.4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Лидия Николаевна Белоножко¹, Юрий Михайлович Конев²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

²*Тюменская областная Дума, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлена авторская социологическая концепция, объясняющая роль коллективных действий в трансформации социальных практик. Предлагаемая концепция решает научную проблему, которая заключается в гносеологическом противоречии между имеющимися теоретическими подходами, которые фрагментировано отражают коллективные действия, не учитывают их потенциал и соответствующие социальные проблемы, которые возникают вследствие изменения социальных практик. Проблематика коллективного действия находится в русле поисков выхода из кризиса социологии и современного общества, новейших подходов к социологическому теоретизированию относительно роли коллективного действия в объяснении новейших общественных движений, трансформации образовательных, трудовых, медийных, политических и других социальных практик. Истоки и характеристики коллективного действия требуют переосмысления с учетом современных социальных реалий. Научная новизна полученных результатов заключается в том, что впервые в социологии разработана целостная концепция коллективного действия; приведены результаты эмпирической апробации концепции на примере отдельных социальных практик современного общества.

Ключевые слова: модернизация, общество, социализация, регион, управление.

Sociological Problems in the Issues on Implementation of Managerial Apacity in the Enterprises of the Arctic Region

Lidia N. Belonozhko¹, Yury M. Konev²

¹*Department of Marketing and Public Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

²*Tyumen Region Duma, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The article presents the author's sociological concept explaining the role of collective action in the transformation of social practices. The proposed concept solves the scientific problem, which is in the epistemological contradiction between the existing theoretical approaches, which fragmentarily reflect collective actions, do not take into account their potential and the corresponding social problems that arise as a result of changes in social practices. Problematics of collective actions is searching for sociological and modern community crisis recovery, new approaches to sociological theorisation on the role of collective action in explanation of the latest social movements, the transformation of educational, labour, media, political and other social practices. Origins and characteristics of collective action need re-thinking with regard to modern social realities. Scientific novelty of obtained results is that for the first time in sociology a holistic concept of collective action has been developed; the results of empirical approbation of the concept are given using the example of individual social practices of modern society.

Keywords: modernisation, society, socialisation, region, management.

Введение

Арктические регионы страны во многом унаследовали прошлое советской эпохи. В современной среде, которая основывается на экономической устойчивости и прибыльности

отдельных предприятий, особое значение приобретает возможность обеспечения устойчивого управления на основе рефлексии нужд и потребностей людей, которые определяют возможность существования. Иными словами – требованиями социального капитала и методов его формирования. По этой причине задача сводится к расширению рефлексии между управлением и коллективным социологическим воззрением потребностей и их удовлетворением на предприятии арктического региона [1].

Общей особенностью методов формализации "потенциала" является их стоимостно-ресурсная основа. Числовая оценка позволила определить, что спектр понятия "потенциал региона" необходимо сузить. За исключением отдельных работ "потенциал" не рассматривается и не оценивается как динамическая системная характеристика. Даже попытки статической оценки отдельных составляющих "потенциала региона" путем анализа региональной социально-экономической статистической информации свидетельствуют о их высокой прикладной значимости, связанной с ростом четкости постановки целей государственного и регионального управления.

Понятие "потенциал" в мировой науке оценивается как относительная характеристика. Авторами отмечен практический смысл "потенциала" в разных отраслях науки. Он обусловлен тем, что он занимает "промежуточное" положение при установке тех или иных закономерностей поведения и свойств реальных объектов.

В свою очередь, утверждение потенциала, в том числе и в регионах Арктики, как управленческой категории определяет ряд принципиальных требований к методам его оценки:

- объективности;
- универсальности алгоритма расчета;
- детерминированности связи величины потенциала с показателем, который поддается его влиянию;
- точности расчета.

Комплексное действие потенциала роста может определяться как результатом использования имеющейся ресурсной базы, региональными тенденциями и взаимосвязями, так и факторами внешней среды, управленческими воздействиями государственной и местной власти [2–4]. Таким образом, решение поставленной задачи сводится к тому, чтоб в регионе сформировать целостное взаимодействие между субъектами хозяйствования, которые и будут раскрывать управленческий потенциал региона [5].

Осознанное конструирование кадровой политики характерно для предприятий, которые выходят из кризисной ситуации, именно в них происходит смена ориентиров кадрового менеджмента. Актуальной остается проблема дешевой рабочей силы [6]. Требования качества трудовой жизни ставят перед системой управления персоналом новые задачи, интересы, потребности самих работников, их удовлетворенность системой оплаты труда, справедливости вознаграждения за нее и тому подобное [7].

В трудовых практиках защита наемных работников происходит через технологии социального контроля, которые являются отражением коллективно-договорных отношений между работниками и работодателями при посредничестве профсоюзов и соответствующих государственных институтов [8]. Социальный контроль выступает целенаправленным, сознательным владычеством над целями и действиями человека, что осуществляется от имени группы [9]. В работе рассмотрен локальный социальный контроль. Его изучение проводилось на примере коллективно-договорной практики на современном предприятии арктического региона [10].

Наиболее распространены коллективно-договорные практики непосредственно в трудовых организациях, которые предусматривают заключение и реализацию коллективного договора. Коллективный договор выполняет ряд социальных функций: защитную,

оптимизационную, регулирующую. Невыполнение этих функций может привести к коллективному сопротивлению [11].

На коллективно-договорные трудовые практики влияет институциональный дизайн трудовых отношений [12]. Локальный социальный контроль, как коллективное действие, рассматривается авторами в качестве механизма самоорганизации и самосохранения коллективного субъекта. Локальный социальный контроль, в трудовых организациях, реализуется как коллективное действие, направленное на упорядочение трудовых отношений, соблюдение социально-трудовых стандартов [13]. Социально-трудовые стандарты являются разновидностью социальных стандартов, связанных со сферой труда и трудовых отношений. Локальный социальный контроль, реализуемый через коллективно-договорную практику, служит социальной защитой персонала организаций. Особую остроту приобрела проблема нарушения трудовых прав наемных работников. В этой связи еще более актуальным становится поиск эффективных механизмов представительства интересов и защиты их прав [14].

Материалы и методы

Поскольку в устоявшемся социальном развитии современного предприятия арктического региона значительная роль отводится коллективному договору, то важной является оценка персоналом коллективно-договорной практики. В ходе исследования (анкетный опрос 438 работников СПО «Арктика», которое проведено в марте 2019 г. с участием авторов) изучались следующие вопросы:

- уровень осведомленности персонала о коллективном договоре между администрацией предприятия и профсоюзной организацией;
- оценка персоналом возможности реализации коллективного договора на предприятии;
- факторы, которые мешают реализации положений коллективного договора на предприятии.

Измерения этих индикаторов позволило дать оценку эффективности локального социального контроля. Важной особенностью развития предприятия являются социальные гарантии и социальные пакеты для персонала, которые предприятие предлагает своим работникам. Определение степени информированности о социальных гарантиях, социальных пакетах, которые реализуются, а также о текущих производственных делах являются показателями диагностики социальных проблем, которые существенно влияют на адекватное восприятие сотрудниками текущей ситуации, мотивацию труда и на дальнейшее социальное развитие предприятия.

Результаты и обсуждение

Большинство персонала (73 %) в той или иной мере проинформированы о социальных гарантиях: 23 % – «в полной мере»; 26 % респондентов «в целом не информированы». Есть единичные случаи, когда работников этот вопрос совсем не интересует. Почти 79 % опрошенных считают себя осведомленными о точных делах предприятия. Но все же каждый пятый респондент остается в целом не информированным о текущих производственных делах. Незначительная доля работников не интересуется текущими производственными делами предприятия. В работе установлена корреляционная связь между уровнем информированности о производственных делах предприятия и характером работы, которую выполняет работник, полом и возрастом респондентов. Более информированы по этому вопросу руководители подразделений (86 %), чем рядовые сотрудники (77 %), и женщины (91 %) по сравнению с мужчинами (76 %). Также подавляющее большинство персонала осведомлены о социальном пакете, который администрация предлагает для персонала.

Чем успешнее была работа подразделения предприятия за последний год, тем лучше его работники информированы о коллективно-договорной практике. Лишь 37 % опрошенных оптимистически оценили возможность реализации коллективного договора в срок, 35 % имеют относительно этого сомнения, 8 % настроены в той или иной степени оптимистично, и каждый пятый не определился с ответом.

В ходе опроса респондентам предлагалось выразить свое мнение относительно помех для реализации положений коллективного договора на предприятии (рисунок 1).

Рисунок 1. Оценка препятствий, которые могут повлиять на реализацию коллективного договора в срок (в %, n = 438)

Авторами выявлена специфика локального социального контроля как коллективного действия, обусловленная социально-экономическим контекстом, в котором он развивается. Этот контекст включает в себя ресурсную базу, которая позволяет реализовывать социальные программы, обусловленные коллективным договором, а также субъективный фактор – уровень развития коллективного сознания, заинтересованности персонала конкретного предприятия участвовать в коллективном действии, направленном на достижение коллективных благ.

В работе рассмотрено роль индивидуальных и коллективных фоновых эмоций, и факторов тревожности в коллективном сообществе, опираясь на данные исследования, проведенного при участии авторов «Разработка методики измерения социальных резервов управления персоналом и мероприятий по совершенствованию социального развития предприятия в Арктике» (в январе 2019 г. проведен анкетный опрос 316 сотрудников предприятия ОАО «Апатит»).

Термин «коллективные эмоции» означает эмоции внутри группы. Коллективные эмоции в данном случае не выступают механической суммой индивидуальных, но именно они создают относительно устойчивый эмоциональный фон коллективных взаимодействий между персоналом как по вертикали, так и по горизонтали организационной иерархии. Наиболее чувствительный персонал предприятия относится к тем факторам, которые определяют личную тревожность: материальное состояние семей (93 %), состояние здоровья собственное и членов семьи (89 %), жилищные условия семьи (74 %).

Состояние коллективного сообщества, к которому относится работник, тоже вызывает тревожность. Это касается в первую очередь таких моментов, которые беспокоят персонал предприятия, на котором было проведено исследование: задержка в карьере (55 %), репутация и имидж предприятия (67 %), отсутствие гарантий стабильной занятости (48 %),

нарушения законных индивидуальных и коллективных прав работников и невнимание к их бытовым нуждам (46-47 %).

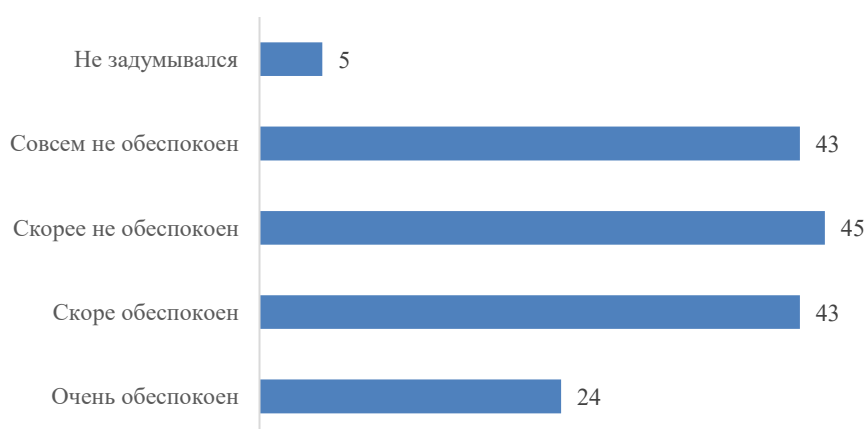
В кризисных условиях на коллективные протесты наемных работников побуждают неудовлетворенные материальные интересы. Поэтому в системе мотивации к труду доминируют материальные и финансовые мотиваторы. Косвенно об актуализированности заработка и нехватки финансовых средств говорят ответы на вопрос: «Если бы Вам пришлось сейчас устраиваться на работу, то что для вас было бы самым важным?»: для подавляющего большинства респондентов решающим фактором выступал бы размер заработной платы. Трудовые процессы происходят как коллективные действия, направленные на решение разнообразных задач и разворачиваются на определенном эмоциональном фоне, а эмоциональная аффектация влияет на коллективные действия. Эмоциональные состояния в виде эмоций, чувств, доминирующих настроений вносят определенную окраску в коллективное поведение и определяют общий тонус жизни как отдельного работника, так и коллективного сообщества в целом. На предприятии основными факторами тревожности персонала является материальное положение семьи, состояние здоровья работника и его родных и жилищные условия (таблица 1).

Таблица 1. Факторы тревожности персонала предприятия (в индексах, n = 316)

Факторы тревожности	Значения индекса
Материальное состояние семьи	1,259
Здоровье свое и родных	1,307
Жилищные условия	1,782
Задержки в карьерном продвижении	2,028
Репутация, имидж предприятия	2,054
Отсутствие гарантий стабильной занятости	2,199
Нарушение прав работников	2,209
Невнимание администрации к бытовым потребностям персонала	2,251
Жесткий контроль за работой персонала со стороны руководителей	2,734

*Индексы тревожности находятся в диапазоне от 1 до 4, где 1 – очень беспокоит, 2 – скорее беспокоит, 3 – скорее не беспокоит, 4 – совсем не беспокоит, 0 – трудно сказать.

Социальные настроения, как эмоциональный фон коллективных действий, в значительной степени обусловлены ситуационными моментами, что делает их трудно прогнозируемыми и при этом важным фактором, влияющим на ход коллективных действий на предприятии в арктическом регионе. Данные опроса свидетельствуют, что для двух третей персонала характерно данное чувство (рисунок 2).

Рисунок 2. Распределение персонала по ощущению чувства обеспокоенности относительно имиджа и репутации предприятия (в%, n = 316)

Для характеристики эмоционального фона индивидуальной и коллективной работы персонала были использованы настроения, эмоции и чувства, которые являются личностными образованиями, однако могут свидетельствовать о том, насколько комфортной является организационная среда предприятия для реализации и воспроизводства социального потенциала его персонала. Отметим, что в области эмоционального фона могут скрываться существенные социальные резервы управления персоналом.

Выводы

Исследования коллективного действия в трудовых практиках призваны определить социальные резервы трудовых организаций, которые связаны также с социально-психологическими факторами. Обращает на себя внимание такая характеристика, как уровень и факторы тревожности персонала. Исследование было проведено на основе предприятия, которое размещено на территории Арктики. Однако при этом можно обратить внимание на то, что состояние социального контроля за работой персонала, перспективы карьерного продвижения, гарантии занятости, соблюдение трудовых прав персонала, бытовые условия в подразделениях являются факторами тревожности, причины которых кроются именно на уровне коллективных сообществ предприятия, или же в них отражаются социальные проблемы общества. Система управления персоналом может на них реагировать, влияя через принятие соответствующих управленческих решений, которые создают положительный эмоциональный фон коллективного действия.

Корпоративные взаимодействия в трудовых практиках были рассмотрены в качестве разновидности коллективных действий, имеющих многочисленные проявления – от корпоративного эгоизма, корпоративного альтруизма. Авторами отмечено, что в противовес ему существует также корпоративный альтруизм, например, в виде корпоративной социальной ответственности, которая способна демонстрировать креативность (это предмет специального социологического исследования). Поскольку креативное коллективное действие востребовано и проявляется в трансформации различных социальных практик.

Библиографический список

- [1] Мидлер Е.А., Муратова В.Г. Социальный капитал в контексте трансформационных изменений: подходы к измерению // В сборнике: Трансформация системы мирохозяйственного взаимодействия в контексте современных глобальных вызовов Материалы Международной научно–практической конференции профессорско–преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. – Ростов–на–Дону: РИНХ, 2016. С. 194–197.
- [2] Аликаева М.В., Асланова Л.О., Баженова Т. Ю., Борисов С.А., Дудник Д.В., Дьяков С.А., Захарова С.Г., Зенкина М.В., Кузьмина Е. Е., Ксанаева М.Б., Лапушинская Г.К., Лысенко Е.А., Миронов Л.В., Опрышко Е.Л., Орлова Л.Д., Остапчук Е.Г., Сказочкин А.В., Сказочкин Г.А., Текучева С. Н., Фирцева С.В., Шафиева Ю.Н., Шевелева В.В., Шер М.Л., Щербакова Е.Н. Стратегическое развитие малого бизнеса и формы поддержки индивидуального предпринимательства. – Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. – 302 с.
- [3] Лысенко Е.А., Мечикова М.Н. Влияние результатов промышленного производства на эффективность развития малого бизнеса в сельскохозяйственной деятельности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – Т. 3, № 19. – С. 53–58.
- [4] Лысенко Е.А., Майорова Л.Н. Кластерный анализ предприятий сферы сельскохозяйственного туризма // Российское предпринимательство. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 679–696.

- [5] Соколов Ф.А., Соколова А.Ю., Сорокин Ю.И. О требованиях безопасности при проектировании производственного оборудования и технологических процессов // Сборник научных трудов: «Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и экологии»: материалы III Международной научно–практической конференции с научной школой для молодежи / Министерство образования и науки Российской Федерации ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» – Тверь: ТвГТУ; Издатель А.Н.Кондратьев, 2017. – 489 с. С. 73–76
- [6] Дорофеев Д.Н. Управление социальным капиталом организации с целью увеличения эффективности предприятия // В сборнике: Молодежь в науке: Новые аргументы Сборник научных работ VII Международного молодежного конкурса / Отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк: Аргумент, 2017. – С. 123–127.
- [7] Бурко В.А. О некоторых подходах к операционализации показателя "социальный капитал" (методические указания по разработке шкалы социальный капитал) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2018. – Т. 1. – С. 43–50.
- [8] Столбов В.П. К вопросу о социальном капитале в городской среде // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2016. – Т. 46 № 30. – С. 71–76.
- [9] Севрюкова Н.В. Капитал человеческий и социальный // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2016. – № 8–2. – С. 286–289.
- [10] Руденко К.А., Федотова Е.И. Социальный капитал и его разновидности // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2016. – Т. 2, № 21. – С. 60–65.
- [11] Ivanova M.V., Klyukina E.S. Contemporary preconditions for the future of the arctic labor resources // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2017. – Vol. 6., Iss. 142. – P. 172–190
- [12] Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – Т. 3, № 133. – С. 1–14.
- [13] Гусарова Л.В., Магдеева М.Р. Методика оценки качества управления социальным капиталом экономических агентов // В сборнике: Эффективные системы менеджмента: качество, инновации, образование Материалы VII международного научно–практического форума / Под редакцией И. И. Антоновой. – Москва: РГАСПИ. – 2018. – С. 117–223.
- [14] Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Selection of priority investment projects for the development of the Russian // Polar Science. – 2017. – Vol. 14. – P. 68–77.

References

- [1] Midler, E.A., & Muratova, V.G. (2016). Social capital in the context of transformational change: approaches to measurement. In *Transformation of the system of world economic cooperation in the context of modern global challenges Materials of the International Scientific and Practical Conference of the Faculty, Young Scientists, Postgraduates, Master Students and Students* (pp. 194–197). Rostov-on-Don: RINH.
- [2] Alikaeva, M.V., Aslanova, L.O., Bazhenova, T.Yu., Borisov, S.A., Dudnik, D.V., Dyakov, S.A., Zakharova, S.G., Zenkina, M.V., Kuzmina, E.E., Ksanaeva, M.B., Lapushinskaya, G.K., Lysenko, E.A., Mironov, L.V., Opryshko, E.L., Orlova, L.D., Ostapchuk, E.G., Skazochkin, A.V., Skazochkin, G.A., Tekucheva, S.N., Firtseva, S.V., Shafieva, Yu.N., Sheveleva, V.V., Sher, M.L., & Shcherbakova, E.N. (2018). *Strategic development of small business and forms of support for individual entrepreneurship*. Nizhny Novgorod: Professionalnaya Nauka.

- [3] Lysenko, E.A., & Mechikova, M.N. (2016). The impact of industrial production on the effectiveness of small business development in agriculture. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 3(19), 53–58.
- [4] Lysenko, E.A., & Mayorova, L.N. (2019). Cluster analysis of agricultural tourism enterprises. *Russian Business*, 20(3), 679–696.
- [5] Sokolov, F.A., Sokolova, A.Yu., & Sorokin, Yu.I. (2017). On safety requirements in the design of production equipment and technological processes. In *Collection of scientific papers: "Actual problems of life safety and ecology": materials of the III International Scientific and Practical Conference with a scientific school for young people*. (pp. 73–76). Tver: TvSTU; Publisher A.N. Kondratyev.
- [6] Dorofeev, D.N. (2017). Management of the social capital of the organization in order to increase the efficiency of the enterprise. In A.V. Gorbenko (Ed.). *Youth in science: New arguments Collection of scientific works of the VII International Youth Competition* (pp. 123–127). Lipetsk: Argument.
- [7] Burko, V.A. (2018). On some approaches to the operationalization of the indicator "social capital" (guidelines for the development of the social capital scale). *Modern Society: Questions of Theory, Methodology, Methods of Social Research*, 1, 43–50.
- [8] Stolbov, V.P. (2016). On the issue of social capital in an urban environment. *Proceedings of higher educational institutions. Series: Economics, Finance and Production Management*, 4 (30), 71–76.
- [9] Sevrukova, N.V. (2016). Capital is human and social. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*, 8–2, 286–289.
- [10] Rudenko, K.A., & Fedotova, E.I. (2016). Social capital and its varieties. *Bulletin of the Institute of Economics and Management of the Novgorod State University named after Yaroslav Mydruj*, 2 (21), 60–65.
- [11] Ivanova, M.V., & Klyukina, E.S. (2017). Contemporary preconditions for the future of the arctic labor resources. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6(142), 172–190
- [12] Karavay, A.V. (2016). Social capital of Russian workers and their attitudes towards its accumulation. *Monitoring Public Opinion: Economic And Social Changes*, 3 (133), 1–14.
- [13] Gusarova, L.V., & Magdeeva, M.R. (2018). Methods for assessing the quality of social capital management of economic agents. In I.I. Antonova (Ed.). *Effective management systems: quality, innovation, education Proceedings of the VII International Scientific Practical Forum* (pp. 117–223). Moscow: RGASPI
- [14] Novoselov, A., Potravny, I., Novoselova, I., & Gassiy, V. (2017). Selection of priority investment projects for the development of the Russian. *Polar Science*, 14, 68–77.

Получена / Submitted: 11/03/2019

Доработана / Revised: 19/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2019

УДК 316.42; 316.733

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ И КУЛЬТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Гузель Ильясовна Макарова¹

¹*Отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Включение регионов России во взаимную конкуренцию делает актуальным их брендинг и, соответственно, обобщение опыта зарубежных авторов в его изучении. Цель статьи – представить ключевые подходы в разработке ими проблематики территориального брендинга в его соотношении с культурой в условиях глобализации. Исследование опирается на общенаучные методы – анализ, синтез, обобщение, гипотетический метод. Выделяются аспекты изучения, связанные с выявлением характера отбора и трансформации культурных элементов при выстраивании образов-имиджей регионов и мест, с раскрытием механизмов и способов их построения и продвижения, с рассмотрением их влияния на культурное развитие, региональные/городские активности, этнокультурные и региональную/локальную идентичности. На основе анализа работ раскрываются основные тренды в репрезентации культуры в брендах территорий: отражение их геокультурных особенностей и этнокультурной отличительности, продвижение идей этнокультурного многообразия либо унифицированных символов и смыслов. Обобщается опыт выявления противоречий взаимодействия брендинга и культуры, а также рассмотрения самих создаваемых образов-брендов как культурных феноменов. Делается вывод о широте спектра исследований в изучаемом направлении, отражающей многоликость практик различных стран и регионов, стратегий их элит. Проведенный анализ важен для выбора оптимальных путей и способов формирования брендов российских регионов с учетом потенциала их культур и мировых трендов, возможных социокультурных последствий осуществления данного процесса.

Ключевые слова: территориальный брендинг, культура, глобализация, этнокультурный образ, репрезентация, этнокультурное многообразие, унифицированные символы и смыслы.

Territory Branding and Culture: Current Approaches in Foreign Science

Guzel I. Makarova¹

¹*Department of Ethnological Studies, Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation*

Abstract. Branding of Russian regions is relevant at the moment because of their inclusion in mutual competition. Accordingly, the mutual competition of these regions actualizes the generalization of the experience of foreign authors in the study of regional branding. The purpose of the article is to present key approaches in the development of territorial branding issues in relation to culture in the context of globalization. The study is based on general scientific methods – analysis, synthesis, generalization, hypothetical method. There are several aspects of this study. They are associated with the identification of the selection nature and transformation of cultural elements in the formation of images of regions and places, with the disclosure of mechanisms and methods of their construction and promotion, with the consideration of the impact on cultural development, regional/urban activities, ethno-cultural and regional/local identities. Based on the analysis of the works, the main trends in the representation of culture and brands of territories are revealed: the reflection of geocultural characteristics of places and their ethno-cultural distinctiveness, the promotion of ideas of ethno-cultural diversity or unified symbols and meanings. The article summarizes the experience of identifying contradictions between branding and culture, as well as the consideration of the created images-brands as cultural phenomena. The conclusion is made about the breadth of the range of research in the studied direction, reflecting the many of practices of different countries and regions, the strategies of their elites. The analysis is important for choosing the best ways and means of forming brands in the Russian regions, taking into account the potential of their cultures and world trends, the possible sociocultural consequences of this process.

Keywords: territorial branding, culture, globalization, ethno-cultural image, representation, ethno-cultural diversity, unified symbols and meanings.

Введение

Характерное для последних лет вовлечение регионов России в логику взаимной конкуренции сопровождается конструированием их узнаваемых брендов. Это порождает рост интереса специалистов различных областей знания к данной теме и делает актуальным изучение опыта зарубежных исследователей, обратившихся к ней еще в 90-е гг. XX столетия. Осмысление ими успехов и неудач, трудностей и противоречий осуществления данного процесса, как и его социальных последствий, может помочь в выстраивании оптимальных стратегий территориального брендинга в нашей стране.

В разработке названной темы зарубежными авторами обозначилось несколько подходов – направленных на изучение ее экономических, политических и социокультурных аспектов. Как известно, основной тренд выстраивается вокруг раскрытия экономических эффектов брендинга – монетизации символических образов территорий и их влияния на развитие коммерческой привлекательности регионов и мест, на притяжение в них инвестиций, предприятий и туризма. К рассмотрению подобного рода вопросов обращается Ф. Котлер [1] и его последователи – С. Райнисто [2] и др. С. Анхольт, в свою очередь, предлагает системное решение его задач (предполагающее соответствие формируемых брендов национальной стратегии и видению местного населения, сочетание с комплексом инновационных мер и т.д.), определяемых им как формирование «конкурентной идентичности» мест [3]. То есть он уже артикулирует не только экономические, но и социально-политические цели и результаты данного процесса (вслед за ним это понятие употребляют К. Браунинг, А.Ф. Ольвейра, К. Денни и его соавторы [4]). Изыскания названных и других исследователей принимаются во внимание и обобщаются российскими учеными, работающими в том же направлении – И.С. Важениной, Д.В. Визгаловым, А.В. Мазуренко, А.П. Панкрухиным и др.

Другой аспект изучения проблемы связан с раскрытием социально-политических эффектов территориального брендинга. В критическом ключе они анализируются К. Браунингом [5] – трактующим его как инструмент для достижения социального консенсуса, с характерным умалчиванием альтернативных позиций. К аналогичным выводам приходят и исследователи церемоний открытия спортивных мега-событий – М. Поуп [6], Т. Хаузел [7], К. Элис [8] и др. Среди отечественных авторов, обращающихся к схожей проблематике и в той или иной мере учитывающих наработки западных коллег – И.А. Василенко, В.Я. Гельман, В.А. Горохов, О.Б. Подвинцев и М.В. Назукина, Р.В. Евстифеев, А.С. Макарычев и А.В. Яцык, и др.

В свою очередь в зарубежной науке появился целый пласт работ, концентрирующихся вокруг гео-, историко- и этнокультурных оснований, смыслов и социокультурных последствий территориального брендинга, раскрытия взаимовлияния связанных с ним стратегий и процессов культурного развития (тема культуры как «ресурса» продвижения регионов и мест часто артикулируется и в исследованиях, непосредственно с ней не связанных [9]). В трудах российских ученых и практиков, разрабатывающих схожую тематику – Д.Н. Замятина и В.Н. Калуцкова, М.Ю. Тимофеева и Г.Л. Тульчинского, В.К. Мальковой, В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой, О.А. Богатовой, О.В. Паченкова и С.Мурунова, И.В. Задорина, Р.В. Евстифеева и др. – мы встречаем отсылки к тем или иным из них. Однако актуальным представляется целостное рассмотрение вопроса. Отсюда *целью данной статьи* является выделение основных подходов современных зарубежных исследователей к изучению брендинга территорий в его соотношении с культурой.

Материалы и методы

Исследование опирается на общенаучные методы. Это, прежде всего, анализ и синтез, применявшиеся к каждой характеризуемой работе. Главным по отношению к совокупности проанализированных статей и книг стал метод обобщения. Использовался и гипотетический метод, заключавшийся в поиске причин, обусловивших преобладание среди них той или иной тематики, поскольку эти причины связаны с происходящими в брендинге и шире в социально-политическом и социокультурном развитии стран, регионов и мест процессами.

Сам отбор работ производился с использованием поисковой системы “google scholars” по текстам научных публикаций путем введения ключевых слов “branding”, “territorial branding”, “place branding”, “cultural image”, “identity” и др. В дальнейшем применялся поиск на основе списков литературы найденных таким образом исследований. При этом в анализе мы старались представить разнообразный спектр подходов, применяемых зарубежными учеными к обозначенной теме. В результате среди характеризуемых материалов оказались те, что связаны с гуманистической географией, cultural studies, с т.н. «мобильной социологией», с теориями постмодернизма, мультикультурализма, глобализации и урбанизма, а также с рядом других направлений и школ.

Основным, используемым в статье понятием стал территориальный брендинг. В связи с чем, предваряя анализ, нужно заметить, что в работах зарубежных авторов брендинг регионов (земель, областей, провинций и т.д.) и брендинг мест (городов и других населенных пунктов) часто не разделяются и рассматриваются во взаимодействии друг с другом (а также с национальным брендингом). Это обусловлено тем, что в обоих случаях речь идет о формировании и продвижении образа определенной, обозначенной, в том числе политическими и/или административными границами, территории. Отсюда механизмы, приемы их осуществления, как и содержательное наполнение во многом схожи. Соответственно и мы в данном случае не разграничиваем эти понятия. Укажем также, что в большинстве случаев авторы исследований не сводят свое видение брендинга регионов и мест к узкой его трактовке, связываемой с коммодифицированным (коммерциализированным) образом, представленным в логотипах. Поэтому и в фокусе нашего исследования оказались труды, выходящие на более широкий круг явлений, включенных в процесс формирования их позитивных образов-имиджей.

Результаты и обсуждение

Система отношений между территориальным брендингом и культурой на теоретическом уровне рассматривается М. Каваратзисом и Г. Эшвортом [10]. Они выделяют два аспекта проблемы. Первый связан с *использованием культуры в брендинге*. Ее значимость определяется тем, что она передает специфику места и востребованный потребителем региональный/локальный социокультурный опыт (отмечается и роль культуры в развитии потенциала экономической деятельности местных жителей, в привлечении в регион специалистов и туристов). Анализируя техники применения при этом культурных элементов, авторы выделяют следующие из них: посредством организации разного рода событий (фестивалей и проч.), закрепления ассоциаций территории с тем или иным художником, композитором, архитектором; выделения визуальных качеств внешней среды (включая строительство новых зданий и районов города) для конструирования/ревитализации «нужных» смыслов. Причем уже в ходе раскрытия специфики и противоречий репрезентации данных феноменов в брендах территорий, исследователи выходят на тему *влияния брендинга на культурное развитие*. И это – второй аспект изучаемой ими проблематики.

Дело в том, что упрощенное воплощение культуры в брендинге регионов и мест и ее сведение к артефактам, которые можно продавать и потреблять, в конечном счете, негативно

сказывается, по утверждению М. Каваратзиса и Г. Эшворта, на ней самой. Такого рода брендинг также может способствовать, по их мнению, закреплению представлений о ней как о «пространственном активе» [10] и о явлении, которым можно управлять путем определенных манипуляций. В свою очередь выбор из разнородных культурных элементов одиночных эпизодов с дальнейшей их артикуляцией может, по справедливому их замечанию, вести к утере богатства и разнообразия местных традиций. Некоторые же из них, связанные с тем или иным конкретным местом, будучи репрезентируемыми в качестве брендов региона и даже страны, могут автоматически переноситься на другие локальности.

Учитывая все эти сложности, названные авторы пытаются обозначить пути более тонкого использования культуры в территориальном брендинге. В частности, они предлагают формировать бренды как оставляющие возможность для их индивидуального и осознанного прочтения. Также отмечается, что эффективность данного процесса, в том числе в плане его влияния на региональную/локальную идентичности, может повыситься, если он будет переориентирован на простых жителей, что предполагает изучение их мнения и представлений об образах территории и широкое их вовлечение в сам процесс создания брендов. Наконец, ученые ставят важный для исследований современной культуры вопрос о *функционировании самих этих брендов «как культурных феноменов»* [10], поскольку они являются практиками, производящими значения. Причем эти, связанные с так называемыми новыми культурными индустриями, практики воздействуют на потребителей «вовне» и на самих жителей города/региона, стимулируя последних к участию в формировании и продвижении их символов и смыслов.

Тем самым, работа М. Каваратзиса и Г. Эшворта ставит многие важные и актуальные вопросы, касающиеся изучаемой нами темы. Они связаны со спецификой отражения культуры в создаваемых образах-брендах, а также с возможными социокультурными последствиями осуществляемых элитами в данном направлении стратегий. Одновременно в ней намечаются пути наиболее оптимального их построения с учетом требований глобализирующегося мира, с одной стороны, и стремлений сохранить глубину и аутентичность, богатство культуры территорий, с другой.

Помимо тандема этих двух известных ученых свой вклад в раскрытие *воздействия территориального брендинга на культуру* вносит группа авторов, изучающих *политику и практики фестивализации*. Г. Ричардс и Р. Палмер [11], И.Йомен, М. Робертсон и их соавторы [12], В.Саркисян, Д. Херфорд [13] и некоторые другие обращаются к изучению влияния организуемых на местах (в том числе с целью продвижения позитивного образа территорий) конкурсов, фестивалей, праздников и других культурных событий на обновление и эстетизацию городского пространства, на развитие городских активностей и социального взаимодействия, креативного потенциала самих жителей.

Внимание большинства других исследователей сконцентрировано на проблеме *воплощения культурной специфики территорий в их образах-брендах*. Поскольку эти образы связаны с определенной частью географического пространства в них находят отражение, в первую очередь, *геокультурные особенности мест*. Они стали предметом изучения еще для авторов концепции культурного ландшафта: К.Зауэра и его последователей – Дж.Б. Джексона, Д. Костроува [14] и др. Предыстория вопроса связана также с именами представителей географической школы в социологии – Ш. Монтестье, Ф. Ратцеля и Э. Реклю, обративших внимание на влияние географических характеристик на жизнь и культуру социальных субъектов. Наконец, приверженцы гуманистической географии (вбирающей в себя элементы философии, психологии и других наук) – И-Фу Туан, Д. Лоуэнталь и др. – начали изучать собственно *образы* пространств, возникающие в восприятии и интерпретациях людей и их групп, что и послужило, по утверждению Г. Эшворта, (наряду с маркетинговой наукой и планированием мест) базой для возникновения самого территориального брендинга [15].

В настоящий период роль географического и культурного ландшафта в формировании представлений о регионах и местах раскрывает британский социолог Дж. Урри [16]. Фокусируя внимание на туризме (как одном из каналов брендинга), связанном с непосредственным физическим и визуальным контактом с территорией (ее природой, архитектурой и жителями), он анализирует, какие именно впечатления получают от этой коммуникации путешественники. Автор указывает, что они складываются, в первую очередь, из визуальных (красота пейзажа) и телесных ощущений, связанных с природой края (например, с жарким солнцем, запахом цветов, вкусом фруктов и т.д.), в том числе с самим процессом движения. К ним добавляется «встреча» с местными танцами и этнической спецификой культуры, опосредованная дискурсами о ней. Все эти процессы изучаются исследователем с учетом современных тенденций конструирования и трансляции образов мест как способа их репрезентации в глобальном мире.

Собственно, *этнокультурный аспект* территориального брендинга также нередко артикулируется в работах, посвященных туризму. Ряд ценных замечаний теоретического плана о характере использования в туристической дестинации фрагментов традиционных культур, вскрывая конструктивистскую суть процесса, сделал Д. МакКэнелл. Опираясь на парадигму постмодерна, он определил это использование как «реконструированную этничность» [17] и «постановочную аутентичность» [18]. Большинство других работ, касающихся данной проблематики, представляют собой анализ конкретных кейсов (хотя и в них делаются некоторые важные выводы и обобщения). Так опыт китайских селений провинции Гуйчжоу исследует Т.С. Оакис [19], высказывая, как и Д. МакКэнелл, позицию о стимулирующем влиянии туристической отрасли на культурные практики этнических сообществ, их локальную и этнокультурную идентичности. Обратившись к тому же кейсу двадцать лет спустя, группа китайских авторов выявила, однако, противоречия такого влияния, связанные с постепенной утерей местным населением традиционных знаний и навыков ведения сельского хозяйства (вытесняемых бизнес-знаниями), с трансформацией системы управления и взаимоотношений между членами локальных сообществ в результате развития этнического туризма. Все это, по замечанию исследователей, делает значимым поиск новых путей их дальнейшего устойчивого развития [20]. Одновременно, Мутия Трай Сатъя, изучающая аналогичный опыт «этнических деревень» Индонезии (на примере Кампунг Нага) [21], направляет пафос своей публикации не на необходимость сохранения степени их аутентичности, а на артикуляцию важности дальнейшего выявления в их культуре знаков и символов, которые могут быть использованы для продвижения мест на региональном и глобальном рынке.

Ряд авторов обращается к примерам репрезентации этнокультурной отличительности в других, связанных с территориальным брендингом, сферах. Так К.А. Мэклэнчи останавливается на изучении этнических фестивалей в Торонто (Канада) как части стратегий маркетинга мест и городского развития. Исследовательница рассматривает связанные с ними явления в широком контексте проблем городского активизма, укрепления локальных идентичностей, формирования внешнего имиджа города и его кварталов, а также аутентичности представленных в них культур. Сами эти места трактуются ею как «уникальные и эволюционирующие этнические пространства» [22]. О. Йоханссон и М. Корнэбейз рассматривают практики привлечения шведской культуры в репрезентации одного из кварталов Чикаго (США) [23]. Отмечая, что сегодня среди местных жителей немного шведов, и что активисты преследуют, в том числе, свои коммерческие интересы, они (опираясь на интервью и анализ «этновизуальных маркеров» территории) приходят к выводу о том, что Андерсвилль стал сегодня скорее «псевдоэтническим». Тем самым здесь фокус исследования сосредоточен больше на выявлении интенций локальных элит, стремящихся получить определенные дивиденды с подобной этнизации территории.

Отдельные труды посвящены *роли конкретных культурных элементов*, в том числе связанных с самобытностью этнических групп, *в конструировании образов и продвижении имиджей территорий*. Назовем среди них книгу Дж Коннелла и К. Гибсона «Звуковые дорожки: популярная музыка, идентичность и место», авторы которой раскрывают роль уличных музыкантов, духовых оркестров и т.д. в формировании «звуковой архитектуры пространства» [24], в частности с использованием элементов традиционной музыки. Как и ряд других, называвшихся выше исследователей, они проблематизируют вопрос о степени связи с «корнями» такого рода коммерциализированных ее модификаций, используемых для городской регенерации.

Одновременно определилась другая тенденция – *репрезентации* в создаваемых образах-брендах территорий их *этнокультурного многообразия* – сложившегося ранее либо в результате притока мигрантов. Данные процессы, ставя вопрос о соотношении миграции, туризма, этнических различий и преимуществ мест, анализируют М. Холл и Д. Рат [25]. Отталкиваясь от опыта превращения «китайских кварталов» западных городов в их туристические достопримечательности, они приходят к выводу о выигрышности подобного рода использования разнообразного этнокультурного потенциала в брендинге мест. Это способствует, по их мнению, дальнейшему привлечению в них иностранных работников, инвесторов, туристов, интеграции иммигрантских общин за счет продвижения идей «включения» и безопасности. И эти идеи, несомненно, связаны с продвижением на Западе – в 1990-е-начале 2000-х гг. – дискурса и политики мультикультурализма.

Среди других, обращающихся к указанной теме исследователей назовем М. Рэдис – изучающую проявления бренда канадского мультикультурализма на торговых улицах Монреаля (в повседневном взаимодействии его жителей и приезжих, торговцев и покупателей) [26], К. Пестио и М. Уоллеса – раскрывающих возможности использования названного многообразия в качестве инструмента брендинга городов и призывающих специалистов в области городского управления учитывать эти реалии [27], Т. Хаузела и К. Элис – рассматривающих примеры его воплощения в связанных со спортивными мега-событиями церемониях (хотя другая исследовательница – Б. Гарсия – указывает, что многообразие оказывается в них представленным в рамках унифицированного культурного формата) [28].

Нужно заметить, что и сегодня – в условиях характерного для последних лет отхода на официальном уровне от мультикультуралистских принципов – *этническое, конфессиональное и культурное разнообразие продолжает артикулироваться на местах*. Это связано, прежде всего, с попытками локальных властей интегрировать новые маргинальные группы в культурную жизнь города/региона. В определенной мере востребованным остается и использование идей признания различий для создания их привлекательного внешнего имиджа. О подобных процессах и возникающих в их ходе противоречиях пишут А. Шмиз [29], Ч.С. Чжуан [30], с большим акцентом на интегрирующие смыслы интеркультурализма и космополитизма – Н. Оливейра и Б. Падиля [31], Л.Х. Абдоу и Э. Геддес [32] и некоторые другие.

В последние годы, определяется и иной вектор территориального брендинга, направленный на продвижение *максимально нейтральных и унифицированных культурных кодов и общеразделяемых ценностей*. По утверждению Р. Флориды, они призваны передать, идею безопасной и «комфортной» среды, удобной для работы и отдыха (досуга) максимально широкого круга лиц, для жизни и творчества специалистов [33]. Эта, связанная с определенным набором жизненных возможностей и услуг среда артикулируется как «открытая», притягательная для творческих людей самого различного происхождения и с разным родом занятий. Такая их концентрация в одном месте, в свою очередь, способствует, по убеждению исследователя, наибольшему раскрытию потенциала и дальнейшему инновационному развитию и продвижению территорий. Кроме того, указывается на

важность эмоциональной составляющей при выборе человеком места жительства – выдвигается концепт «счастья», связываемого с городом или иным населенным пунктом, дающим ему возможность жить полноценно.

Отдельное, возникшее в последние годы направление анализа связано с так называемыми глобальными городами (подобными Лондону, Нью-Йорку и Токио). К нему обратились урбанисты и исследователи глобализации – М. Кастельс, С. Сассен [34] и др. Крупнейшие мегаполисы, в которых располагаются офисы международных корпораций и пересекаются глобальные потоки, концентрируя финансовые и управленческие функции мировой экономики, перестают быть, по замечанию ученых, лишь частью национальных государств и все больше отдаляются от окружающих их территорий. Стиль жизни в них также во многом унифицируется. Тем не менее, характерный для каждого из этих городов вид деятельности жителей и характер их взаимоотношений с государством, как и история, культура, продолжают, по утверждению С. Сассен, накладывать на их образы свой отпечаток. Соответственно, с одной стороны, глобальные города выражают тенденции, противоположные брендингованию мест, связанному с поиском и продвижением их уникальных черт. С другой стороны, они (их службы городского планирования и развития, творческая элита и городские активисты) все же стремятся сохранить свою индивидуальность. В свою очередь нужно отметить, что сам брендинг территорий, хотя и связан с артикуляцией их специфики, в том числе социокультурной, в конечном счете, также призван способствовать «вписыванию» регионов и мест в современное глобальное социально-экономическое пространство. То есть, в некотором роде это явления одного порядка, и одно не исключает другое.

Необходимо отдельно отметить, что ряд авторов рассматривают конкретные формы проявления глобализационных процессов в культурных практиках современных городов –различных по численности и расположенных в разных уголках мирового социокультурного пространства. И они делают это чаще с критической позиции. В частности, А. Бриман анализирует явления, обозначаемые термином «диснейфикация» [35]. Последние связаны с индустрией развлечений и ее стандартизацией, с характерным для нее комплексом услуг в виде торговых моллов, тематических парков с сопутствующими им универсализированными предприятиями общественного питания и памятными сувенирами. Будучи ориентированными на чувства и эмоции потребителя/покупателя, в первую очередь туриста, они ведут к формированию унифицированного и усредненного образа места, способного тем самым привлечь и удовлетворить потребности максимально широкой аудитории.

Наконец, *механизмы и способы построения и продвижения брендов мест*, связанных с широким кругом культурных явлений, вопросы об их *эффективности* в плане привлечения ресурсов, компаний, посетителей и жителей, а также о возникающих в ходе этого процесса противоречиях, раскрываются в работах М. Каваратзиса, Э. Брауна, Я. Эшуиса, Э.Х. Клиина и некоторых др. Отметим, в частности, концептуальную модель анализа, предложенную уже упоминавшимся выше автором – Михалисом Каваратзисом. Он выделяет *три типа коммуникационных стратегий бренда, направленных на его потребителей*: первичный – связанный с архитектурой, дизайном, культурно-досуговыми учреждениями и проводимыми ими мероприятиями, с городской инфраструктурой, а также с деятельностью правительственных организаций (их эффективностью) и поведением самих жителей; вторичный – выражающийся в специальных сообщениях и рекламе, задействующих логотипы и лозунги, графический дизайн и т.д.; и третичный – связанный с устной коммуникацией самих пользователей по поводу образа места («сарафанное радио») [36]. Тем самым исследователь, как и многие другие, не сводит территориальное брендингование и используемые им техники исключительно к разработке специальных логотипов, слоганов и кампаний. И им отмечается, что все происходящее в городе – все осуществляемые в нем

стратегии и инициативы, проводимые события – становятся, в конечном счете, «сообщениями» о его имидже.

В свою очередь, Э. Браун, Я. Эшуис и Э.Х. Клиин в работе «Эффективность коммуникации бренда места» [37], опираясь на модель М. Каваратзиса, анализируют, как каждый из типов коммуникационных стратегий влияет на притягивание в город/регион жителей и посетителей. В частности, на базе проведенного в Нидерландах исследования ими делаются выводы: во-первых, о ведущем значении для формирования бренд-имиджа собственно самих музеев, монументальных зданий, торговых улиц, спортивных стадионов и т.д.– того, что обозначается авторами как «физическая коммуникация бренда места» [37]; во-вторых, о важности на сегодняшний день передачи информации о нем «из уст в уста», в том числе с помощью социальных сетей (то есть неформальной коммуникации самих пользователей); в-третьих, о малой эффективности в конкретном изучаемом случае использования собственно логотипов и брендов для продвижения территории; наконец, в четвертых, о том, что существенных различий во влиянии всех этих стратегий на две обозначенные целевые группы – жителей и посетителей – нет, а следовательно, они могут выстраиваться аналогично.

В другой своей работе – «Маркетинг мест как стратегия управления: оценка препятствий в маркетинге мест и их влияние на привлечение целевых групп» [38] – те же авторы, на базе данных экспертного опроса государственных менеджеров Нидерландов, выясняют обстоятельства, мешающие формированию позитивного имиджа мест. Среди них первостепенное значение, как оказалось, имеет само содержание маркетинговых кампаний. Ими также были названы возникающие в самих муниципалитетах административные препятствия, как и преграды политического характера.

Выводы

Проведенный анализ показал, что спектр исследований взаимодействия брендинга и культуры зарубежными авторами весьма широк. Он, прежде всего, отражает разнообразие практик территориального брендинга в различных странах и регионах мира, связанное с их геокультурными и историческими особенностями (в том числе сосуществования этнических групп), с происходящими в них социально-политическими процессами, с интенциями местных и национальных элит по конструированию национальных, этнических, региональных и локальных идентичностей. Нельзя не отметить и влияние на формирование образов-брендов регионов и мест наиболее общих тенденций развития культурной политики государств в условиях глобализации. Так характерное для рубежа 1990-2000-х гг. утверждение принципов мультикультурализма проявилось в выдвигании на первый план идей этнокультурного многообразия. В то же время их постепенное вытеснение интеркультурализмом и космополитизмом выразилось во все более частом воплощении в территориальных образах нейтральных культурных кодов и смыслов.

Исследование выявило, что трактовки и оценки авторами содержания и результатов анализируемых явлений, во многом зависят от избираемой ими концептуальной рамки. Так одни из них опираются на конструктивистские теории, другие ищут объективные основания брендинга; одни смотрят на его результаты с точки зрения организации функционирования общества как целого, другие – с критических позиций, в том числе с точки зрения групп, остающихся на периферии данных процессов. Кроме того, ученые могут рассматривать стратегии в данном направлении региональных/локальных властей в целом либо концентрировать внимание на изучении тех или иных конкретных, связанных с ними явлений – туризма (в частности этнического), организации городского пространства, проводимой в регионе/городе событийной политики, в том числе проведения в них мега-событий и т.д.

Значимы выводы исследователей о социокультурных основаниях и последствиях территориального брендинга. Так основными трендами в репрезентации культуры в брендах территорий являются: отражение геокультурных особенностей мест и их этнокультурной отличительности, продвижение идей признания этнокультурного плюрализма либо унифицированных символов и смыслов. Что касается влияния брендинга на культуру, авторами, с одной стороны, отмечается его роль в продвижении регионов, городов и других населенных пунктов на международной арене в условиях глобальной конкуренции, и как результат – в получении, в том числе самими жителями, определенных дивидендов в виде развития территорий, их инфраструктуры, туризма, оживления культурной жизни, а также включения их самих в данный процесс через различные формы социального активизма. С другой стороны, вскрывается неоднозначность влияния современных форм репрезентации территорий на культуру, связанная с упрощением и банализацией используемых при этом культурных элементов, с потерей ими аутентичности и глубины связи с традицией. Кроме того, при самом отборе данных феноменов в процессе формирования брендов игнорируется богатство и многообразие региональной/локальной культуры. Изучение всего этого актуального опыта важно для осмысления плюсов и минусов тех или иных конкретных стратегий, возможностей и целесообразности их использования при брендинге российских регионов, городов и мест.

Библиографический список

- [1] Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – Санкт Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт–Петербурге, 2005. – 384 с.
- [2] Rainisto S.K. Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States: Dissertation for the degree of Doctor of Science in Technology. – Helsinki: Helsinki University of Technology, 2003. – 271 p.
- [3] Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. – Basingstock: Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p.
- [4] Benedetti J., Çakmak E., Dinnie K. The competitive identity of Brazil as a Dutch holiday destination // Place Branding and Public Diplomacy. – 2011. – Vol. 7, Issue 2. – P. 107–115.
- [5] Browning C.S. Nation Branding, National Self–Esteem, and the Constitution of Subjectivity in Late Modernity // Foreign Policy Analysis. – 2015. – No 11. – P. 195–214.
- [6] Pope M. Public diplomacy, international news media and London 2012: Cosmopolitanism TM // Sport in Society. – 2014. – Vol. 17, No 9. – P. 1119–1135.
- [7] Housel T. Australian Nationalism and Globalization: Narratives of the Nation in the 2000 Sydney Olympics' Opening Ceremony // Critical Studies in Media Communication. – 2007. – Vol. 24, No 5. – P. 446–461.
- [8] Ellis C. The Possessive Logic of Settler Invader Nations in Olympic Ceremonies // Journal of Tourism and Cultural Change. – 2012. – Vol. 10, No 2. – P. 105–122.
- [9] Старостова Л.Э. Управление коммуникациями в брендинге мест: актуальный зарубежный опыт // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург, 2012. – С. 184–188. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22001/1/geobrand-2012-37.pdf> (дата обращения: 03.02. 2019).
- [10] Kavaratzis M., Ashworth G.J. Hijacking Culture: The disconnection between place culture and place brands // Town Planning Review. – 2015. – Vol. 86, No 2. – P. 155–176.
- [11] Richards G., Palmer R. Eventful cities: cultural management and urban revitalization. – Oxford: Butterworth–Heinemann, 2010. – 516 p.

- [12] Yeoman I., Robertson M., Ali-Knight J., Drummond S., McMahon-Beattie U. Festival and events management. An international arts and culture perspective. – Burlington, MA: Elsevier Butterworth Heinemann, 2004. – 418 p.
- [13] Sarkissian W., Hurford D. Creative Community Planning: Transformative Engagement Methods for Working at the Edge (Tools for Community Planning). – London, Washington: Earthscan, 2010. – 336 p.
- [14] Cosgrove D.E., Jackson P. New Directions in Cultural Geography // *Area*. – 1987. – № 19(2). P. 95–101.
- [15] Ashworth G.J. Place Branding: a Useful Approach to Place Management? *Jurnalul Economic*. – 2005. – Vol. VIII, No 16. – P. 45–56.
- [16] Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // *Массовая культура: современные западные исследования*. – Москва: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – С. 136–150.
- [17] Maccannell D. Reconstructed ethnicity tourism and cultural identity in third world communities // *Annals of Tourism Research*. – 1984. – № 11(3). – P. 375–391.
- [18] МакКанелл Д. Турист. Новая теория праздного класса / Пер. А. Боровиковой, Е. Изотова. – Москва: Ад Маргинем, 2016. – 280 с.
- [19] Oakes T. Ethnic tourism in rural Guizhou; sense of place and the commerce of authenticity // *Tourism, Ethnicity, and the State in Asian and Pacific Societies* / Eds. M. Picard, R. Wood. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. – P. 35–70.
- [20] Li Y.J., Yu H., Chen T. Livelihood changes and evolution of upland ethnic communities driven by tourism: a case study in Guizhou Province, southwest China // *Journal of Mountain Science*. – 2016. – Vol. 13, Issue 7. – P. 1313–1332.
- [21] Satya M.T., Kuraesin A. Analysis Place Branding as a Local Culture Kampung Naga West Java Indonesia // *International Journal of Management and Sustainability*. – 2016. – Vol. 5, No 2. – P. 11–16.
- [22] McClinchey Urban ethnic festivals, neighborhoods, and the multiple realities of marketing place // *Journal of travel & tourism marketing*. – 2008. – No 25, 3/4. – P. 251–264.
- [23] Johansson O., Corneise M. Place branding goes to the neighbourhood: the case of pseudo-swedish Andersonville // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2010. – Vol. 92, Issue 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0467.2010.00347.x> (дата обращения: 23.11. 2018).
- [24] Connell J., Gibson C. Sound tracks: Popular music identity and place. – London & New York: Routledge, 2003. 320 p.
- [25] Hall C.M., Rath J. Tourism, migration and place advantage in the global cultural economy // *Tourism, ethnic diversity and the city* / Ed. by Jan Rath. – London and New York: Routledge, 2007. – P. 1–24.
- [26] Radice M. Street-level Cosmopolitanism: Neighbourhood Shopping Streets in Multi-ethnic Montréal // *Everyday Multiculturalism* / Eds. Wise A., Velayutham S. Free Preview. – 2009, Springer. – P. 140–157. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230244474_8 (дата обращения: 13.12. 2018).
- [27] Pestieau K., Wallace M. Challenges and Opportunities for Planning in the Ethno-culturally Diverse City: A Collection of Papers – Introduction // *Planning Theory & Practice*. – 2003. – Vol. 4, No. 3. – P. 253–258.
- [28] Garcia B. One hundred years of cultural programming within the Olympic Games (1912–2012): Origins, evolution and projections // *International Journal of Cultural Policy*. – 2008. – Vol. 14, No 4. – P. 361–376.

- [29] Schmitz A. Staging a 'Chinatown' in Berlin: The role of city branding in the urban governance of ethnic diversity // *European Urban and Regional Studies*. – 2017. – Vol. 24, Issue 3. – P. 290–303.
- [30] Zhuang Z.C. The Intersection of Place and Ethnic Entrepreneurship: The Role of Ethnic Entrepreneurs in the Making of Three Toronto Neighbourhoods // *Journal of Architectural and Planning Research*. – 2017. – Vol. 34, No 1. – P. 1–22.
- [31] Oliveira N., Padilla B. Integrating superdiversity in urban governance: the case of inner-city Lisbon // *Policy & Politics*. – 2017. – Vol. 45, No 4. – P. 605–622.
- [32] Abdou L.H., Geddes A. Managing superdiversity? Examining the intercultural policy turn in Europe // *Policy & Politics*. – 2017. – Vol. 45, No 4. – P. 493–510.
- [33] Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. Е. Лобкова. – Moscow: Strelka Press, 2014. – 268 с.
- [34] Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. – Princeton: Princeton University Press, 2001. 480 p.
- [35] Bryman A. *The Disneyization of society*. – London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2004. – 199 p.
- [36] Kavaratzis M. From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands // *Place Branding*. – 2004. – Vol. 1, No 1. – P. 58–73.
- [37] Braun E., Eshuis J., Klijn E.H. The effectiveness of place brand communication // *Cities*. – 2014. – Vol. 41. – P. 64–70.
- [38] Eshuis J., Braun E., Klijn E.H. Place marketing as governance strategy: An assessment of obstacles in place marketing and their effects on attracting target groups // *Public Administration Review*. – 2013. – Vol. 73, No 3. – P. 507–516.

References

- [1] Kotler, P., Asplund, C., Rein, I., & Haider, D. (2005). *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*. St. Petersburg: Stockholm school of Economics in St. Petersburg.
- [2] Rainisto, S.K. (2003). *Success Factors of Place Marketing: A Study of Place Marketing Practices in Northern Europe and the United States* (Doctoral thesis, Helsinki University of Technology, Helsinki, Finland).
- [3] Anholt, S. (2007). *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Basingstock: Palgrave Macmillan.
- [4] Benedetti, J., Çakmak, E., Dinnie, K. (2011). The competitive identity of Brazil as a Dutch holiday destination. *Place Branding and Public Diplomacy*, 7(2), 107–115.
- [5] Browning, C.S. (2015). Nation Branding, National Self-Esteem, and the Constitution of Subjectivity in Late Modernity. *Foreign Policy Analysis*, 11, 195–214.
- [6] Pope, M. (2014). Public diplomacy, international news media and London 2012: Cosmopolitanism TM. *Sport in Society*, 17 (9), 1119–1135.
- [7] Housel, T. (2007). Australian Nationalism and Globalization: Narratives of the Nation in the 2000 Sydney Olympics' Opening Ceremony. *Critical Studies in Media Communication*, 24 (5), 446–461.
- [8] Ellis, C. (2012). The Possessive Logic of Settler Invader Nations in Olympic Ceremonies. *Journal of Tourism and Cultural Change*, 10 (2), 105–122.
- [9] Starostova, L.E. (2012). Managing communications in place branding: current international experience. *Branding of small and medium-sized cities: experience, problems and prospects* (pp. 184–188). Yekaterinburg. Retrieved from <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22001/1/geobrand-2012-37.pdf>.
- [10] Kavaratzis, M., Ashworth, G.J. (2015). Hijacking Culture: The disconnection between place culture and place brands. *Town Planning Review*, 86 (2), 155–176.

- [11] Richards, G., Palmer, R. (2010). *Eventful cities: cultural management and urban revitalization*. Oxford: Butterworth–Heinemann.
- [12] Yeoman, I., Robertson, M., Ali–Knight, J., Drummond, S., McMahon–Beattie, U. (2004). *Festival and events management. An international arts and culture perspective*. Burlington, MA: Elsevier Butterworth Heinemann.
- [13] Sarkissian, W., Hurford, D. (2010). *Creative Community Planning: Transformative Engagement Methods for Working at the Edge (Tools for Community Planning)*. London, Washington: Earthscan.
- [14] Cosgrove, D.E., & Jackson, P. (1987). New Directions in Cultural Geography. *Area*, 19(2), 95–101.
- [15] Ashworth, G.J. (2005). Place Branding: a Useful Approach to Place Management? *Jurnalul Economic*, 16 (VIII), 45–56.
- [16] Urry, J. (2005). The Tourist Gaze and Globalization. In *Mass Culture: Modern Western Studies* (pp. 136–150). Moscow: The Foundation for Scientific Research "Pragmatics of Culture.
- [17] Maccannell, D. (1984). Reconstructed ethnicity tourism and cultural identity in third world communities. *Annals of Tourism Research*, 11(3), 375–391.
- [18] Maccannell, D. (2016). *The tourist: a new theory of the leisure class*. Moscow: Ad Marginem.
- [19] Oakes, T. (1997). Ethnic tourism in rural Guizhou; sense of place and the commerce of authenticity. In M. Picard and R. Wood (Eds), *Tourism, Ethnicity, and the State in Asian and Pacific Societies* (pp. 35–70). Honolulu: University of Hawaii Press.
- [20] Li, Y.J., Yu, H., & Chen, T. (2016). Livelihood changes and evolution of upland ethnic communities driven by tourism: a case study in Guizhou Province, southwest China. *Journal of Mountain Science*, 13 (7), 1313–1332.
- [21] Satya, M.T., & Kuraesin, A. (2016). Analysis Place Branding as a Local Culture Kampung Naga West Java Indonesia. *International Journal of Management and Sustainability*, 5 (2), 11–16.
- [22] McClinchey. (2008). Urban ethnic festivals, neighborhoods, and the multiple realities of marketing place. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 25 (3/4), 251–264.
- [23] Johansson, O., & Corneise, M. (2010). Place branding goes to the neighbourhood: the case of pseudo-swedish Andersonville. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 92(3). Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0467.2010.00347.x>.
- [24] Connell, J., & Gibson, C. (2003). *Sound tracks: Popular music identity and place*. London & New York: Routledge.
- [25] Hall, C.M., & Rath, J. (2007). Tourism, migration and place advantage in the global cultural economy. In Jan Rath (Ed.) *Tourism, ethnic diversity and the city* (pp. 1–24). London & New York: Routledge.
- [26] Radice, M. (2009). Street–level Cosmopolitanism: Neighbourhood Shopping Streets in Multi–ethnic Montréal. In A. Wise and S. Velayutham (Eds.) *Everyday Multiculturalism*. (pp. 140–157). Retrieved from https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230244474_8.
- [27] Pestieau, K., & Wallace, M. (2003). Challenges and Opportunities for Planning in the Ethno–culturally Diverse City: A Collection of Papers – Introduction. *Planning Theory & Practice*, 3(4), 253–258.
- [28] Garcia, B. (2008). One hundred years of cultural programming within the Olympic Games (1912–2012): Origins, evolution and projections. *International Journal of Cultural Policy*, 14 (4), 361–376.
- [29] Schmitz, A. (2017). Staging a 'Chinatown' in Berlin: The role of city branding in the urban governance of ethnic diversity. *European Urban and Regional Studies*, 24 (3), 290–303.
- [30] Zhuang, Z.C. (2017). The Intersection of Place and Ethnic Entrepreneurship: The Role of Ethnic Entrepreneurs in the Making of Three Toronto Neighbourhoods. *Journal of Architectural and Planning Research*, 34(1), 1–22.

- [31] Oliveira, N., Padilla, B. (2017). Integrating superdiversity in urban governance: the case of inner-city Lisbon. *Policy & Politics*, 4(45), 605–622.
- [32] Abdou, L.H., & Geddes, A. (2017) Managing superdiversity? Examining the intercultural policy turn in Europe. *Policy & Politics*, 4(45), 493–510.
- [33] Florida, R. (2014). *Who's your city? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. Moscow: Strelka Press.
- [34] Sassen, S. (2001). *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
- [35] Bryman, A. (2004). *The Disneyization of society*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage.
- [36] Kavaratzis, M. (2004). From city marketing to city branding: Towards a theoretical framework for developing city brands. *Place Branding*, 1(1), 58–73.
- [37] Braun, E., Eshuis, J., & Klijn, E.H. (2014). The effectiveness of place brand communication. *Cities*, 41, 64–70.
- [38] Eshuis, J., Braun, E., & Klijn, E.H. (2013). Place marketing as governance strategy: An assessment of obstacles in place marketing and their effects on attracting target groups. *Public Administration Review*, 73 (3), 507–516.

Получена / Submitted: 07/03/2019

Доработана / Revised: 25/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 23/05/2019

УДК 316.421

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Екатерина Омаровна Аквазба¹, Наталья Ивановна Скок¹, Татьяна Евгеньевна Ухабина¹

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация*

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия социально-гуманитарного знания, его компонентов, специфику базовых социально-гуманитарных дисциплин, изучение которых способствует формированию мировоззренческой составляющей личности обучающегося высшей школы и соответствующих компетенций. Анализ теоретических и методологических аспектов анализируемой проблемы представлен спектром разнообразных точек зрения по поводу значимости социогуманитарного знания и определения его роли и места в современной образовательной парадигме системы высшей школы. В статье приводятся результаты изучения мнения студентов технического вуза. Целью эмпирического исследования было выявление отношения обучающихся к социально-гуманитарным дисциплинам, выявления сложностей в их освоении и перспектив гуманитаризации технического образования. В результате исследования были выявлены предпочтения обучающихся в целесообразности преподавания дисциплин социогуманитарного цикла, сопряжен их перечень в соответствии с требованиями компетенций, формируемых данными дисциплинами в практической деятельности инженера и социальной жизни выпускника.

Ключевые слова: гуманитаризация, социогуманитарное знание, направления подготовки, учебная мотивация, образовательный процесс.

Socio-Humanitarian Disciplines in Technical University: Problems and Prospects

Ekaterina O. Akvazba¹, Natalya I. Skok¹, Tatyana E. Uhabina¹

¹*Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The concept of "social and humanitarian knowledge", its components are disclosed in this article. The specificity of the basic social and humanitarian disciplines was included in the article. Their study contributes forming of the ideological component of the student's personality. The analysis of theoretical and methodological aspects of the analyzed problem is presented by a range of different points of view on the importance of socio-humanitarian knowledge and the definition of its role in the place in the modern educational paradigm of higher education. The results of student questionnaire were represented in this article. This questionnaire were organized to study the attitude of students to social and humanitarian disciplines, to identify the difficulties in the studying of disciplines and to determine the prospects of humanitarization of technical education.

Keywords: humanitarization, interactive training, media technologies, social and humanitarian knowledge, social and humanitarian disciplines, educational motivation, educational process.

Введение

Система образования в Российской Федерации последние десятилетия переживает процесс модернизации, что прежде всего обусловлено переходом российского общества от индустриального к постиндустриальному. Основной задачей модернизации образования является необходимость адаптации содержания образования, технологий обучения и практической подготовки к потребностям рынка труда, так как именно он определяет набор

необходимых выпускнику компетентностей. Сформировать компетенции только учебными дисциплинами даже основной профессиональной образовательной программы, по мнению авторов статьи, невозможно. На каждую компетенцию проецируется дисциплина, которая главным образом, формирует компетенцию, однако, итог процесса – это результат интеграции образовательных технологий, организационных форм, методов, приемов и другой учебной и внеучебной деятельности, осуществляемой в так называемом «компетентностном пространстве», которое включает профессиональную среду, территорию, в которой осуществляется образование и деятельность и образовательную среду [1].

В то же время у современного общества возрастает роль информационной среды, включающей в себя всю совокупность различных источников информации, инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации. Страны, наиболее активно создающие и развивающие информационную индустрию, безусловно, становятся наиболее успешными в области преобразований и экономического роста. Именно это и определяет новый этап развития государств, с присущим им обновленным обществом, получивших название «информационное общество». Суть его заключается в том, что любой субъект данного общества в любое время и любом месте может получить необходимую ему информацию (личную или общественно значимую). И это означает наличие такой широкой инфраструктуры информационных систем, которые обеспечивают развитие общества [2].

Эта система, в свою очередь, способна производить научную информацию, образуя среду, где свободно развиваются коммуникационные сети, информационные технологии, тем самым провоцируя общество к созданию единого информационного пространства. В этой ситуации ученые говорят о формировании новой интеллектуальной технологии. При этом не для каждого субъекта одного и того же поколения доступность к информации не одинаковая, что порождает такое социальное явление как информационное неравенство. Образование – это именно тот субъект, который может ответить на вызовы современного общества, способствовать нивелировке информационного неравенства [3–6]. Система образования должна развиваться и трансформироваться с учетом динамики развития глобальных процессов. Уровень профессиональной подготовленности специалиста в большей степени определяется объемом знаний, навыков, необходимых для технически грамотного представления любой информации, в том числе и гуманитарной [7].

В соответствии с требованиями информационного общества в системе высшего образования сегодня действуют федеральные государственные образовательные стандарты, ориентированные на получение знаний в области технических наук и формирующие компетенции, связанные с будущей профессиональной деятельностью.

Официальная научно-техническая политика РФ сегодня не отдает предпочтение социогуманитарным наукам [8]. Однако мы не можем недооценивать вклад гуманитарных и социокультурных дисциплин в развитие культуры и мировоззрения, обучающихся по инженерным и техническим направлениям [9]. Развитие человека в самом общем виде можно определить, как процесс и результат его социализации, то есть усвоения и воспроизводства культурных ценностей и социальных норм, а также саморазвития и самореализации в том обществе, в котором он живет, и именно это обеспечивает блок социогуманитарных дисциплин [10].

В современной глобальной экономике положительный результат зависит от инициативы, компетенций и уровня профессиональной подготовки. Когда есть свобода действий, очень важно знать, как можно использовать эту свободу этически правильно, с соблюдением принятых норм деловых отношений [11].

Литературный обзор

Сегодня считается, что гуманитаризация инженерного образования может быть достигнута через преподавание ряда дисциплин, в частности, философии, истории, культурологии, социологии, политологии, правоведения, психологии, педагогики и др. Из перечисленных дисциплин трудно выбрать особо приоритетные. Несмотря на это, согласно последним ФГОС, в базовые блоки учебных планов включены философия как общенаучная дисциплина и история. Все остальные курсы гуманитарного цикла вводятся в образовательные программы инженерных направлений подготовки исключительно по инициативе выпускающих кафедр. Таким образом, анализ актуальных учебных планов технических направлений подготовки показывает, что процессу формирования социогуманитарных компетенций отводится второстепенная роль, что обусловлено значимостью профессиональной доминанты. Уменьшение количества общекультурных и общепрофессиональных компетенций, их объединение повлекло за собой снижение разнообразия социогуманитарных дисциплин, уменьшение количества аудиторных часов в рабочих учебных планах инженерно-технических направлений подготовки на их преподавание. Все это свидетельствует о трансформации системы высшего образования, суть которой – подготовка обучающего узконаправленной профессиональной квалификации. При этом система высшего образования всегда была ориентирована на подготовку высококвалифицированного выпускника, способного быстро адаптироваться в изменяющемся мире, с широким кругозором и фундаментальными знаниями [12].

Согласно исследованиям М.В. Габдулхаковой [13]: «Человеку как субъекту своей жизни для успешного функционирования в быту, учебной и профессиональной деятельности необходимо приспосабливаться к неопределённым условиям не только повседневной жизни, но и к характеру деятельности в целом (в частности, к учебной деятельности вуза)». Несомненным является тот факт, что в условиях, с одной стороны, сохраняющихся глобализационных процессов, например, в сфере экономики, политики, и противодействия терроризму, с другой стороны, отчетливо проступают деглобализационные тенденции в сфере производства, торговли, научного и культурного сотрудничества. Именно это сегодня является необходимым с учетом изменяющихся условий функционирования мирового сообщества, с учетом процессов глобализации [14].

Выпускник вуза, таким образом, должен обладать компетенциями, включающими в себя знание сути этих процессов, умение их анализировать и делать адекватные выводы с позиций гражданственности и патриотизма, а также владеть приемами их референции, регулирования в малых и больших коллективах [15]. С этих позиций знание политологии и социологии становится для образования как никогда актуальным.

Авторы согласны с мнением Новолодской Т.А. и Садовникова В.Н. [16], которые отмечают, что взаимодействие естественных и гуманитарных наук, их взаимодополнение и диалог приобретают всё больший вес на форуме знаний. Такая позиция поддерживается многими учеными высшей школы, поскольку «инженер, воспринимающий только технические идеи, может лишь тиражировать технику, но не может создавать что-либо качественно новое, значимое» [17].

Социогуманитарные науки играют важную роль в развитии общества и поддержании его идеологии. Посредством данных наук изучается структура общества, человеческого бытия, психология человека. Основоположник социологии О. Конт [18] считал, что: «Общество, которое не знает, как оно функционирует, обречено на кризисы и торможение технического прогресса. Невозможно произвести целесообразные изменения в обществе, направленные на интенсификацию его развития, не зная сущностные характеристики и законы, обеспечивающие его жизнедеятельность как целостного организма [19].

Другим важным фактором, формирование которого обеспечивают именно социогуманитарные науки, является мораль общества. В рамках изучения дисциплин данного направления формируется мировоззрение, расширяется кругозор, развивается нестандартное мышление [20].

Считается, что предрасположенность к изучению дисциплин определенной направленности обусловлена особенностями мышления. Сегодня принято говорить о формировании особого типа инженерного мышления. Однако, нельзя отрицать и тот очевидный факт, что в подготовке будущего инженера или любого специалиста в области техники и высоких технологий гуманитарная составляющая имеет решающее значение, как, впрочем, в воспитании человека и гражданина вообще [21].

К одному из важных затруднений в области формирования социогуманитарного знания у студентов технических направлений подготовки следует отнести психологические особенности и тип мышления.

Как известно, инженерные и технические направления подготовки выбирают абитуриенты, обладающие синтетическим или аналитическим складом мышления. Их мышление отличается четкостью, последовательностью и высокой скоростью обработки информации. Для таких студентов характерно аналитическое мышление, буквальное понимание слов, последовательный поэтапный анализ информации.

Если для обучающихся с гуманитарным типом мышления основным в процессе обучения является запоминание всевозможных терминов, которое имеет приблизительный характер, а частичное совпадение по одному или нескольким признакам способствует успешному запоминанию новой информации, то, для обучающихся, осваивающих технические дисциплины, запоминание информации не происходит пока не совпадут все основные и второстепенные признаки.

Пытаясь усвоить новую информацию, обучающийся по программе инженерной направленности направления подготовки не ограничивается формальным совпадением нескольких значимых признаков и свойств. Он начинает проверять совпадения и по второстепенным признакам, и только после такого глубинного анализа сделает вывод, запомнит информацию и усвоит изучаемый материал [22].

Именно в этом заложены трудности усвоения учебного материала у обучающихся инженерных направлений подготовки. Чаще всего, преподаватели гуманитарных дисциплин сталкиваются с непониманием студентами информации на лекционных и практических занятиях. А, как известно, понимание информации и ее усвоение формирует интерес к изучаемому предмету/дисциплине. Значит, непонимание студентом учебного материала неизбежно ведет к снижению интереса и несформированности необходимых общекультурных компетенций.

Усвоение информации требует развития памяти, усвоение знаний требует умения работать с информацией, овладения методами обработки информации, что особенно актуально для современной высшей школы [23].

Традиционной формой формирования компетенций в высшей школе является чтение лекций. Это форма интерактивного взаимодействия, при которой преподаватель создаёт педагогический дискурс, пространство мысли, в котором он взаимодействует с обучающимся, обменивается с ним контекстами. Научное знание достаточно сложный феномен, огромную роль в нем играет не формализуемая составляющая, это то, что называется «неявным знанием», или «личностным знанием». Именно его невозможно выразить в письменной форме, можно передать только в процессе личностного общения [24]. Концепцию «неявного знания» предложил М.Полани, и на основе его исследований разработаны такие известные образовательные инструменты как концепции «организационного обучения» И. Нонака – Х. Такэучи и «корпоративного знания» И. Туоми.

«Неявное знание» это тот элемент образовательного процесса, который делает информацию знанием, непосредственный инструмент этого процесса – лекция.

В ходе лекции происходит индивидуальное осмысление получаемой информации, учащиеся мобилизуют внутренние ресурсы осмысления, но делается это под контролем преподавателя. Конспект лекции или учебник не могут передать процесс рождения мысли, они являются результатом мыслительного процесса [25].

Лекция – это пространство творческой работы преподавателя, отражающее его отношение к предмету, который он преподает, и, одновременно, его отношение к самому себе как преподавателю, его самооценка. В этом взаимодействии активное участие принимают студенты, они соучастники. И только став соучастниками, они действительно получают знания и меняются сами [26], формируют весь спектр общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Материалы и методы

Как показывают результаты социологических исследований [27], интерес к изучению гуманитарных дисциплин у студентов технических специальностей снижается, поскольку они воспринимаются ими как дополнительная, совсем не обязательная нагрузка, неважная для их дальнейшего профессионального становления. Практический смысл и значимость студенты видят именно в технических науках, так называемых точных и практикоориентированных. После изучения социологических исследований по анализируемой проблематике, в частности, Е.В. Барановой, А.В. Юревич [28]; Т.А. Новолодской, Т.Н. Садовникова [29] нами было проведено анкетирование студентов технических направлений подготовки.

Объектом исследовательского внимания авторов статьи является процесс формирования социогуманитарного знания у обучающихся технических направлений подготовки. Предметом – условия организации данного процесса с учетом специфики образовательной организации и ориентацией на поиск инструментов эффективного усвоения знаний.

Базой исследования организации процесса формирования социогуманитарного знания посредством педагогического дискурса у студентов инженерных направлений подготовки был один из опорных вузов технической направленности, расположенный на территории Тюменской области, Тюменский индустриальный университет. Контрольная группа была представлена разнополами обучающимися (40 % – девушки, 60 % – юноши) в возрасте от 17 до 20 лет, поступившими в данное учреждение в 2018 году.

Целью эмпирического исследования было определение отношения обучающихся к социально-гуманитарным дисциплинам, выявления сложностей в их освоении и перспектив гуманитаризации технического образования.

Основные исследовательские задачи, которые ставил наш авторский коллектив, это изучение теоретико-методологических подходов к проблеме формирования социогуманитарного знания в условиях технического вуза; описание основных путей гуманитаризации инженерного образования; проведение исследования, направленного на выявление перечня предпочитаемых гуманитарных дисциплин и мотивационных инструментов.

Экспериментальное исследование предполагало проведение диагностики уровня восприятия социогуманитарных дисциплин и готовности обучающихся к их изучению.

Результаты и обсуждение

С целью выявления мнения обучающихся на инженерных специальностях о целесообразности преподавания дисциплин социо-гуманитарного цикла, сопряжению их

перечня, а также требований компетенций, формируемых данными дисциплинами в практической деятельности инженера и социальной жизни выпускника, авторами статьи был проведен опрос 142 студентов, изучающих, помимо философии, истории, правоведения, социологию и политологию. В группу вошли студенты, обучающиеся по программам «Бизнес информатика» (43 человека), «Электротехника и электроэнергетика» (21 человек), «Безопасность технических процессов» (26 человек), «Автоматизация технических процессов» (16 человек), «Технология транспортных процессов» (22 человека), «Строительство уникальных зданий и сооружений» (14 человек).

Сводные данные по опросу представлены в таблице 1 «Результаты опроса студентов, изучавших социологию и политологию».

Таблица 1. Результаты опроса студентов, изучавших социологию и политологию

Вопросы	Ответы респондентов					
	Всего	Муж.	Жен.	Студенты 1 курса	Студенты 2 курса	Студенты 3 курса
1. Какие социально-гуманитарные дисциплины, на ваш взгляд, необходимо включить в образовательные программы для инженеров (выбрать до 5)?						
а) философия;	60,3	33,2	27,1	10,3	19,7	30,3
б) история;	25,4	10,2	15,2	15,7	4,5	5,2
в) культурология;	10,2	2,4	7,8	7,6	1,6	1,0
г) правоведение;	80,5	44,8	35,7	40,2	26,1	14,2
д) социология;	76,3	43,4	32,9	20,2	35,0	21,1
е) политология;	55,3	45,3	10,0	10,1	24,1	21,1
ж) психология;	74,1	30,5	43,6	22,5	24,3	27,3
з) педагогика	9,8	2,3	7,5	2,4	3,8	3,6
е) другое	2,1	2,0	0,1	0,0	0,3	1,8
2. Считаете ли вы ценным изучение социологии для Вас лично и Вашей профессиональной деятельности?						
а) да, очень полезно	40,5	22,3	18,1	10,3	15,7	14,5
б) да	39,3	20,3	19,0	12,3	13,4	13,6
в) «можно было и не изучать»	12,3	9,5	2,8	9,8	2,2	0,3
г) нет	7,9	4,7	3,2	5,4	1,3	1,2
д) другое	0	0	0	0	0	0
3. Повлияло ли на Вашу гражданскую позицию изучение социологии и политологии?						
А) Да, очень повлияло	36,6	17,8	18,8	12,2	18,3	6,1
Б) Да	39,9	13,3	26,6	15,4	12,3	12,2
В) Особенного влияния не заметили	20,3	14,6	5,7	10,2	6,1	4,0
Г) нет	2,2	2,2	0	2,2	0	0
4. Появился ли у Вас интерес к происходящим в стране и мире социальным и политическим событиям?						
А) да, появился	50,6	26,7	18,9	20,4	16,1	14,1
Б) да, но не ко всем	30,3	20,1	10,2	14,4	7,7	8,2
В) нет, не появился	10,1	5,0	5,1	4,8	2,3	3,0
Г) другое	14,0	11,7	2,3	12,2	1,0	0,8

Таким образом, данные опроса показали, что наиболее предпочтительными для обучающихся по инженерным программам, являются следующие социально-гуманитарные дисциплины: правоведение (80,5% выборов), социология (76,3 % выборов), психология (74,1% выборов), философия (60,3% выборов) и политология (55,3%).

В большей степени лица мужского пола предпочитают политологию, правоведение, социологию, и философию, а лица женского пола – психологию и правоведение.

Студенты первого курса для изучения выбрали в большинстве случаев правоведение и психологию, студенты второго курса – социологию, психологию и политологию, а студенты третьего курса – философию, психологию и политологию.

Обращает на себя внимание тот факт, что 80,2 % респондентов считают изучение социологии очень полезным для личностного и профессионального развития, а 76,5 % студентов отметили, что изучение социологии оказало на них позитивное влияние для формирования гражданской позиции. В результате изучения социально-гуманитарных наук 75,9 % студентов стали проявлять интерес к актуальным событиям в регионе, стране, мире.

Выводы

В результате исследования были выявлены предпочтения обучающихся в целесообразности преподавания дисциплин социогуманитарного цикла, сопряжен их перечень в соответствии с требованиями компетенций, формируемых данными дисциплинами в практической деятельности инженера и социальной жизни выпускника.

Авторы считают, что преподавание социально-гуманитарных дисциплин должно быть расширено как по перечню, так и по количеству часов.

Несомненно, что наличие у выпускников инженерных и технических направлений полноценно сформированных гуманитарно-социальных компетенций, будет способствовать их успешному взаимодействию с коллегами в профессиональной сфере, карьерному росту и развитию всесторонне развитой личности.

Прежде всего, речь идет о том, что сохранение социогуманитарной составляющей в содержании высшего образования инженерно-технических направлений подготовки является важным условием успешной адаптации обучающихся к социальным изменениям их жизнедеятельности в условиях современного образовательного пространства и для их будущей профессиональной деятельности, прежде всего коммуникативной направленности.

Дисциплины социогуманитарного цикла обеспечивают связь теоретических, методологических и практических аспектов процесса обучения, поскольку требуют актуализации синкретичности мышления, использования межпредметных связей.

Рекомендации

Эффективность социогуманитарной составляющей инженерного образования можно обеспечить: его непрерывным характером и интеграцией социально-экономического и социально-психологического, коммуникационного компонентов из общего содержания образования (дисциплин, обеспечивающих общекультурные и общепрофессиональные компетенции) и профессиональных дисциплин на уровнях конвергенции (синхронизации), взаимодействия и интерференции (синтеза); организацией социальной практики обучающихся, в процессе которой воспроизводится их социальный опыт и обогащается коммуникативный компонент.

В облегчении восприятия учебного материала обучающимся технических направлений подготовки может помочь схематичное изложение учебного материала с постепенным вводом в лекционный материал текстовых фрагментов.

Задания практической части аудиторной и самостоятельной работы лучше формулировать и предлагать к выполнению в формате таблиц, рисунков и схем, что

позволить более эффективно усвоить учебный материал и сформировать необходимые социогуманитарные компетенции.

На обогащение субъективного социального опыта обучающихся высшей школы позитивно влияют: организация эмоционального переживания ими важных и близких им социальных ситуаций; степень их причастности к решению актуальных социальных и политических проблем; осознанность масштабности и социальной значимости этих проблем; субъектность их позиции в социально ориентированной практике; насыщенность содержания их деятельности решением вопросов социально-гуманитарной направленности при помощи актуализации инженерного (технического) мышления.

Успешность профессионального развития обучающихся, особенно, младших курсов зависит от учета педагогами специфики индивидуальных особенностей их адаптации к изменяющимся жизненным условиям. В наше время постоянно возрастает техническая сложность средств производства, что требует особого внимания к профессиональным интеллектуальным качествам инженера, а также к его творческим способностям и широте мышления, что невозможно сформировать только специальными дисциплинами, исключив социогуманитарное знание.

Библиографический список

- [1] Akvazba E.O., Gabysheva L.K., Medvedev P.S., Skok N.I., Ukhagina T.E. Transformation of Approaches to Organizing the Students' University Practical Training in the Area of Social Activity: A Post-Soviet Experience // *Journal of Social Studies Education Research*. – 2017. – Vol. 8, №2. – P. 62–79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jsser.org/article/view/5000213552/5000182887>.
- [2] Чельшева И.В. Методика и технология медиаобразования в школе и вузе. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 544 с.
- [3] Hofman-Bergholm M. Changes in Thoughts and Actions as Requirements for a Sustainable Future: A Review of Recent Research on the Finnish Educational System and Sustainable Development // *Journal of Teacher Education for Sustainability*. – 2018. – Vol. 20, No 2. – P. 19–30.
- [4] Скоробогатов А.В., Иуков Е.А. История становления и развития профессионального образования в России (XVIII–XX вв.) // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. – 2017. – № 2 (26). – С. 181–185.
- [5] Костромина С.Н., Медина Бракамонте Н.А., Заширинская О.В. Современные тенденции педагогической психологии и психологии образования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. – 2016. – № 1. – С. 109–117.
- [6] Наследов А.Д., Заширинская О.В. Феномен педагогической перцепции в контексте коммуникативного развития ученика // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. – 2008. – № 4. – С. 252–261.
- [7] Федотова Н.В., Суленко И.А. О необходимости формирования пространственного мышления // *Современные наукоемкие технологии*. – 2008. – № 8. – С. 44–47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=24125> (дата обращения: 05.07.2018).
- [8] Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Москва: ГУВШЭ, 2004. – 28 с.
- [9] Баранова Е.В. Значение гуманитарных дисциплин в техническом вузе // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2012. – Том 2. – С.131–134.
- [10] Мудрик А.В. Социальная педагогика. – Москва: Академия, 2013. – 240 с.

- [11] Saat, M.M., Bakar, S.A., Rafai, N.H., & Amin, A.M. (2012). Ethical Challenges in the Workplace: Are These Future Engineers Prepared? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – 40. – P. 269–273.
- [12] Мамалыга Р.Ф., Корелин Д.С., Тверская Н.А. Один из аспектов формирования инженерного мышления у студентов при дистанционной форме обучения // *Новые образовательные технологии в вузе: материалы XII международной научно-методической конференции (НОТВ–2015)*. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 218–223.
- [13] Габдулхакова М.В. Соотношение толерантности к неопределённости, мотивации к успеху, мировосприятия и тревожности у студентов мужского и женского пола в высших учебных заведениях // *Образование и саморазвитие*. – 2019. – Т. 14, № 1. – С.45–56.
- [14] *Globalization 2.0. New Approaches to Research and Teaching* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/papers/Globalization2.pdf> (дата обращения: 11.07.2018).
- [15] Lapuzina O., Romanov Yu., Lisachuk L. Professional Ethics as an Important Part of Engineer Training in Technical Higher Education Institutions // *“The New Educational Review*. – 2018. – Vol. 54, No. 4. – P. 110–122.
- [16] Новолодская Т.А., Садовников В.Н. *Философские проблемы социально-гуманитарного знания: учебное пособие*. – Санкт-Петербург: ИТМО Государственный университет, 2008, – 208 с.
- [17] Васильев В.Н., Дульнев Г.Н., Золотарев В.М., Коровкин А.М. Проблемы гуманитаризации технического образования // *Научно-технический вестник СПб ГИТМО (ТУ): Новые направления гуманитарной составляющей технического образования*. – 2002. – Вып. 2. – С. 171.
- [18] Давыдов С.А. *Социология*. – Москва: Эксмо, 2008. – 160 с.
- [19] Valeeva, R.A. & Gafurov, I.R. Initial teacher education in Russia: connecting theory, practice and research // *European Journal of Teacher Education*. – 2017. – Vol. 40, No 3. – P. 342–360.
- [20] Song S., Choi K., & Rhee H. Science and Engineering Major Students' Perception of Research Ethics and Education. *KEDI // Journal of Educational Policy*. – 2010. – Vol. 7, No 1. – P. 175–205.
- [21] *Формирование инженерного мышления в процессе обучения: материалы междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апреля 2015 г., Екатеринбург, Россия: / Уральский государственный педагогический университет; отв. ред. Т.Н. Шамало*. – Екатеринбург: [б.и.], 2015. – 284 с.
- [22] Манькова И.В. *Формирование инженерного мышления в процессе обучения естественнонаучным дисциплинам // Формирование инженерного мышления в процессе обучения: материалы междунар. науч.-практ. конф., 7–8 апреля 2015 г., Екатеринбург, Россия: / Уральский государственный педагогический университет; отв. ред. Т.Н. Шамало*. – Екатеринбург: [б.и.], 2015. – С.119–123.
- [23] Ермолаева С.С. *Практические рекомендации по педагогическому проектированию процесса обучения гуманитарным дисциплинам в техническом вузе // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф.* – Пермь, 2011. – С. 66–72.
- [24] Nazmi X. Influence of School Leadership Style on Effective Teaching and Teacher–Student Interaction // *Pedagogy*. – 2018. – Vol. 132, No 4. – P. 42–62.
- [25] Škėrienė S., Augustinienė A. The Theoretical Framework of Factors Influencing the Pedagogical Decision Making // *Pedagogy*. – 2018. – Vol. 131, No 3. – P. 5–25.
- [26] Лукьяненко А.А. Роль виртуалистики в преподавании философии // *Актуальные научные исследования. Сборник статей II-ой Международной научно-практической конференции*. – Тюмень, 2018 – С. 58–64.

- [27] Баранова Е.В. Значение гуманитарных дисциплин в техническом вузе // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 2. – С.131–134.
- [28] Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. – Москва: ГУВШЭ, 2004. – 28 с.
- [29] Новолодская Т.А., Садовников Т.Н. Философские проблемы социально–гуманитарного знания. – Санкт–Петербург: ИТМО Государственный университет, 2008. – 208 с

References

- [1] Akvazba, E.O., Gabysheva, L.K., Medvedev, P.S., Skok, N.I., & Ukhagina, T.E. (2017) Transformation of Approaches to Organizing the Students' University Practical Training in the Area of Social Activity: A Post–Soviet Experience. *Journal of Social Studies Education Research*, 8 (2), 62–79. Retrieved from <http://jsser.org/article/view/5000213552/5000182887>.
- [2] Chelysheva, I.V. (2013). *Methods and technology of media education in school and University*. Moscow: Direct Media.
- [3] Hofman–Bergholm, M. (2018) Changes in Thoughts and Actions as Requirements for a Sustainable Future: A Review of Recent Research on the Finnish Educational System and Sustainable Development. *Journal of Teacher Education for Sustainability*, 20(2), 19–30.
- [4] Skorobogatov, A.V., & Iukov, E.A. (2017). The history of the formation and development of vocational education in Russia (XVIII–XX centuries). *Professional Education in Russia and Abroad*, 2 (26), 181–185.
- [5] Kostromina, S.N., Medina Bracamonte, N.A., & Zashchirinskaya, O.V. (2016). Modern trends in educational and educational psychology. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 1, 109–117.
- [6] Nasledov, A.D., & Zashchirinskaya, O.V. (2008). The phenomenon of pedagogical perception in the context of student communication. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 4, 252–261.
- [7] Fedotova, N.V., & Solanco, I.A. (2008). About necessity of formation of spatial thinking. *Modern High Technologies*, 8, 44–47. Retrieved from <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=24125>.
- [8] Yurevich, A.V. (2004). *Socio–Humanitarian science in modern Russia: adaptation to the social context*. Moscow: GUWSE.
- [9] Baranova, E.V. (2012). Importance of Humanities in technical University. *Bulletin of Kostroma state University. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2, 131–134.
- [10] Mudrik, A.V. (2013). *Social pedagogy*. Moscow: Akademiya.
- [11] Saat, M.M., Bakar, S.A., Rafai, N.H., & Amin, A.M. (2012). Ethical Challenges in the Workplace: Are These Future Engineers Prepared? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 40, 269–273.
- [12] Mamalyga, R.F., Korelin, D.S., & Tverskaya, N.A. (2015). One of the aspects of the formation of engineering thinking in students in distance learning. In *New educational technologies at the University: proceedings of the XII international scientific and methodological conference (NOTV–2015)* (pp. 218–223). Ekaterinburg: Urfu, 2015.
- [13] Gabdulhakova, M.V. (2019). The ratio of tolerance to uncertainty, motivation for success, worldview and anxiety among male and female students in higher educational institutions of Kazan. *Education and Self Development*, 14(1), 45–56.
- [14] Globalization 2.0. (2017). *New Approaches to Research and Teaching*. Retrieved from <http://russiancouncil.ru/papers/Globalization2.pdf>.

- [15] Lapuzina, O., Romanov, Yu., Lisachuk, L. Professional Ethics as an Important Part of Engineer Training in Technical Higher Education Institutions. *The New Educational Review*, 54(4), 110–122.
- [16] Novolodskaya, T.A., & Sadovnikov, V.N. (2008). *Philosophical problems of social and humanitarian knowledge*. St. Petersburg: ITMO State University.
- [17] Vasiliev, V.N., Dulnev, G.N., Zolotarev, V.M., & Korovkin, A.M. (2002). Problems of humanitarization of technical education. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg Gitmo (TU): New Directions of the Humanitarian Component of Technical Education*, 2, 171.
- [18] Davydov, S.A. (2008). *Sociology*. Moscow: Eksmo.
- [19] Valeeva, R.A. & Gafurov, I.R. (2017). Initial teacher education in Russia: connecting theory, practice and research. *European Journal of Teacher Education*, 40(3), 342–360.
- [20] Song, S., Choi, K., & Rhee, H. (2010). Science and Engineering Major Students' Perception of Research Ethics and Education. *KEDI Journal of Educational Policy*, 7(1), 175–205.
- [21] Shamalo, T.N. (Ed.). (2015). Formation of engineering thinking in the learning process. In *Materials of the International Scientific–Practical Conference, 7–8 April 2015*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- [22] Mankova, I.V. (2015). Formation of engineering thinking in the process of teaching natural science disciplines. In T.N. Shamalo (Ed.). *Formation of Engineering Thinking in the Learning Process: Materials of the International Scientific–Practical Conference, 7–8 April 2015* (pp. 119–123)
- [23] Yermolaeva, S.S. (2011). Practical recommendations on pedagogical design of the process of teaching Humanities in a technical University. In *Problems and Prospects of Development of Education: Materials of the International Scientific Conference* (pp. 66–72). Perm.
- [24] Nazmi, X. (2018) Influence of School Leadership Style on Effective Teaching and Teacher–Student Interaction. *Pedagogy*, 132(4), 42–62.
- [25] Škėrienė, S., & Augustinienė, A. (2018). The Theoretical Framework of Factors Influencing the Pedagogical Decision Making. *Pedagogy*, 131(3), 5–25.
- [26] Lukyanenko, A.A. (2018). The Role of virtualism in teaching philosophy. In *Actual scientific researches. Collection of Articles of the II–nd International Scientific–Practical Conference* (pp. 58–64). Tyumen.
- [27] Baranova, E.V. (2012). Importance of Humanities in technical University. *Bulletin of Kostroma state University. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2, 131–134.
- [28] Yurevich, A.V. (2004). *Socio–Humanitarian science in modern Russia: adaptation to the social context*. Moscow: GUVShE.
- [29] Novolodskaya, T.A. & Gardeners, T.N. (2008). *Philosophical problems of social and humanitarian knowledge*. St. Petersburg: ITMO State University.

Получена / Submitted: 14/03/2019

Доработана / Revised: 22/04/2019

Принята к публикации / Accepted: 22/05/2019

Подписано в печать 28.06.2019. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 8,32. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500. Заказ № 1474
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.